

РАССКАЗЫ

Галина Романовская

Галина Романовская

РАССКАЗЫ

Самой прекрасной выставочной
организации России – ЦВК «Экспоцентр»,
с которой связаны лучшие годы моей жизни,
и её Генеральному директору В.А. Малькевичу,
с благодарностью и любовью.
Т. Романовская

ГАЛИНА
РОМАНОВСКАЯ

РАССКАЗЫ

Общество сохранения
литературного наследия

Москва
2010

СВЕКРОВЬ

УДК 821.161.-32 Романовская Г.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

РАССКАЗЫ.

Г.А. Романовская

М.: О-во сохранения лит. наследия, 2010, 256 с.
ISBN 978-5-902484-30-1

Агентство СІР РГБ

Рассказы Галины Романовской никого не оставят равнодушным, каждый из них – это необычные, увлекательные, но порой и грустные истории из жизни наших современников. Описанные сцены, обстановка и сами герои этих непрдуманных рассказов для читателя могут показаться узнаваемыми и близкими. Невымышленные образы героев рассказов, запечатлённые рукой автора, благодаря этой книге сохранятся в памяти читателей на многие годы и, возможно, помогут им переосмыслить что-то из своей прошлой жизни в новом для себя качестве.

ISBN 978-5-902484-30-1

© Г.А. Романовская, 2010.
© ОСЛН, 2010.

Той ночью над нашим дачным посёлком разразилась сильная гроза. Гром грохотал так, что закладывало уши. Вспышки молнии на мгновение освещали комнату, и она становилась похожей на трепещущую таинственную виртуальную картину. Я ощупью нашла выключатель, но света не было. Медленно, в густой темноте, спустилась по лестнице в гостиную, осторожно побрела к буфету, где у меня хранились свечи, натыкаясь в темноте на стол, на стулья, на какие-то другие предметы. Казалось, что вся комната была заставлена мебелью. Наконец, добралась до свечей, но никак не могла найти спичек. Спички обнаружила рядом с подсвечником. Зажгла свечи. Сразу стало легче.

И тут открылась дверь спальни, где мы разместили приехавшую накануне вечером мать Димы (мою будущую свекровь), и Ксения Матвеевна выплыла из темноты собственной персоной. Она была вся в белом, словно привидение. На плечах накинуто что-то тёмное, наверное, шаль. Тяжело неся своё грузное тело, она дошла до кресла и сразу же села в него, прерывисто дыша.

— Вам плохо? — Мне вдруг стало страшно, что она умрёт здесь, в моём доме. — Я сейчас разбужу Диму.

— Нет, не нужно. Пусть поспит. Он устал. Шутка сказать: он вёз меня к вам почти шесть

часов. Сейчас всё пройдёт. Я приняла лекарство.

— Очень душно...

— Да, нечем дышать...

Новые раскаты грома заглушили слова. Молния на мгновение осветила её лицо, и мне показалось, что она как-то странно улыбается.

— Ну вот, стало лучше... Садись рядышком, поговорим. Нам надо получше узнать друг друга, и если удастся, полюбить...

Я внутренне рассмеялась, услышав это — «полюбить». И она как будто услышала мой смех. Её взгляд отчуждённо скользнул по моему лицу:

— Если не полюбить, то хотя бы понять... — снисходительно, словно дурочке, пояснила она. Я ещё не сказала ей ни слова, а она уже выискивала во мне недостатки, которые ей предстоит исправлять.

— Да, — сказала я, как можно мягче и приветливее, — конечно. Мы же совсем не знаем друг друга, а нам предстоит стать близкими родственниками. А родственникам лучше дружить.

Она пристально посмотрела на меня. В дрожащем свете свечи её лицо казалось каким-то искажённым, как у моделей Сальвадора Дали. Было мучительно неудобно от её близкого присутствия, и я понимала, что надо о чём-то говорить, чтобы скрыть свои мысли. Но о чём говорить с этой незнакомой неприятной старухой?

— Какая гроза! — сказала я, подойдя к окну. Буря не утихала. Молнии одна за другой высвечивали небо, деревья гнулись дугой, дождь поливал с неослабевающей силой. Картина завораживала, и я не могла заставить себя отойти от окна:

— Это счастье, что вы успели приехать до дождя.

— Дима прекрасно водит машину. Я с детства его приучала к аккуратности. — («Непонятно, кого хвалит, Диму или себя» — подумала я с неприязнью). — Иди — садись ко мне поближе, расскажи о ваших планах, — снова позвала она. Я вынуждена была подчиниться.

Когда я села на стул рядом с ней, она тихо спросила:

— Почему вы с Димой скрыли от меня, что у вас есть сын?

Её вопрос меня ошеломил. Я не знала, что ей ответить. Было ясно, что Дима не сказал ей, что у меня есть ребёнок. Видимо, так и не решился. Но откуда же она о нём узнала, и почему решила, что его отец — Дима?

— Разве Дима не сказал вам... — начала я, не зная, что сказать ещё.

— Не сказал. И это меня удивляет. Как можно не сказать о самом главном?

— Но тогда, откуда вы узнали о Серёжке?

— Я же не слепая, — уклончиво ответила она. — Сколько ему лет? Где он? Разве он не будет на вашем бракосочетании?

— Он у моей тётки, в Геленджике. Она при-

везёт его завтра. Он уже большой, скоро шесть.

— Бог ты мой! Шесть лет! И я о нём ничего не знала! Как это возможно?!

Я растерянно молчала. Непонятно откуда взявшаяся убеждённости свекрови, что Серёжка — её внук, меня обескураживала. Что я могла ответить на это? Сказать, что он сын другого человека, у меня просто не поворачивался язык. Она никогда не простит мне своего разочарования. Подыгрывать ей в её убеждении, что мальчик её родной внук, было нечестно. Чтобы не выглядеть невежливой, как-то отреагировать на её восклицание, я снова спросила:

— Как вы узнали о Серёже?

— Да вон его фотография. Он же вылитый Дима.

— Неужели? — продолжала я оттягивать неизбежное объяснение.

— Сходи ко мне в комнату, Маша. Принеси сумочку. Она лежит на кресле.

Я с облегчением вскочила со стула и направилась в спальню. Вспышки молнии освещали мне дорогу. Вот кресло. Вот её сумочка. Зачем она ей понадобилась? Не иначе, привезла детские фотографии Димы. Старухи это обожают. Я взяла сумку и не спеша вернулась в гостиную. Я не ошиблась. Ксения Матвеевна вынула из сумки конверт и достала несколько фотографий.

— Вот, посмотри. Здесь Дима совсем маленький, ему месяца четыре, наверное. — И

она протянула мне первую фотографию. Я придвинула подсвечник поближе, вглядываясь в запечатлённых много лет назад мадонну с младенцем... Хорошенький малыш с толстыми щеками, похожий на всех детей этого возраста, прильнул к молодой женщине, держащей его на руках. Женщина неподвижно расположилась в кресле и была необыкновенно красива. Большие светлые лучистые глаза, в которых притаилась любовь, нежный овал лица, таинственная полуулыбка... Настоящая мадонна. Кто это? Я перевела вопросительный взгляд на свекровь, и Ксения Матвеевна удовлетворённо улыбнулась:

— Да, девочка, старость и болезни не красят.

Господи! Неужели эта прекрасная женщина на фотографии — моя свекровь? Нет, это невозможно... Ничто в оплывшей, тяжело дышащей старухе даже отдалённо не напоминало ту красавицу.

А свекровь тем временем достала вторую фотографию, и она вызвала у меня не меньший шок. На ней был мой Серёжка. В матросочке. Точно такая же фотография стоит здесь в гостиной на пианино.

— Откуда у вас это фото?

— То есть как, «откуда»? Здесь Димке пять лет. А это — мы с ним вместе. Фотографировались в Доме художника на Тверской.

Неистовая гроза, готовая расколоть наш дом на части, и моя странная свекровь, вытаскивающая, словно фокусник, фотографии мальчика, как две капли воды похожего на

моего сына, меня оглушили. Я смотрела на прекрасную незнакомку с моим сыном на коленях и не могла вымолвить ни слова.

— Вот видишь, как они похожи. Когда я увидела портрет Серёжи на пианино, как было не догадаться, что он сын Димы?

— Не знаю, что сказать, — пробормотала я. Я была смущена, взволнована, чувствовала какую-то неловкость, точно меня поймали на ужасной, подлой лжи. Теперь я перестала быть хозяйкой своей жизни, и каждое мгновение могло принести с собой всё, что угодно.

Свекровь умолкла, глядя на старые фотографии. О чём она думала? И чувствовала ли хоть какую-нибудь связь с той прекрасной незнакомкой?

Между тем, гроза переместилась куда-то подальше от нашего дома. Сполохи молнии уже не сопровождались оглушительным треском. Шум дождя перешёл в невнятное бормотание.

— Девочки, вы почему не спите? — мы обе вздрогнули от неожиданности, увидев рядом с собою Диму. Он обнял нас обеих за плечи, целуя в склонённые над фотографиями головы.

— Дима, тебя разбудила тишина? Как только гроза утихла, ты сразу проснулся, — переглянувшись со свекровью сказала я. И мы с ней рассмеялись, глядя на него с любовью.

— А вы что тут обсуждаете, как заговорщики? — Его глаза счастливо поблескивали. Я

знала, что он был доволен, что мы нашли со свекровью общий язык. — И что это за фотографии?

— Это твои детские. Я привезла их показать Маше. Жена, чтобы понять своего мужа, обязательно должна видеть его детские фото. Да и тебе их невредно посмотреть, ты наверняка их не помнишь.

Дима взял в руки фотографии и с удивлением посмотрел на меня:

— Ты видела? Ну, и чудеса...

— Почему чудеса? — подхватила свекровь. — Мальчики часто очень походят на своих отцов.

Дима снова бросил взгляд в мою сторону. Но я только и смогла, что усмехнуться и опустить глаза. Дима понял это по-своему.

— Да, мы с Серёжкой здорово похожи, — засмеялся он. — Это приятно, правда, Маша?

Очень приятно, — сказала я. И чтобы переключить разговор на другую тему, я предложила: — Ксения Матвеевна, у нас есть чудесный ликёр. Может, выпьем по глоточку?

Ксения Матвеевна согласилась. Я поменяла оплывшие свечи в подсвечнике, и мы уселись за стол. Дима достал ликёр, разлил в маленькие рюмочки.

— Дорогие мои, — сказала свекровь, — как я счастлива, что дожила до этого дня. У моего Димочки чудесная жена, замечательный сын. Что ещё нужно старой женщине?

Дима вскочил со своего места и нежно обнял мать:

— Мамочка, спасибо тебе. Ты всегда была со мною рядом, всегда понимала и поддерживала меня. Я очень тебя люблю.

Я тоже встала в нерешительности, не зная, как себя вести в подобной ситуации. Горячность Димы показалась мне чрезмерной. Но когда Дима взглянул на меня, и я увидела, что он действительно взволнован, я поспешно приблизилась к свекрови и неловко поцеловала её в щёку у самого уха.

— А я, как увидела маленького Серёженьку, вспомнила, каким непослушным непоседой был Дима в его возрасте. Мой внук тоже доставляет тебе беспокойство? — спросила свекровь, глядя на меня с улыбкой.

— Всё случается, — ответила я. Я изо всех сил старалась быть любезной, но у меня это плохо получалось. Почему-то я не могла быть с ней естественной, не могла, как ни старалась ощутить к ней хоть какую-нибудь симпатию.

— А помнишь, мама, как я залез на дерево, а спуститься не мог. Ты полезла за мной меня спасать, и потом мы уже вдвоём никак не могли спуститься вниз.

Они оба весело рассмеялись. Мне тоже стало смешно: я представила, как эта пожилая полная дама вдруг полезла на дерево.

— Да, — задумчиво произнесла свекровь, — нас тогда спас Владимир Васильевич... Царствие ему Небесное.

— Представляешь, Маша, — смеялся Дима, как экстравагантно мама познакомилась с моим отчимом. Он проходил мимо дерева, где, как в ловушке, сидели мальчик и красивая молодая женщина, и бросился их спасать. У детей глаз зорок, и я никогда не забуду, как мама спустилась на нижний сук дерева, он зловеще затрещал, и она упала прямо в объятия Владимиру Васильевичу, который вовсе не спешил поставить свою ношу на землю.

Они снова весело засмеялись, и по их лицам было видно, как приятны им обоим эти воспоминания.

— Ну, что ж, дети, я пойду прилягу. — Свекровь выглядела усталой, но в глазах светилась искренняя радость.

— Вам помочь? — спросила я.

— Нет, спасибо. Спокойной ночи, мои дорогие. — И она ласково поцеловала нас: сначала меня, потом Диму.

Мы поднялись с Димой на второй этаж, где временно в гостевой комнате устроили себе спальню. Дима шёл впереди со свечой в руке, освещая дорогу. Я молча шла за ним. В моей душе всё перепуталось, сплелось в клубок, и я никогда не смогла бы рассказать, что чувствовала, что переживала, поднимаясь по этой крутой деревянной лестнице.

Мы вошли в комнату для гостей с широкой двуспальной кроватью, наша одежда была небрежно разбросана по стульям и даже валялась на полу. Было жарко и душно. Я откры-

ла настезь окно. Дождь утих, гроза, наконец, угомонилась. Свежий прохладный воздух ворвался в комнату. Небо слегка посветлело — приближался рассвет.

— Давай спать, скоро утро, — сказала я.

Дима подошёл ко мне, обнял, крепко прижал к груди так, что я слышала биение его сердца:

— Я очень тебя люблю, Машенька, мне так хорошо с тобой. Знаешь, я сегодня осознал, почувствовал, что Серёжка действительно мой сын. Не говори, что этого не может быть. В жизни возможно всё. Он — мой сын. И никто не разубедит меня в обратном. — Он помолчал, потом добавил: — Спасибо тебе за маму, любимая.

Эти слова пронзили мою душу чувством вины перед свекровью. С трудом сдерживая слёзы, я вдруг осознала, что эта старая больная женщина, когда-то прекрасная и любимая, родила и вырастила моего Диму — мужчину, которого я так люблю.

Мы долго лежали без сна, крепко обнявшись, думая каждый о своём. Это были счастливые мгновения нашей жизни, когда вдруг, как по мановению волшебной палочки, все шероховатости в наших отношениях навсегда исчезли, и мы ощутили сладостную полностью жизни и невероятную физическую и духовную близость.

Когда я, наконец, заснула, мне приснился странный и страшный сон: к нам в комнату вошла свекровь, одетая в длинное белое пла-

тье. Я взглянула на её лицо и увидела, что оно молодое и прекрасное, как на тех фотографиях с маленьким Димой. И вдруг на моих глазах её лицо стало растекаться, заплыл один глаз, потом другой, деформировался нос... Это было ужасно. Я хотела закричать, но из груди вырвался только глухой стон.

— Маша... Машенька, — услышала я откуда-то издали голос Димы.

Я открыла глаза и в предрассветном сумраке увидела перед собой бледное, искажённое отчаянием лицо Димы:

— Маша! Мама... умерла.

ИЛЬЯ И СОНЯ

Илья вошёл в купе поезда, кинул свой чемодан на верхнюю полку, сел у окна и глубоко задумался. Он знал, что уезжает навсегда, что ему придётся начать жизнь сначала, и какой будет его новая жизнь, невозможно было предугадать. «Впрочем, — уговаривал он себя, — счастья в этом мире не бывает. Человеческая жизнь — это трагедия, исход которой предрешён. Но раз человек обречён на поражение, он должен хотя бы сохранять человеческое достоинство».

Поезд плавно тронулся с места. Перрон медленно поплыл перед окном купе.

Илья встал, сделал несколько упражнений, расправив затёкшие плечи. Взглянул на не занятое никем второе место в купе. Открылась дверь, и вошёл полный неторопливый проводник вагона.

— Прощу ваш билет, — сказал проводник. — Да, пока никто не занял второе место вашего купе, — ответил проводник на его вопрос. — Ближайшая остановка только утром. Так что наслаждайтесь одиночеством, — прощаясь, с улыбкой закончил он.

Но Илья вдруг почувствовал разочарование. Ему хотелось выпить со своим попутчиком и поговорить. Хотя, конечно, как-то не принято делиться сокровенными мыслями с первым встречным. Но это — теоретическое рассуждение. А на практике именно первому

встречному можно открыть свою душу. Только человек, который тебя никогда прежде не видел и не имеет на твой счёт превратных суждений, способен тебя понять, посочувствовать и даже дать дельный совет. И к тому же незнакомый человек не сможет использовать твои откровения в личных целях. Но видно не суждено. Его ждёт одинокая бессонная ночь и назойливые неприятные мысли, которые будут изводить его душу.

Он смотрел в окно, где уже стусились сумерки, и думал о своём. Да, есть во всём происходящем ужасная несправедливость. Они сразу не понравились друг другу, он и его новый начальник. Начальник больше походил на охранника, чем на шефа-интеллектуала, настоящий носорог. Квадратный, с мрачным, непроницаемым выражением лица, начисто лишённый чувства юмора, и нетрудно было догадаться, что он ничего не смыслит в их деле. К тому же он явно был всегда навеселе. И это означало, что фирма, когда-то созданная Сергеем Михайловичем Красновым, честным деловым человеком, который недавно погиб «при невыясненных обстоятельствах», как им сообщили в прокуратуре, теперь будет загублена. Но что поделаешь, начальник не ты выбираешь. И он терпел, растерзанный противоречиями, никому не жаловался, и даже Соня, его жена, ничего об этом не знала. И только когда его уволили с работы под надуманным предлогом, он рассказал ей всё. Выслушав, Соня обозвала его недотёпой,

рохлей, они впервые крупно поссорились. А ведь они поженились по горячей любви. Но при первом же испытании он не нашёл у неё поддержки, напротив, она дала понять, что презирает его за его неудачи.

И вот тогда он решил уехать. Навсегда. И больше никогда её не видеть.

«Как всё подло, мерзко», — думал он, и жалость к себе растревляла его душу. Вспоминная прожитые годы, он уже не мог вспомнить ни одного по-настоящему счастливого дня. И вот ему уже за тридцать, а жизнь как будто ещё и не начиналась. А Соня, его любимая жена... Не выдержала первого же испытания, хотя обещала до гроба любить мужа и в радости, и в печали. К горлу подступил предательский комок. Он поспешно достал чемодан, вынул оттуда бутылку коньяка, налил в стоящий на столике стакан и залпом выпил. Потом улёгся прямо в одежде на свою полку и заснул.

Он проснулся глубокой ночью. Дежурный фонарь скупо освещал купе. Напротив сидел худой угловатый мужчина с длинной шеей. Кто это? Как мог он попасть в его купе, если дверь была заперта? Илья лежал молча, не шевелясь, рассматривая сквозь приоткрытые веки пришельца. Мужчина сразу заметил, что его сосед по купе проснулся:

— Привет, — приветливо, как со старым знакомым, поздоровался он. — Я разбудил вас?

Илья поспешно поднялся, и теперь они сидели напротив, глядя в глаза друг другу.

— Нет, не разбудили. Я просто удивился, откуда вы взялись. Ведь остановка поезда будет только утром.

— Я появился как бы из ниоткуда, — добродушно рассмеялся он. Меня зовут Алексей.

— Илья, — и они крепко пожали друг другу руки.

— Ого, — подмигнул Алексей, бросив взгляд на стоящую на столике початую бутылку коньяка, — я вижу, вы тут уже приложились. В одиночку нехорошо...

— Куда ж деваться? Попутчика не было. А выпить очень было нужно.

— Полегчало? А то, может, продолжим? — и Алексей налил Илье полстакана, и себе плеснул немного за компанию.

Они выпили, закусив дольками яблока, лежащими на столе.

— Что, неприятности? — участливо спросил Алексей. — Да, жизнь, она, брат, такая, — полосатая. Не горюй, всё будет тип-топ.

— Если б так? Нет, от жизни не жду уже ничего — Илья вдруг почувствовал неуёмное желание всё рассказать новому товарищу. Он стыдился этого желания, но бессильно был его превозмочь. Коньяк тёплой волной разлился по телу, ударил в голову, и он начал рассказывать своему попутчику, как несправедлива к нему жизнь, как подло обошлись с ним и начальник, и его собственная жена. Его голос звучал торопливо, надсадно,

на глазах выступили предательские пьяные слёзы.

Алексей ласково смотрел на него, не забывая понемножку добавлять из бутылки в его опустевший стакан, с сочувствием покачивая головой:

— До чего же суки, эти бабы. Ты правильно сделал, что ушёл от неё. — Потом внимательно посмотрев на Илью, он вдруг спросил:

— А ты где работал? — и когда тот назвал ему фирму, радостно воскликнул: — То-то я думаю, где я мог тебя видеть? Теперь вспомнил! Моя жена работала в этой фирме. Я пару раз к ней приходил и видел тебя там. Так я тебе объясню, почему так с тобою поступили и начальник, и жена. Твоя жена уже давно спит с ним, об этом вся фирма судачила. Уж не знаю, как ты об этом не слышал.

Илья вскочил со своего места, схватил пустую бутылку и кинулся на попугайчика:

— Врёшь!

— Успокойся! Ты что, сбрендил? Мне-то за чем врать? — он крепко обнял жилистыми руками Илью, отобрал у него бутылку и спокойно сказал:

— Возвращайся-ка домой. Разберись с ней. Такое не прощают.

Илья в бессильной ярости пытался дать Алексею по физиономии. Алексей добродушно сдерживал его натиск. Но постепенно вспышка агрессии уступила место жалкому всхлипыванию. Алексей благодушно продолжал:

— Ты зря так. Этим горю не поможешь. Послушай меня, я дурного не посоветую. Возвращайся домой и накажи её так, чтобы она запомнила навсегда.

— Как? Как я её накажу?

— Ты пьян, поэтому сейчас решить ничего не сможешь. А приедешь домой, там и решишь. Я бы прикончил её, суку. А теперь идём. Сейчас будет полустанок, и наш поезд на пару минут остановится. Ты сядешь на встречный поезд и неожиданно нагрянешь домой. Понял меня? — Он за руки поднял Илью с места и, взяв его за талию, повёл к выходу, помог ему спуститься на землю, дружески похлопал по плечу и, указывая на стоящий напротив товарняк, сказал:

— Вот на нём и поедешь. Пойдём, помогу тебе залезть. — Эй, ребята! — крикнул Алексей в темноту открытой двери вагона, — примите моего друга! Ему нужно помочь.

Из темноты выскочили двое мужиков и ловко втянули Илью на платформу товарняка.

— Идём, приятель, — говорили они, — тебе выспаться надо.

Они волокли его большое обмякшее тело вглубь тёмного пустого вагона и уложили на полу на какие-то тряпки.

Проснулся Илья оттого, что кто-то бесцеремонно тряс его за плечо:

— Вставай, пьянчуга! — сердито кричал ему в ухо женский голос, — тут тебе не бомжатник. Выметайся на все четыре стороны!

Ничего не понимая, он вскочил с пола, огляделся вокруг: полутёмный пустой вагон, нестерпимый запах нечистот. Рядом с ним женщина в железнодорожной форме. Где он? Как сюда попал?

— Простите, — пробормотал он. — Не пойму, где я.

— Выходи. Там разберёмся, — уже не так агрессивно скомандовала женщина.

Он с трудом спустился на платформу. Голова гудела, во рту была помойка. Он никак не мог взять в толк, куда это он приехал и что сейчас: утро или вечер? Женщина, взглянув на него, совсем смягчилась:

— Да тебя, видно, мошенники опоили и облапошили? Их тут видимо-невидимо. Где твои вещи? Куда ты ехал?

— Я... К сестре в Краснодар... Был чемодан. Деньги. Теперь нет ничего. А это ведь не Краснодар?

— Какой тебе Краснодар? Это Москва. У тебя есть знакомые в Москве?

— Жена.

— Ну, слава Богу. Поезжай домой. К сестре съездишь в следующий раз. Только нельзя же быть таким ребёнком. Ты что не знаешь, где живёшь? Верить нельзя никому.

— Как никому? Мне же вы верите!

— Тебе верю. У тебя всё на лице написано. Да и что ты сравниваешь. Нас, женщин, не обманешь, а вас, мужиков-интеллигентов, — проще простого. — Она помолчала, потом, вздохнув, добавила: — Нас только

любимому мужчине обмануть ничего не стоит.

— А как мне к метро выйти?

Она показала ему дорогу. Потом, спохватившись, спросила:

— А деньги-то на метро у тебя есть?

Он растерянно молчал.

— Вот тебе на дорогу, больше у меня нету, — она протянула ему деньги.

— Спасибо. Это даже много. Дайте ваш телефон, чтобы я мог деньги вернуть.

— Да будет тебе. Какие это деньги. И потом, вдруг ты мой телефон потеряешь, а я буду думать, что ты такой же, как и другие, прохвост, про долг сразу забыл. Ты просто помни об этом случае, и когда какой-нибудь человек будет нуждаться в помощи, ты ему поможешь. Вот так и вернёшь свой долг.

— Какая вы замечательная женщина.

Женщина улыбнулась. И он только теперь увидел, что она симпатичная и ещё не старая:

— До свидания, дорогой. Желаю тебе, чтобы ты разрешил все свои проблемы. И гордился тем, как ты смог их решить. Вы, образованные мужики, больно слабые.

Было раннее утро. Всегда заполненные людьми улицы, а теперь пустынные и задумчивые, встретили его прохладой и непривычной тишиной. Он шёл быстрой устремлённой походкой, как человек, принявший,

наконец, решение. У него не было сомнений, что Соня изменяла ему. Нет, он не стал бы никого убивать, разве только при самообороне или защите близкого человека. Но сегодня, вернувшись внезапно домой и увидев всё своими глазами, он убьёт в себе своё чувство к жене, вырвет эту болезнь из своего сердца. Начнёт новую жизнь. С чистого листа.

Он не стал вызывать лифт, инстинктивно оттягивая момент встречи с этим страшным неизвестным, и медленно стал подниматься по лестнице. Тишина дома только усиливала напряжённое ожидание мерзкого открытия. У двери квартиры он замешкался, сердце замерло: вот оно... сейчас... будет поставлена точка.

Дверь бесшумно открылась, и он нерешительно переступил через порог. Сначала ему показалось, что квартира пуста. Но потом он услышал шум льющейся воды в ванной. Сбросив грязные ботинки, он на цыпочках прошёлся по квартире, заглянул в гостиную, спальню. Никого. Ясно, что они в ванной. Быстрым шагом он прошёл на кухню, умылся холодной водой, сел у стола и стал ждать. В голове был какой-то туман, какая-то нереальность происходящего.

И вдруг дверь ванной распахнулась, и Соня, в коротеньком розовом халатике, босая, придерживая рукой полотенце на мокрых волосах, лёгкой походкой направилась в спальню. Сердце лихорадочно заколотилось. Он вскочил, заглянул в ванную. Потом, как бычок на

верёвочке, потянулся за ней. Было похоже, что он слегка спятил. Какое-то незнакомое острое чувство заполнило его душу и замкнуло уста. Он молча шёл следом за женой, неотрывно глядя ей в спину. Почувствовав взгляд, она остановилась, застыла, словно не решаясь оглянуться, потом резко всем корпусом повернулась к нему, остолбенело глядя на его небритое лицо, всклокоченные волосы, грязную измятую одежду. Но уже через мгновение её испуганное лицо осветила радостная улыбка. Она отшвырнула полотенце, которое придерживала рукой, и бросилась к нему. Ещё мгновение, и она повисла у него на шее, радостно восклицая:

— Илюшенька, любимый, ты вернулся! Я знала, что ты вернёшься, я сегодня всю ночь видела тебя во сне!

Он крепко обнял её, зарывшись лицом в её мокрые волосы, и так они оставались долго. Потом она встрепенулась, выскользнула из его объятий и строгим ясным взглядом посмотрела ему в глаза:

— Где ты был эти две ночи? — Она оглядела его с ног до головы, всё более поражаясь его виду. — У тебя такой вид... Что-то случилось?

— Я всё тебе сейчас расскажу. Только сначала мне надо вымыться и поесть.

— Да уж! — потянула она воздух своим хошеньким носиком.

Когда он вышел из ванной, на столе его ждал их обычный завтрак: дымящийся ароматный кофе, булочки, колбаса, сыр. Соня сидела за столом, счастливая, глаза сияли.

— Ну? — нетерпеливо начала она.

— Постой, я сначала поем, ладно? — и он набросился на еду, точно не ел много дней.

Соня смотрела на него с нежным участием. Подкладывала в тарелку всё, что было на столе, терпеливо ждала.

Он допил вторую чашку кофе и, вместо того чтобы начать свой рассказ, снова жарко обнял её.

— Я расскажу, но только не сейчас, — шептал он ей в ухо.

— Да, не сейчас... Я люблю тебя, — всхлипывала она. — Как мне жить без тебя? Как ты мог уйти? И даже ничего мне не сказал...

Илья сжимал её в своих объятиях. Казалось, его сердце вырывалось за положенные человеку пределы блаженства:

— Соня, Сонечка, прости меня, любимая, — повторял он, как в горячечном бреду.

Когда Илья уснул сном праведника, Соня осторожно, чтобы его не разбудить, вышла из спальни. Она позвонила на работу, что по семейным обстоятельствам берёт на целый день отгул. Потом прошла на кухню, вымыла и убрала посуду, положила в стиральную машину одежду Ильи, посмотрела, не нужно ли чего купить к обеду. С её лица не сходила блаженная улыбка. Негромко напевая весёлую песенку, она пританцовывала на узком пяточке кухни.

Резкий телефонный звонок прозвенел совсем некстати. Она поспешно сняла трубку,

вслушиваясь в то, что говорила ей её подруга Таня. Наконец, она уяснила, что Таня хочет, чтобы она немедленно включила телевизор. Бойкий репортёр, возбуждённый форматными обстоятельствами случившегося, уже заканчивал свой репортаж, но смысл события был ясен.

— Что-то произошло? — спросил появившийся в этот момент Илья.

— Погиб твой шеф!

— Ты шутишь? — не поверил своим ушам Илья. — Как это случилось?

— Ужасно, — ответила ошеломлённая Соня. — Его растерзала толпа.

— Что?!

— Это был самосуд, Илья. Он, пьяный, въехал на тротуар и сбил насмерть несколько человек. Там был ребёнок, — дрожащим голосом рассказывала Соня. — Он пытался скрыться, но автомобилисты сумели его задержать. И люди, много людей, озверевших от случившегося, вытащили его из машины и разорвали в клочья.

Некоторое время Илья молчал, потом без малейшего сожаления сказал:

— Он заслужил такую смерть.

— Так нельзя говорить. Ты не должен так говорить. Самосуд — это ужасно!

— А въехать на машине в людей, убить ребёнка, которому предстояло прожить долгую и счастливую жизнь, не ужасно?!

— Но, Господи! Я же не об этом! Его должен был осудить цивилизованный суд. Но самосуд — это же дикость!

— Очнись, Соня! Где ты видела у нас цивилизованный суд? Где у нас цивилизованный закон, который бы защищал потерпевших, а не преступника?

Самосуд — это естественная реакция измученных беспределом людей.

Они долго молчали. Потом Илья сказал:

— Разве ты не видишь, с людьми что-то произошло. Они ожесточены, разъединены. Они давят друг друга на дорогах, убивают в подъездах, грабят в поездах. Они не хотят работать, напрягаться. Они спиваются, кончают жизнь самоубийством. Они не хотят жить. У них нет мечты, нет желаний, нет чувства времени. А те, кто ещё держится, ничего не делают, чтобы хоть что-то изменить.

Они снова замолчали.

— Но что мы можем сделать? — Соня с удивлением смотрела на Илью. Таким она его не видела никогда.

— Хотя бы не поддаваться насаждаемому культу денег. Хотя бы противостоять этому новому, самому страшному в истории, рабству. Те, кто поклоняется золотому тельцу, — это уже не вполне люди. Они неизлечимо больны. Это конченные люди. И чтобы выжить, надо научиться им противостоять. Надо защищаться.

— Господи, что ты такое говоришь! Я боюсь за тебя. Они тебя обвинят в разных «разжиганиях», или... или ещё ужаснее: они тебя убьют.

Он рассмеялся, чмокнул её испуганные глазки:

— Не бойся. Никто меня не тронет. Обычные люди, хоть и недовольные жизнью, им не интересны. Я не представляю для них никакой опасности: у меня нет стремления к богатству или к власти. Я у них ничего не отберу. Но всё-таки я верю, что и мы, пока ещё здоровые люди, можем что-то сделать. Ну, хотя бы не воровать! Хотя бы научиться сочувствовать другим людям. Пытаться их понять. Защищать обиженных. Помогать тем, кто нуждается в помощи. Как сегодня мне помогла одна простая женщина...

— О чём ты говоришь?

— Только о том, что всегда можно оставаться человеком и просто делать свою работу честно, неформально, чтобы видеть результаты своего труда, предназначенные для других. И плата за это будет несоизмерима большая, чем пресловутые бабки. В сущности, ощущение счастья в этом мире дают только две вещи: любовь и творчество во благо людям.

В этот момент вновь ожил телефон. Илья поднял трубку. Лицо его сделалось замкнутым и напряжённым.

— Кто это, Илья? — Соня жадно вглядывалась в его лицо, — Что опять стряслось?

Илья не ответил. Он молча слушал говорившего и только иногда отрывисто повторял:

— Да... Да... — Потом опять замолчал. И, наконец, сказал: — Хорошо. Я подумаю. Позвоню завтра. — Он положил трубку. Посмотрел на испуганное лицо Сони:

— Ты что так заволновалась? — обнял он её.
— Всё хорошо. Просто мне предложили возглавить нашу фирму.

— О Господи! — воскликнула Соня. — И ещё говорят, Бога нет! Едва ты осознал, что жить надо совсем не так, как мы живём, как Бог посылает тебе возможность доказать это на деле. Значит, Бог верит, что ты сможешь!

— И я верю, что смогу. Вот увидишь!

МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Дождь, сопровождаемый ураганом, начался неожиданно и зловеще: мгновенно сделалось темно, яростный ветер отшвырнул меня к двери Музея современного искусства, с неба обрушился мощный водопад.

Я с трудом приоткрыл дверь музея и протиснулся внутрь. В вестибюле не было ни души. Поискав глазами билетную кассу и не найдя таковой, я решил, что вход бесплатный. «Молодцы музейщики, — подумал я, — воспитывают любовь к искусству у молодёжи». И раз уж непогода загнала меня в музей, я решил воспользоваться случаем и ознакомиться с его экспозицией. Стыдно признаться, но я ни разу не был в этом музее, ни разу не посетил ни одной современной выставки, и не потому что я не разделял слишком своеобразные взгляды нынешних художников, а просто был вечно чем-то занят.

Руководствуясь указателем, я вошёл в зал, где предполагалось начало осмотра, и остановился, не решаясь продолжать свой путь. Боже! Куда я попал? Сначала я не хотел верить своим глазам и начал пристальнее всматриваться в предметы, наполнявшие помещение: в правом углу возвышалась груда консерв-

ных банок, украшенная чем-то, напоминающим женский халат; в левом стоял агрегат, похожий на древний ткацкий станок с набросанными на него нитками и тряпками и покрытый то ли мукой, то ли пылью; в центре в кружок стояли унитазаы с приклеенными к сливному бочку фотографиями попсовых кумиров. На стенах были развешены портреты «художников» в причудливых одеждах или отвратительно голых. Я смотрел на портреты и у меня было чувство, что передо мною бурые грибы плесени в человеческом обличье.

— Ух ты! Клёво! — услышал я за спиной мальчишеский голос.

Я обернулся и увидел, что в музее появились, кроме меня, ещё двое промокших посетителей: молодая женщина с подростком лет десяти.

— Тебе нравится? — спросил я мальчика.

— Смотрите, сколько клёвых банок, — ответил мальчик. — У меня были даже лучше, не такие ржавые, а мама выбросила.

Мама мальчика рассмеялась:

— Да, это была моя ошибка. Я и не подозревала, что у моего сына тяга к современному искусству.

Между тем, любителей современного искусства всё прибывало и прибывало. В основном это были молодые люди, застигнутые непогодой. Они с шумом и смехом рассматривали творения художников и их фотографии. Кто-то поддал ногой банку, кто-то попытался заставить двигаться «ткацкий» агрегат, кто-то

уселся верхом на выставленные унитазаы знаменитостей.

Из боковой двери выскочили две экстравагантные дамы в одеждах римских патрициев и бесстрашно бросились на любителей современного искусства.

— Дикари! Что вы вытворяете! — кричали они. — Вон из зала!

Но молодёжь продолжала свои «знакомства с прекрасным»: банки летели направо и налево, кто-то «халатом» вытирал промокшие ботинки.

— Рабский народец! Нецивилизованные совки! — наперебой верещали защитницы выставленных шедевров.

— Что вы сказали?! — выскочил из толпы молодой мужчина. — Ах вы фашистское племя! Как вы смеете оскорблять народ великой культуры?

Как вы смеете называть выброшенные на помойку консервные банки «современным искусством»? Это мошенничество! Вы занимаетесь жульничеством.

Толпа окружила спорщиков плотным кольцом:

— Ей вы, пугала огородные! Кому служите?! — кричали из толпы. — На что потратили выделенные заподняцкие миллионные гранты? Не могли нанять «художников» поумнее? Сэкономили! Сами сварганили «экспонаты»! Мы свяжемся с вашими хозяевами. Посоветуем вас заменить, — хохотала толпа. — Больно вы много хапнули!

— Уйдёте отсюда, — сказала моя новая знакомая, прижимая к себе мальчика. — Он не должен этого видеть.

— Да, — согласился я. — Пойдёмте в буфет. — И я кивнул на указатель, показывающий дорогу к буфету.

Мы спустились вниз. В буфете было тихо и пустынно. Мы сели за столик и стали ждать официанта. Однако официант явно не торопился.

— Пойду узнаю, в чём дело, — сказал я.

Женщина молча кивнула. Я толкнул дверцу за барной стойкой. Дверь оказалась запертой. Я постучал. Дверь приоткрылась и чья-то рука, цепко схватив меня за рукав пиджака, втащила внутрь помещения. Три женщины в форменной одежде окружили меня, отесняя от двери.

— В чём дело, девушки? — спросил я. — Нам бы чего-нибудь перекусить...

— Вы видели, что там, наверху?

— Да. И что?

— Вы будете свидетелем.

— Свидетелем чего: какое здесь представлено современное искусство?

— Нет. Свидетелем разграбления музейных ценностей!

— Но этого я не видел. Ни ценностей, ни разграбления.

— Всё равно вам придётся здесь задержаться до прибытия милиции.

— С чего вы взяли, что я собираюсь здесь задерживаться?

— Тогда мы вас не выпустим.

— Что такое? — я попытался выйти из подсобки. Однако понял, что мне это сделать не удастся. Хорошо натренированные девушки повисли на мне, как вериги, и сбросить их и освободиться можно было бы только с применением грубой силы.

— Ладно, — сказала я, — ваша взяла. Я дождусь милиции. А пока вы обслужите наш столик.

— Вот это другое дело, — сразу подобрели девушки. — Сейчас сюда приедут телевизионщики, и вы станете героем новостей.

Когда я вернулся к столику, мальчик и его мама испуганно уставились на меня.

— Что там случилось?

— Ничего особенного. Сейчас нас покормят.

— Но почему они так кричали?

— Просили, чтобы мы стали свидетелями нападения на консервные банки.

— Зачем им это?

— Догадаться не трудно: существование подобного «искусства» возможно только через скандал и провокации.

— Ничего себе! — удивился мальчик. — Это что, реклама такая?

— Умница! Будешь менеджером по рекламе. К столику, наконец, подошла официантка.

— Что будете заказывать? — спросила она, как ни в чём не бывало.

Мы заказали горячий кофе, поскольку в промокшей одежде было прохладно, и бутерброды.

— Что ж, давайте хотя бы познакомимся, — сказала, мило улыбаясь, мама мальчика. — Меня зовут Ольга. Я специалист по ценным бумагам.

— А меня Гоша. Я специалист по баловству, — хихикнул мальчик.

Мальчик мне нравился. Впрочем, его мама тоже.

— Приятно познакомиться, — расшаркался я. — Дмитрий Борисович. Доцент социологического факультета МГУ.

А между тем скандал наверху разгорался: оттуда слышались крики «искусствоведов» и хохот весёлой толпы.

— Боюсь, разбросали все банки и осквернили все унитазы, — пряча улыбку сказала Ольга.

И тут в зале шедевров что-то произошло: хохот затих, послышались резкие мужские голоса, отдающие команды. Не было сомнений, что прибыла милиция.

Мы напряжённо смотрели на лестницу, ожидая стражей порядка. Однако вместо этого появились телевизионщики. Шустрый репортёр кинулся к нам со всей страстью неопита:

— Что тут произошло? — энергично обратился он к нам без всяких предисловий. Оператор нацелил на нас свою камеру.

— Мы не знаем, — ответила Ольга. — Мы были в буфете.

— То есть как? Вы не слышали шум и крики в зале?

— Слышали.

— И не узнали, что там произошло?

— Нет.

— Позвольте вам не поверить. Ведь это мог быть пожар...

— Оттуда доносился весёлый смех.

— Что вас так удивляет? — вклинился я в диалог. — Это же Музей современного искусства. Каков музей — такова и реакция посетителей.

Неудавшееся интервью прервал офицер милиции, возникший на всё той же лестнице:

— А-а-а, вот они, свидетели... — кинулся он к нам. Несомненно, мы пользовались всеобщим успехом. — Заканчивайте, — строго обратился он к телевизионщикам. — Мне нужно допросить свидетелей.

Телевизионщики поспешно ретировались.

Офицер сел за наш столик. Он не сводил глаз с Ольги, был любезен и предупредителен.

— Извините, что нарушил ваше уединение, — улыбался Ольге страж порядка, — но служба есть служба.

Ольга вымученно улыбнулась в ответ.

— Мне сказали, что вы были свидетелями разграбления экспонатов музея, — начал он, теперь уже глядя на всех (и даже на Гошу) по очереди.

— Экспонатов? — удивился я. — Но мы не видели здесь ни одного экспоната. Там, наверху, были брошены консервные банки и

стояли старые унитазы, как в плохом туалете. А экспонатов там не было.

— Не принимайте меня за дурака, — разозлился офицер. — Это не имеет значения, какие именно экспонаты. Качество экспонатов не обсуждается. Главное, что их разграбили.

— Кому понадобились старые консервные банки? — удивилась Ольга.

— Экспонаты, — поправил Ольгу страж порядка.

— Господин офицер, — вдруг подал голос Гоша. — банки и унитазы нельзя называть экспонатами музея. Потому что их сделали не художники, а рабочие на заводе. А музей показывает только произведения, сделанные художниками.

Мы все, включая офицера, открыв рот, уставились на мальчика. Почувствовав искреннее внимание к себе, Гоша невозмутимо продолжал:

— «Искусствоведки» просто накололи всех нас: так они пиарят свой дурацкий музей.

Офицер смущённо кашлянул:

— Сколько тебе лет? Где ты набрался таких мудростей?

— Мне — одиннадцать. Мой папа много рассказывал об искусстве. Он художник. Мы обошли в Берлине все музеи: и современные и древние. И там ни один музей не показывает консервные банки.

— Устами младенца глаголет истина, — подытожил я Гошины свидетельские показания.

— То есть вы хотите сказать, что грабить в музее было нечего, — повторил убитый наповал доводами Гоши милиционер.

— Именно так. Экспонатов не было. Если они и были когда-нибудь, то их разграбили задолго до нас, заменив унитазами и банками. Для простаков.

— Ну что ж, спасибо, — козырнул нам офицер. Но теперь он глядел не на Ольгу, а на Гошу.

Как только милиционер удалился, мы поспешно вышли из буфета на улицу. Ярость непогоды стихла, тучи расступились, открывая синюю глубь небосвода. По асфальту текла бурная река. Мы остановились на пороге, вдыхая свежий воздух, и я смущённо посмотрел на мою новую знакомую. Мысль о том, что сейчас мы расстанемся навсегда, вдруг пронзила меня страшным откровением. Я был убеждён, что она испытывала то же самое, потому что не торопилась со мной прощаться, а продолжала стоять у дверей музея, нерешительно поглядывая на меня и на сына. Я понимал, что в подобных случаях говорят что-то особенное, но никак не мог придумать, что именно.

И в этот момент в её сумочке засигналил мобильный телефон. Она поспешно вынула его и прижала к уху.

— Да, Пюнтер, — сказала она, — всё в порядке. Нас задержал ливень. Мы у Музея современного искусства. Хорошо, подождём тебя у входа. Сейчас передам, — и она передала трубку Гоше:

— Это папа.

Гоша радостно схватил трубку и заговорил с отцом по-немецки. Внезапно лицо его омрачилось и он сказал по-русски:

— Но, папа, почему сегодня? Мы же хотели уехать завтра! — и он прибавил ещё несколько слов уже по-немецки. Потом, передавая Ольге телефон, просительно посмотрел на неё:

— Мамочка, ну, пожалуйста, поедem с нами. Папа будет рад. Он сказал мне это.

— Нет, милый, это невозможно. Я же работаю, — добавила она. — Но мы с папой договорились, что в следующем году ты пробудешь со мной весь мой отпуск.

— А почему не в этом году?

— Разве ты забыл, в этом году десятилетие со дня смерти твоей родной мамы. Ты должен быть на церемонии.

Мальчик умолк. Я чувствовал себя неловко, став невольным свидетелем семейных сцен. Поэтому начал поспешно прощаться. Однако Ольга меня задержала:

— Пойдите. Гюнтер будет здесь через несколько минут. Он подбросит вас хотя бы до метро. Такси сейчас не поймать.

— Спасибо, — неуверенно пробормотал я. — Это не совсем удобно...

— Папа будет рад, — поддержал Ольгу Гоша.

Гюнтер приехал на выдавшем виды «фольксвагене» через несколько минут. Симпатичный и любезный, он выскочил из машины, чмокнул Гошу, поцеловал Ольгу, и

мне показалось, что он собирается целоваться и со мной, но он вдруг затормозил свои порывистые движения и остановился передо мною, вопросительно взглянув на Ольгу.

— Познакомься, Гюнтер, — это доцент МГУ, Дмитрий Борисович.

— Очень приятно, — Гюнтер просто лучился любезной улыбкой. — Гюнтер, бывший муж Ольги. К сожалению, бывший — добавил он, крепко пожимая мою руку.

— Ты подбросишь Дмитрия Борисовича до ближайшего метро? Такси не найти, — сказала Ольга.

— Почему до метро? Я подброшу до дома. У нас до отъезда ещё много времени. Вы где живёте? — спросил меня Гюнтер.

Я назвал адрес.

— Это рядом. Нам по пути.

— Вы хорошо знаете Москву, — сказал я, чтобы что-нибудь сказать.

— Я учился в Москве. В Академии художеств, — добавил он. — А как вам понравился Музей современного искусства? — спросил Гюнтер, когда мы уселись в машину: я — впереди, Ольга с сыном — сзади.

Гоша взахлёб поведал отцу о наших приключениях. Гюнтер слушал, посмеиваясь.

— Так называемое современное искусство везде одинаковое. Оно не имеет индивидуальности. Оно стандартизировано.

— Но почему? Разве сейчас нет настоящих художников? — спросил Гоша.

— Искусство создаётся великими. Наш век их не родил. Художники потому и объявили, что искусство нуждается в обновлении, что они не способны выразить современность.

Гоша слушал отца с напряжённым вниманием:

— А почему, папа, ты не можешь выразить современность? — спросил он.

— Потому что самое трудно постижимое — день сегодняшний. Только гений может ощутить его суть и его движение.

В этот момент мы подъехали к моему дому.

— Может, зайдём ко мне, — предложил я, — отметим знакомство.

— Спасибо, Дмитрий Борисович, — откликнулся Гюнтер. — Сейчас мы торопимся, но в следующий раз — обязательно.

Я пожал его руку, потрепал по плечу Гошу и поцеловал руку Ольге, заглянув ей в глаза. Она ответила мне улыбкой, которая придавала её лицу оттенок печали.

Машина давно скрылась за поворотом, а я всё стоял и смотрел ей вслед, и меня не покидало ощущение, что я навсегда утратил что-то очень ценное в моей жизни.

СМЕРТЬ КЛУНСКОГО

(подражание западному детективу)

Внезапная смерть сорокалетнего энергичного обаятельного гендиректора фирмы «Интеллект» взбудоражила людей. Виталий Ильич Клунский был самый непотопляемый в городе человек. Вытворял всё, что ему вздумается. Но, конечно, он не был самодуром. Все его иногда жутковатые и циничные выкрутасы были нацелены на одно: минимизировать расходы, оптимизировать доходы. Следственные органы заявили, что Клунский покончил жизнь самоубийством. Однако все, знавшие его, в этом усомнились. «Это совестливые люди кончают самоубийством, а таких, как он, убивают подельники», — был всеобщий вывод.

Следователь Павлов, который принял дело к своему производству, услышав такие рассуждения, задумался. Конечно, мнение толпы всегда радикально и образно, но не прислушаться к нему нельзя. Тем более что мотивов самоубийства обнаружено не было. Как, впрочем, и убийства. Клунского все боялись, перед ним раболепствовали все чиновники. Народ был уверен, что он возглавляет городскую мафию. И при этом он был щедр: заботился о своём городе, помогал многим, попавшим в беду людям. В общем, весь город

жил за ним, как за каменной стеной. Так кому же придёт в голову убивать золотую рыбку. Но и не было никаких причин самому сводить счёты с жизнью. Клунский был чертовски удачлив — ему везло в бизнесе, в друзьях; в личной жизни — проблем никаких, он не был женат, но и никаких сексуальных скандалов за ним не водилось. Это был человек дела, и женщины его мало интересовали — таково было общее мнение. Что касается завещания, которое большей частью является причиной подобных трагедий, то, по всей вероятности, Виталий Ильич его не составлял, т.к. в квартире оно обнаружено не было, в городской нотариальной конторе никаких сведений о нём не имелось, и адвокат Клунского подтвердил, что по поводу завещания тот с ним никогда не разговаривал.

И когда эксперты дали заключение, что Клунский выстрелил в себя сам, дело было прекращено и сдано в архив.

Похороны состоялись на следующий день после завершения экспертиз. Людей было море. Казалось, весь город пришёл проститься с покойным. Павлов, затерявшись в толпе, прислушивался к разговорам сплетников. Хотя дело юридически было завершено, Сергей Михайлович, привыкший во всём разбираться до конца, был неудовлетворён своей работой: ведь ему не удалось раскрыть мотивов. А это самое главное в любом деле, тем более — в уголовном. Выводы экспертов также вызвали некоторые сомнения — выстрел в

себя покойный произвёл из очень неудобного положения.

Но так как никаких признаков пребывания в квартире других людей обнаружено не было, он согласился с мнением экспертов и вынес постановление о прекращении дела. К сожалению, ничего нового в толпе он не услышал: все искренне сожалели о смерти Клунского, вспоминали о его доброте, о равнодушии к человеческому горю. И уже никто не вспоминал о его манипуляциях и хищной всепобеждающей хватке. У гроба покойного Павлов не заметил женщин в трауре. Видимо, никто из его любовниц не посмел приблизиться к священному гробу.

На следующий день Сергей Михайлович Павлов пришёл на работу раньше обычного — нужно было написать обвинительное заключение по делу, сроки по которому истекали. Войдя в коридор управления, следователь Павлов услышал, как секретарь Верочка, с кем-то оживлённо разговаривавшая по телефону, произнесла фамилию Клунского. Павлов остановился, уверенный, что секретарша направит своего собеседника к нему, однако Верочка продолжала щебетание, и он понял, что это разговор личный. Но поскольку речь шла о фигуранте его недавнего дела, он невольно задержал шаг и прислушался.

— Да не беспокойся ты, Мара, дело закрыто и сдано в архив. Живи спокойно, наслаждайся жизнью, — жизнерадостно советовала кому-то Верочка. — Я тебя уверяю, что никто

о тебе не знает! Что ты, в самом деле, такая мнительная! Ну ладно, всё, заканчиваю, звони, — заторопилась она, увидев на пороге секретариата Павлова.

— Кто-то интересовался делом Клунского? — спросил тот.

— Моя подружка звонила, спрашивала. Ведь об этом деле говорит весь город. — Верочка была смущена и даже казалась испуганной.

Опытный следователь не стал спрашивать её ни о чём. Быстрым шагом прошёл он в свой кабинет, бросил на стол папку, сел в любимое кресло и снял телефонную трубку:

— Коля, это ты? Я по поводу Клунского. Да, снова. Кое-что возникло. Тебе задание: срочно выясни, с кем разговаривал наш сотрудник сейчас с номера телефона секретариата. Подробно об абоненте. Всё, что сможешь. Знаю, что дел выше крыши. Понял. Хорошо. Жду.

В середине дня, когда Павлов проводил очную ставку по одному из своих многочисленных дел, позвонил Коля. Конечно, Колей он был только для Павлова, а для остальных — Николай Филиппович. Это был известный среди профессионалов оперативник, очень талантливый, умный следок, во многом благодаря которому раскрываемость уголовных дел в городе была феноменальной.

— Ну, что? — нетерпеливо спросил Павлов.

— Кое-что есть. Когда зайти?

— Через пару часов можешь?

— Нет проблем.

Ровно через два часа Коля появился в кабинете Павлова. Сергей Михайлович не видел его несколько дней и с удивлением обнаружил, что лицо Коли, особенно нос, обгорели, как будто он приехал с курорта.

— Это где ты так загорел? — обменявшись крепким рукопожатием, спросил

Сергей Михайлович.

— Да тут по одному делу пришлось полдня провести на пляже.

— Работёнка у тебя не пыльная.

— Работа дураков любит, а я тружусь в своё удовольствие, — хохотнул Коля.

— Ну, давай, что у тебя, — перебил оперативника Павлов.

— Так вот, слушайте сюда, — неторопливо начал Коля, словно поддразнивая нетерпеливого Сергея Михайловича, — в наш секретариат звонила Маргарита Артуровна Тушкова. Вот её анкетные данные, адрес и номера телефонов, домашний и служебный.

— Спасибо, Коля. Это всё?

— Нет, не всё. Я побывал у Маргариты Артуровны дома и познакомился с ней.

— Ну, ты молоток! — восхищённо присвистнул Павлов. — Давай подробности, не томи.

— Я к ней проник под видом соседа, который разыскивает источник звука надоевшей дрели. Дамочка, скажу я вам, что надо! Лет, так, под 30. Высокая блондинка, бьюсь об заклад, не крашенная. Квартира у неё огромная, в центре, обставлена и оформлена явно дизайнерами. В общем, дамочка состоятельная. Но

вид невесёлый, скорее, подавленный. Явно, у неё большие неприятности. Мы с ней разговаривали о погоде, о природе. Чайку попили. Так что теперь я её лучший друг. Жду ваших указаний.

— Ну, Коля... — только и мог сказать восхищённый Сергей Михайлович.

Однако напрасно они радовались успешно начатой операции. Вечером, когда опустела комната секретариата, дверь в которую всегда оставалась открытой, гулким эхом отдавались в коридоре Верочкины разговоры. Раньше Павлов этого не замечал. Но сейчас, когда весь он был нацелен на раскрытие тайны смерти Клунского, он сразу уловил имя «Мара», хотя Верочка произносила его, понижив голос. Сергей Михайлович вышел в коридор, закурил и стал небрежно прохаживаться от своей двери к двери секретариата. Верочка взволнованно верещала:

— Почему ты думаешь, что это кто-то из наших? У тебя просто паранойя. Обещал зайти снова? Да он просто влюбился в тебя... Опиши, как он выглядит? Весь от Армани? Ну нет. Таких у нас не водится.

Когда разговор закончился, Павлов вернулся к себе. «И как же это Коля оказался «весь от Армани»? — усмехнулся он. Но теперь было ясно, что в их стратегии всё придётся менять.

Часа через два, закончив срочные дела, Сергей Михайлович вышел на улицу, глубо-

ко вдохнув прохладный воздух. Был конец августа, и вечера стали прохладными. Он подошёл к машине, открыл её, сел за руль и только теперь заметил кусочек белой бумаги, заткнутый за стеклоочиститель. Он быстро вышел из машины, достал листок. Это была записка, написанная от руки небрежным почерком: «Ув. С. М., — писал неизвестный, — если вы хотите что-то знать по интересующему вас вопросу, приходите сегодня в 21 час в кафе «Ласточка». Подписи не было. Павлов аккуратно разглядел листок и положил его в свою папку. Взглянул на часы. Было восемь без двух минут. Он успеет заехать домой переодеться. И обсудить с Колей лестное предложение. От кого оно исходило, он догадывался.

Ровно в восемь он вошёл в помещение кафе и огляделся вокруг. Все посетители кафе были заняты друг другом, и до него не было никому дела. Павлов сел за свободный столик, пригласил официанта. Опытным глазом сразу заметил внимательный взгляд, который тот бросил на клиента. Заказывая чашечку кофе, он спросил официанта:

— У меня здесь свидание. Никто меня не ожидает?

Официант совершенно не удивился такой постановке вопроса, а, напротив, наклонился к нему и вынул из кармана сложенный листок.

— Да, дама не смогла вас ждать. И просила передать вам это.

В записке было написано: «Извините Бога ради, но я встретила знакомого, и мне пришлось уйти. Встретимся завтра в 14 часов в парке в липовой аллее».

Павлов был сильно раздосадован. Строит из себя шпиона-разведчика. Даме нечем заняться, и она занялась интригами. А, может, это для неё очень важно? Впрочем, он уже знал, что пойдёт на встречу с таинственной незнакомкой.

Городской парк — чудесное место для интимных свиданий, объяснений в любви, романтических мечтаний. Старые деревья парка с их толстыми стволами, раскидистыми причудливыми ветвями создавали удивительную ауру добра, защищённости, вдохновения. Несмотря на процветающую преступность, ни одного преступления здесь зарегистрировано не было, как будто парк охранял своих гостей и заботился о них.

Павлов уже давно не бывал в парке, а когда ступил под его «таинственную сень», остро почувствовал, как хороша, в сущности, жизнь.

Время было такое, что народу в парке гуляло немного: утренние посетители ушли, а вечерние ещё не появились. Вдыхая живительный воздух, Сергей Михайлович быстрым шагом направился в липовую аллею, где должно было состояться свидание с таинственной незнакомкой. Он узнал её сразу. Женщина в чёрном одиноко сидела на ближайшей скамейке, время от времени поглядывая туда, где начиналась липовая аллея. Увидев Павлова, она поспешно поднялась, и на её лице поя-

вилась напряжённая нетерпеливая улыбка. Пока Павлов приближался к скамейке, он мог подробно рассмотреть незнакомку. Нет, он её не видел никогда (у него прекрасная профессиональная память на лица), она, конечно, взволнована, это видно по её позе, нервным рукам, которыми она судорожно сжимала сумочку, нетерпеливо дожидаясь его приближения. Лицо красивое, черты лица гармоничные, блондинка с карими крупными, чуть на выкате, глазами, полные губы, она чем-то напомнила ему героиню картины Крамского «Незнакомка». Только её высокомерие было смягчено сильным волнением.

— Здравствуйте, — быстро проговорила она, когда он приблизился. — Простите, это я вам написала.

— Здравствуйте, — сухо ответил он. — Чем обязан?

— Мне нужно с вами поговорить. Снять с души камень, который задушит меня, если я всё не выскажу. — Её голос слегка дрожал, глаза влажно поблескивали.

— Поговорить со мной можно только в моём кабинете, и сюда я пришёл затем, чтобы сказать вам это. — назидательно ответил Сергей Михайлович.

— Да, я знаю. Но это исключительный случай. И уж если вы были так добры, что пришли сюда, позвольте мне хотя бы в общих чертах сказать, в чём дело.

— Хорошо, — согласился он, — давайте присядем здесь, — он указал на её скамейку.

Она поспешно кивнула. Они сели на некотором расстоянии друг от друга, и он вперил в неё внимательный взгляд:

— Слушаю вас внимательно, о чём таком секретном вы хотите мне рассказать.

— Я — Маргарита Тушкова...

— Простите... — Павлов изобразил непонимание, но она решительным жестом его остановила.

— Не нужно, Сергей Михайлович. Давайте сразу договоримся, что будем откровенными и искренними друг с другом, иначе не было смысла встречаться. Я догадалась, что вы узнали о моём существовании. Ваш симпатичный сыщик побывал у меня. Хотя он безусловно сыграл свою роль, я ему не поверила. Потому что накануне я имела непростительную глупость позвонить моей двоюродной сестре, Верочке. Его похороны... невозможность поцеловать его в последний раз... Было так невыносимо тяжело, ну, хоть в петлю. И я ей позвонила. Она умеет меня успокоить... И сразу после этого — визит «соседа»... — она замолчала на мгновение, ища взглядом его поддержки и понимания. Глаза влажно блестели.

— Вы правы, — Павлов был поражён её интуицией, — давайте сразу по существу. Зачем я вам нужен? Вы прекрасно знаете, что дело прекращено.

— Да. Но я должна вам рассказать, как это всё произошло. Чтобы вы, узнав обо всём, навсегда забыли об этом деле.

— Вы знаете?

— Да, это было в моём присутствии.

— Что?!

— Да, я была при этом и невольно помогла ему уйти. — Она закрыла лицо руками. Красивые длинные пальцы, унизанные дорогими кольцами, чуть заметно дрожали.

Какое-то время они молчали. Павлов не ожидал услышать такое признание. Он пристально смотрел на свою собеседницу, силясь понять, что её побудило это сделать. Она не смотрела ему в глаза. Вынула из сумочки тонкий батистовый платочек, промокнула набежавшие слёзы. Наконец, словно собравшись с силами, она взглянула в его зрачки:

— Вы можете думать обо мне всё, что вам угодно. Но знайте, что я любила его больше всего на свете и отдала бы жизнь, чтобы всё вернуть назад.

Снова нависло тягостное молчание.

— Успокойтесь. Не плачьте, — сказал Павлов равнодушным профессиональным тоном.

Она решительно вытерла слёзы, жалко улыбнулась, всем видом выражая готовность начать свой рассказ. Но её рука вдруг потянулась к горлу, и она с трудом проглотила возникший в горле комок.

— Нет, не могу, — виновато произнесла она. — Не могу. Хочется пить... Мне как-то нехорошо...

Павлов не знал, как ей помочь. Но и отпустить её без обещанной исповеди он не мог.

— Я прошу вас, — сказала она слабым голосом, — поедemте ко мне. Дома мне сразу ста-

нет легче. Там можно спокойно и серьёзно поговорить. И я смогу выпить лекарство.

— Хорошо, — согласился он. Её предложение не было для Павлова неожиданным. Направляясь на это свидание, он обдумал такую возможность. И Коля не только его поддержал, но и считал, что это было бы большой удачей.

Дома она сразу повеселела. Она проводила его в гостиную, усадила в кресло («Садитесь здесь, здесь вам будет удобно») и, извинившись, вышла, чтобы принять лекарство. Пока она отсутствовала, Павлов огляделся — обычная гостиная богатого дома, ничто не привлекло его внимания. Но он был внутренне готов к любым неожиданностям.

Она вернулась минут через десять. Но теперь на ней был не траурный строгий костюм, а лёгкие домашние брюки и свободная блуза. Густые волосы завязаны тутим «конским хвостом», косметику она смыла.

— Извините, что заставила немного подождать. В домашней одежде мне легче.

Он кивнул.

— Чай, кофе? — спросила она, — или что-нибудь выпьем?

— Нет, пить не буду ничего, — строго сказал он.

— Да, конечно, я понимаю.

Она села в кресло напротив. Казалось, изо всех сил собиралась с мыслями. Он ей не мешал. Наконец, она решилась:

— Я расскажу вам всё от начала до конца, — наконец начала она свой рассказ. С Виталием

мы познакомились пять лет назад в Италии совершенно случайно. Постойте, я покажу вам альбом наших фотографий, — спохватилась она. — Вот, это наше первое знакомство, — указала она на пляжную фотографию, где они, полуголые и весёлые, валялись на морском пляже. И после этой встречи мы уже не расставались. Если бы вы только знали, какие это были счастливые годы! — Из её глаз полились крупные слёзы. — Простите, — она смахнула их платком.

— Почему же вы не поженились? — спросил Павлов, нарушив нарисованную идиллию.

— Мы собирались пожениться этим летом. Но всё вышло иначе... В апреле Виталий был в Словении и там приболел, что-то с сердцем. Его там полностью обследовали, как это у них принято, и поставили диагноз — СПИД. — Она хлопала носом, слёзы лились, не переставая. Павлов елозил в кресле, не зная, чем помочь.

— Простите, — повторяла она, всхлипывая, — сейчас я возьму себя в руки.

Когда она немного успокоилась, он спросил:

— В России он обследовался?

— Да, в одной частной клинике. Диагноз подтвердился. Мало того, болезнь перешла в активную стадию. Он был в ужасной депрессии. Я сходила с ума. И однажды он сказал:

— Я принял решение: не буду дожидаться страшного конца и огласки. Уйду сам. Я умоляла его не делать этого, я говорила, что не

смогу жить без него, и тогда он сказал: «уйдём вместе». В тот день я пришла к нему на квартиру часов в восемь вечера. Мы выпили, попрощались и приступили... Я первой должна была это сделать. Я взяла пистолет, но он выпал у меня из рук. У меня не было сил выстрелить. Я попросила, чтобы это сделал он. Он долго отказывался, говорил, что не может. Тогда мы сели на полу рядом, плечом к плечу, чтобы не видеть лиц друг друга, он взял пистолет и, слегка развернувшись, не глядя, направил пистолет на меня. Он крикнул «прощай», а я как безумная оттолкнула его руку, и в то же мгновение прогремел выстрел. Он попал в себя! Нет, я не могу, извините... — и она выбежала из комнаты.

Её рассказ произвёл на Павлова впечатление. Всё выглядело правдоподобно и объясняло, почему выстрел был сделан Клунским из как бы неудобного положения, что несколько озадачивало экспертов.

Маргарита Артуровна отсутствовала довольно долго. Появилась с красным заплаканным лицом. От неё слегка пахло виски. Но внешне она как будто успокоилась. Села на своё место, слабо улыбнулась.

— Вот так всё было, — сказала она. — Вы, наверное, удивляетесь, почему я это рассказала вам? — Он утвердительно кивнул. — Я и сама не могу понять. Наверное, по той же причине, по какой преступник является с повинной.

Мне кажется, что теперь меня не будут мучить мои страшные видения.

Когда они прощались, он пожал ей руку, а она поблагодарила его за то, что заняла его время и сделала попытку повесить на него свои проблемы.

Вернувшись в управление, он заглянул в секретариат. Быстрый внимательный взгляд Верочки сказал ему о многом.

— Меня никто не спрашивал? — будничным голосом спросил он.

— Нет, Сергей Михайлович, — с готовностью откликнулась она.

— Если кому-нибудь понадобится, я — на месте, — небрежно обронил он.

— Хорошо, Сергей Михайлович.

Он вошёл в кабинет, бросил на стол папку, свою вечную спутницу, подошёл к окну, открыл одну створку, неторопливо закурил. Задумался, глядя на поток движущихся машин. Теперь, когда её не было рядом, её рассказ перестал представляться таким правдоподобным. Более того, Павлов отчётливо осознал, что всё ею выдумано от начала до конца. И прежде всего потому, что на пистолете Клунского были только его отпечатки пальцев. И потом, если бы она его оттолкнула, выстрел с большей вероятностью поразил бы стену, а не грудь погибшего. Да и вообще само событие слишком уж по-женски романтизировано: шекспировская трагедия местного разлива. Но зачем она разыграла весь этот цирк? Причина здесь может быть только одна: она каким-то образом причастна к смерти Клунского и очень боится, что он узнает правду. О

её причастности говорит и то, что она знает о деталях смерти Клунского, знает время и место его смерти, знает слабые стороны экспертного заключения о самоубийстве... А почему пригласила его к себе?.. В общем, и это понятно. Ведь в парке она не смогла бы так ярко разыграть сцену «признания».

Выкурив сигарету, Павлов взглянул на часы. Сейчас должен появиться Коля. Он звонил полчаса назад, когда Павлов обедал в кафе. Сказал, что едет к нему, прибавив, что, кажется, на этот раз ему удастся Павлова удивить. Это он намекал на дело мошенника Шульца, все шаги которого Сергей Михайлович каким-то таинственным образом предвидел заранее. Что же удалось добыть его помощнику?

Появившись в дверях кабинета, Коля сиял ослепительной улыбкой:

— Ну, Сергей Михайлович, дело почти в шляпе! — ликовал Коля, — а мы с вами так и просимся к высокой награде.

— Здорово ты, брат, разошёлся. Что же ты такое добыл?

— Вот! — победоносно рапортовал Коля, доставая кассету, — и вот! — и он достал две новенькие бумажки.

Зная, что Коля не будет хвастаться попустому, Павлов почувствовал волнение охотника, учувшего добычу.

— Слушай, Николай, сначала я скажу тебе её версию, а потом ты доложишь твою на основании добытых доказательств. Так вот, она

заявила, что они с Клунским договорились совершить двойное самоубийство: сначала он убьёт её, а потом себя. Но она от страха оттолкнула его руку с пистолетом, и он попал себе в грудь.

— Всё враньё! Во-первых, в день убийства её в городе не было, во-вторых, я нашёл в её квартире кассету, где она записала свой разговор с киллером, которому заказала его убийство, и ещё я нашёл (не поверите!) расписку убийцы, что деньги он получил и выполнит заказ в такой-то день. А в-третьих, я нашёл один из мотивов убийства — завещание. Клунский всё-таки оставил завещание, но оформил его не здесь, а в Болхове. И ещё! Возможно, даже — я наткнулся на заказчика!

— Постой, ты что, привёз подлинную кассету и бумаги?

— Обижаете. Снял копии.

— Когда же ты успел?

— Всё успел. Как мы и договорились, я сопровождал вас до её дома, поставил машину так, чтобы видеть и окно гостиной, и подъезд. Когда вы, Сергей Михайлович, вышли от неё на улицу, я остался подежурить, так как был уверен, что либо к ней кто приедет, либо она уедет доложить о визите. И действительно, минут через двадцать она вышла на улицу вся разодетая и села в машину. Я, естественно, двинулся за ней. И как вы думаете, кому она помчалась докладывать о проделанной работе? К Думбадзе!

— Думбадзе? Так вот кто заказчик! А завещание так, чтобы сбить со следу.

— Именно. Прикатила к его дворцу, прислуга сразу выскочила ей навстречу, встречали, как особо важную персону.

— Но Думбадзе и Клунский вроде бы сотрудничали?

— О том, что между ними возникли противоречия, мы получили оперативную информацию полгода назад. Но никто не ожидал кровавой развязки, ведь они были лучшими друзьями. Так вот, вижу, дамочка застряла здесь надолго и времени у меня навалом. Вернулся в её квартиру, с комфортом поработал, снял нужные копии, остальное вернул на место. Теперь наша задача, Сергей Михайлович, завтра, кровь из носа, сделать обыск. Иначе всё это может быть уничтожено. Если только она заикнётся Думбадзе о своих «сбережениях», он ей голову оторвёт. Так что завтра с утра с понятиями к ней в гости, а то проиграем, как пить дать.

— Не проиграем, Коля. Мы, да проиграем, быть такого не может! Сейчас же иду за ордером на обыск. А теперь давай обсудим мотивы её действий. Мне хотелось бы услышать твоё мнение вот о чём: зачем ей понадобилась игра в поддавки со мной, второе — зачем ей все эти улики, почему она их не уничтожила? И, наконец, почему, если ты уверен, что Клунский убит, смерть была квалифицирована экспертами, как самоубийство.

— Я думаю, что первое — это упреждающий удар. От Верочки она узнала, что вы, несмо-

тря на прекращение дела, продолжаете над ним работать, и вышли на неё. А это — серьёзная угроза. Что вы откопаете? Вы — человек опасный. Поэтому она решила вас нейтрализовать, разыграв «драму на охоте».

— Да, ты прав. А ведь я ей почти поверил... Она прекрасная актриса, должен тебе сказать. Разыграла сцену прямо-таки по системе Станиславского. Но зачем, как ты считаешь, хранила такие опасные для себя улики, да ещё — дома?

— Я думаю, так она держала в руках подельников. А вот почему дома?

Наверное, она никому не доверяет. И считала, что у неё они в безопасности. Кстати, она их спрятала довольно профессионально. Я нашёл их совершенно случайно. Просто повезло. Конечно, это действительно довольно глупо хранить изобличающие тебя улики в своей квартире, но преступник обязательно где-то прокалывается. Видно, так предначертано Богом.

— Ну а как они инсценировали самоубийство, есть какие-нибудь намётки?

— А как же! О том, как киллер закамуфлировал убийство под самоубийство, вы узнаете из кассеты. Наша героиня и киллер всё подробно обсудили. Заказчики не хотели уголовного следствия, поэтому и подделали убийство под самоубийство.

— А что, Николай, действительно неплохо получилось! Но работа только начинается. И всё, что мы с тобой обсудили, нуждается

ся в железных доказательствах. Так что — вперёд!

— Есть, товарищ командир! Эх, Сергей Михайлович, до чего же интересная у нас работа!

ЭКСТРАСЕНС

Весь день я провёл, бродя по проспекту. Нет, я не заходил ни в магазины, ни в кафе, ни к жившим в тех местах друзьям, а просто шёл, куда глядят глаза, ни о чём не думая, ничего не желая. К вечеру, когда зажглись приветливые фонари, я почувствовал, что смертельно устал: и душевно, и физически. Я сел на скамейку в маленьком скверике, на другом конце которой примостилась группа старшекласников. Они были веселы, о чём-то шептались, беззаботно хохотали. Вот она юность! Беспечная, бездумная, не знающая, да и не желающая знать, что там ждёт впереди. Я старался не смотреть на них, чтобы не увидеть их будущего.

Будущее любого человека неотступно вставало передо мною, если только я заглядывал в глубину его зрачков. Поверьте, нет ужаснее наказания, чем получить способность узнавать будущее. Потому что, оказывается, большинство людей впереди не ждёт ничего хорошего.

Но тут, прежде чем объяснить вам мои проблемы, мне придётся сделать маленькое отступление. Конечно, чтобы рассказать эту историю во всех подробностях, мне пришлось бы начать с самого детства, но современный читатель не любит излишней малоинформативной описательности, поэтому я перескочу сразу лет 30 моей биографии и

начну с того, как однажды мой друг, знакомый с директором цыганского театра, предложил мне работу в этом театре.

Я закончил театральное училище, но успехами похвастаться не мог: сменил несколько театров и нигде не сыграл сколько-нибудь значительных ролей. А тут меня приглашают на главную роль.

Первым побуждением было отказаться от предложения:

— Но я ведь не цыган и языка не знаю.

— В этом театре ставят спектакли в основном на русском. Много русской классики. В общем, приходи завтра к главрежу, поговори. А потом будешь думать, как поступить.

В назначенное время я появился в приёмной главного режиссёра. Красивая секретарша среднего возраста встретила меня очень любезно:

— Вам придётся немного подождать. Чтобы скоротать время, я приготовлю вам чай.

Она усадила меня за чайный столик, налила чая и села в кресло напротив. Мы о чём-то заговорили, и вдруг я почувствовал, что она смотрит на меня как-то странно, просто не отрывает от меня глаз. Я беспокойно заёрзал в своём кресле, испытывая неловкость и нечто, напоминающее страх:

— Что-то не так? — спросил я, чтобы прервать молчание.

— Вы умеете предсказывать будущее? — то ли вопросительно, то ли утвердительно сказала она, продолжая меня разглядывать.

Какое-то время я молчал, не зная, как понимать странные слова секретарши:

— Что вы имеете в виду? Я — актёр и хотел бы у вас поработать. Не понимаю, причём тут предсказания будущего?

— Вы не знаете, что у вас редкий дар — предсказателя?

— Я не верю во все эти бредни.

— Это не бредни, уверяю вас. Предсказывали и гадали во все времена. Предсказания — это раскрытие воли богов.

— Глупости всё это.

— Но ведь интуицию вы не отрицаете? — улыбалась она. — Предсказатель наделён тончайшей интуицией. Он гений предчувствия.

«Эти цыганки — непонятные особы, — подумал я, чувствуя себя в какой-то западне, — нет, здесь мне делать нечего». Я поспешно встал, поблагодарив её за чай, и, сказав, что приду в следующий раз, попытался выйти из комнаты.

— Пойдите. — Она преградила мне путь. — Я вас напугала? Но то, что я сказала, правда. Посмотрите мне в зрачки, думайте обо мне и потом расскажете, что вы почувствовали.

— Извините. — Я, решительно обойдя навязчивую секретаршу, направился к выходу и, не оборачиваясь, выскочил на улицу.

Чего я испугался? Конечно, об умении цыганок подчинить человека своей воле распускается множество мифов, но я никогда этому не верил. А тут постыдно сбежал, как будто я не мужчина, а легко внушаемый подросток.

Как-то в детстве я заблудился в небольшом лесочке и никак не мог найти выход. Мне не было страшно, но почему-то казалось, что всё это происходит не в жизни, а в виртуальном пространстве. И когда я вышел, наконец, на свою тропинку, то ничуть не удивился: ведь иначе и быть не могло.

Такое же чувство владело мною, когда я вернулся в свою квартиру: никакой цыганки не было. Просто этот театр мне не подошёл.

Вечером позвонил мой приятель, и я объяснил ему результат моего визита именно такими словами. Но он почему-то мне не поверил.

— Ладно, — сказал он, — встретимся — поговорим.

Я пару недель уклонялся от этой встречи. А потом мы оба как будто забыли о цыганском театре и моей главной роли.

В тот день у меня что-то произошло с машиной, и она никак не желала заводиться. Я злился, обзывал её разными словами, копался в моторе — всё тщетно. Взглянув на часы, я с облегчением вздохнул: у меня есть достаточно времени доехать на репетицию на общественном транспорте. Я уселся в подошедшем троллейбусе на переднее сиденье. Напротив дремала пожилая женщина в маленькой чёрной шляпке. Она мне напомнила мою школьную учительницу, и я бесцеремонно смотрел на неё. Внезапно женщина проснулась и наши взгляды встретились: у неё были бледно-голубые глаза и слегка расширенные

чёрные зрачки, которые точно магнитом притягивал мой взгляд. На какие-то секунды мне показалось, что я потерял сознание, но тут же передо мною вновь всплыло её лицо, и я почему-то решил, что она сейчас погибнет. И в то же мгновение чудовищной силы удар отбросил меня в середину салона троллейбуса. Последнее, что я увидел, было мёртвое лицо женщины в шляпке.

Позднее, вспоминая об этой катастрофе, я испытывал острое чувство вины перед погибшей женщиной, точно это я сидел за рулём «мерса», врезавшегося в наш троллейбус. И ещё одна мысль не отпускала меня ни на минуту: неужели правда то, что сказала цыганка? Неужели мне дано видеть будущее? Как это может быть? Экстрасенс я, что ли?

Нет нужды объяснять, быть экстрасенсом мне совершенно не улыбалось, и я всеми силами старался убедить себя, что всё случившееся — просто неблагоприятное стечение обстоятельств. Однако на всякий случай я старался не смотреть слишком заинтересованно в глаза своим знакомым.

До некоторых пор всё шло нормально, я совершенно успокоился, и мне в голову не приходило, что это «нормально» вечно продолжаться не может. Да, я совершенно забылся и однажды на репетиции загляделся на нашу хорошенькую дебютантку: её тёмные очи влажно мерцали из-под длинных ресниц, она улыбалась очаровательной белозубой улыбкой, и наши глаза соединились. Я получил

точно удар тока и уже не удивлялся тому, что всё, что с нею случится в будущем, мне в то же мгновение стало известно: она выйдет за меня замуж, потом мы разведёмся, она снова выйдет замуж, у неё будет двое детей. Умрёт в преклонном возрасте.

«Нет, я никогда на ней не женюсь, — думал я, когда сцена с нашим участием закончилась. — И этим докажу себе, что никакой я не предсказатель. Просто надо подлечить нервы».

Сначала всё шло, как нельзя лучше. Кира (так звали дебютантку) не проявляла ко мне особенного интереса, и я старался не спровоцировать её на какую-нибудь интимность: не приглашал вместе пообедать, не вёл с ней приватных разговоров.

Но однажды кому-то из труппы взбрело в голову устроить вечеринку по случаю предстоящего разбора новой пьесы, которую наш главный предложил поставить в новом сезоне. Наверное, некоторым актёрам казалось, что на весёлой вечеринке легче будет выторговать понравившуюся роль. Так вот, на этой самой вечеринке я, совершенно забыв об опасности, так сблизился с Кирой, что она попросила меня отвезти её домой, а потом пригласила к себе в квартиру выпить кофе.

Через пару недель мы уже жили вместе и чувствовали себя бесконечно счастливыми. О своих мистических проблемах я совершенно забыл: Кира принадлежала мне, всё остальное не имело значения.

Прошло около года, и как-то вечером, когда я читал новую пьесу, где мне, наконец, предложили главную роль, Кира подошла ко мне, села на колени, поцеловала и нежно промурлыкала:

— Милый, давай поженимся. Мне хочется, чтобы у нас была настоящая семья, дети...

Я вздрогнул от неожиданности:

— Зачем нам жениться? Разве это обязательно? — произнёс я, не отдавая себе отчёта в том, как двусмысленно звучит эта фраза.

Она явно не ожидала такой реакции, надула губки и вышла из комнаты. Я кинулся за ней. Призвав на помощь всё своё красноречие, я стал доказывать, что сейчас не время, что нужно подождать, что я вообще противник всяких регистраций, потому что любовь боится бюрократических формальностей. Но всё напрасно. Она обиделась, закрылась в спальне, и я явственно услышал её всхлипывания.

Это была наша первая ссора, которая показала: мою любимую, если что ей втемяшится в голову, переубедить невозможно. И я сдался. Мы зарегистрировали наш брак, организовали буйную свадьбу, и я старался не думать о том, что сделал первый шаг к нашему расставанию.

Года два прошли благополучно. Я внушал себе, что мы никогда не расстанемся, ведь всё зависит от нас самих, а не от каких-то потусторонних сил. Я почти поверил в это, потому что ничто не предвещало, что Кира может

меня разлюбить. Первый неприятный звонок прозвенел, когда я его совсем не ожидал. Заболела актриса, которая должна была выехать с труппой за рубеж, и её, по решению режиссёра, заменила Кира. Так мы впервые расстались на долгий месяц.

Спектакль прошёл с большим успехом, о Кире и её партнёре Иване Любимове писали все газеты, снимали на телевидении, и когда в новостях я увидел их, счастливых, бросающих друг на друга влюблённые взгляды, я понял, что должен приложить все усилия, чтобы не допустить перерастания этой влюблённости во что-то серьёзное.

Но чем я мог её так заинтересовать, чтобы она забыла сладкие минуты славы, которые пережила вместе с Иваном. И тогда мне пришла в голову идиотская мысль поделиться с ней, какой я необыкновенный человек, что я умею предсказывать будущее.

Я долго откладывал разговор, и здравый смысл мне подсказывал, что этого делать нельзя ни в коем случае, но однажды, когда Кира с горящими глазами вновь и вновь принялась рассказывать, как тепло их принимала заграничная публика и какой прекрасный партнёр Ваня Любимов, я не выдержал:

— Ты что влюбила в него?

— Причём тут личные чувства, — взъярилась она. — Я говорю о работе!

— Вижу, что попал в яблочко. Влюбила! Но знай, что на тебе он не женится. У него будет другая жена. Так что береги то, что у тебя есть!

— Не понимаю, что ты от меня хочешь? Разве я тебе говорила, что собираюсь за него замуж? Но было бы тебе известно, что, если только я захочу, он пойдёт за мной хоть на край света!

Я расхохотался. (Готовясь к этому разговору, я заглянул Ивану в глаза и узнал, что он женится на Рите Крутых):

— Нет, дорогая, ошибаешься. На край света он пойдёт не за тобой.

— Что это с тобой? Говоришь так, как будто что-то знаешь... Давай, договаривай, что тебе напели наши сплетницы.

Она выскочила из-за стола, едва не опрокинув чашку с чаем, и подбежала ко мне:

— Олег! — почему ты это сказал? Что ты знаешь об Иване? — она обвила руками мою шею, прижалась губами к моей щеке. — Скажи мне. Мне просто любопытно. Я ни разу не видела его ни с одной девушкой.

И я, как последний дурак, рассказал ей, какую страшную тайну о моих мистических способностях открыла мне цыганка.

— Ты шутишь? Но все эти предсказания — обыкновенное мошенничество! И ты веришь этим бредням? Вот уж не ожидала от тебя такой наивности.

— Не хочешь — не верь, — пожал я плечами.

— Ну и на ком он женится? — ластилась Кира.

— На Рите Крутых.

— Какая глупость, — заметила она небрежно. Встала и вернулась на своё место. Больше ни о чём меня не спросила.

С этого дня наши отношения изменились. Ни по одному вопросу у нас не было единомыслия. Мы ссорились по пустякам, в театре, встречаясь друг с другом в длинных полутёмных коридорах, мы делали вид, что не замечаем друг друга. Зато все актёры нашей труппы посматривали на меня с любопытством, видимо, понимая, что наша семья переживает тяжёлый кризис. Я знал, что примирение невозможно, и ждал, когда же наступит развязка.

Этим вечером, когда я уже собирался отправиться домой, меня пригласил к себе наш главреж. Недоумевая, зачем я ему вдруг понадобился, я зашёл в его кабинет и остановился на пороге. Главреж был не один. В кресле вальяжно раскинувшись, сидел представительный незнакомый мужчина, поглядывающий на меня с неподдельным интересом.

— Проходи, Олег, присаживайся, — приветливо улыбнулся главреж, — познакомься, это сотрудник фирмы «Ф-н», Роман Борисович Березняк, мой друг.

Роман Борисович встал и крепко пожал мне руку, прибавив, что очень рад знакомству.

Я сел в кресло напротив моего нового знакомого, всё ещё не понимая, зачем я понадобился этим господам. Некоторое время длилось молчание, как будто никто из присутствующих не хотел начинать первым. Наконец, главреж сказал:

— Олег, до меня дошли слухи, что ты замечательный экстрасенс. И Роман Борисович

ищет именно такого человека.

— Да, Олег, — с готовностью подхватил Роман Борисович, — наша фирма занимается выполнением различных весьма деликатных поручений от высокопоставленных особ, и нам очень не хватает именно экстрасенса. Мы хотели бы с вами сотрудничать. Ваша работа будет щедро оплачена.

Я сидел, словно поражённый громом. Кира... Она разболтала всем... Впрочем, разве найдётся женщина, на молчание которой можно было бы положиться?

— Что же вы молчите? Понимаю, моё предложение для вас неожиданное. Наверное, вы хотели бы подумать?

— Да, — пробормотал я. — Мне нужно подумать.

— Хорошо. Вот моя визитка. Мы созвонимся дня через три. Вас устроит такой срок?

— Да. Я позвоню, — сказал я, поспешно прощаясь.

— Станный какой-то, — услышал я, закрывая дверь кабинета, голос моего нового работодателя.

Не желая ни с кем встречаться, особенно с Кирой, я быстро оделся, сел в свой фورد и поехал в центр города. Там я оставил машину на стоянке, отправившись колесить по проспекту, не зная, что мне предпринять, на что решиться.

И вот я сижу на скамье в маленьком скверике, разбитый, с лихорадочной душой, истерзанной свалившемся на меня абсурдом.

Рядом шушукаются и смеются старшеклассники. А я даже не могу сообразить, прав ли я, придавая такую важность тому, что произошло.

Наконец, я принимаю решение: домой я больше не вернусь. И в театр — тоже. Я не хочу натягивать на себя маску «предсказателя-экстрасенса», я хочу остаться собой. Но в моём городе это уже невозможно. Значит, нужно уехать. Уехать навсегда. Начать новую жизнь.

Первое, что я сделал, — снял в недорогой гостинице маленький убогий номер, чтобы отдышаться, не торопясь всё обдумать. Заказал в номер ужин, принял горячий душ, и, завернувшись в махровый халат, с наслаждением жевал котлету с макаронами. И думал, думал, думал. Куда ехать? Где искать работу? И почему, чёрт побери, я могу предсказать будущее любому человеку, о себе же не знаю ничего.

А впрочем...

Я вскакиваю с дивана, включаю свет в ванной, подхожу к зеркалу и погружаю свой взгляд в глаза своего отражения. Мы напряжённо смотрим в глаза друг другу. На какое-то мгновение свет в ванне меркнет, чтобы тотчас загореться вновь. Но я уже не смотрю на своё отражение, потому что о себе знаю всё.

Набираю номер телефона аэропорта и заказываю билет на ближайший рейс в Хабаровск. Набираю номер директора Хабаровского театра драмы и договариваюсь о

работе и о временном жилье. Прошу, чтобы кто-нибудь из работников театра встретил меня в аэропорту, поскольку я в этом городе впервые.

Ну, всё... Я сделал первый шаг в мою новую жизнь. Жребий брошен! Впереди — terra incognita. Я сжигаю за собой корабли.

НОВОГОДНИЕ СНЫ

Со стоном Вадим Михайлович сдёрнул с груди одеяло, пытаясь вырваться из кошмара: ему снилось, что он стоит на площади, а вокруг много людей, у которых совершенно одинаковые лица. Вадим страстно призывает их к каким-то действиям, но толпа неподвижно замерла и зловеще молчит, глядя на него ничего не выражающими глазами. И вдруг из толпы кто-то крикнул: «Он всё врёт! Он чужой!» Толпа разразилась громким хохотом, завывала, заулюлюкала: «Он чужой! Он чужой!» Превратившись в клокочущую раскалённую массу, она медленно потекла прямо на Вадима. Он пытается убежать, но не может. Живая магма обволакивает его тело, подбираясь к голове, чтобы навсегда залепить рот, глаза, уши...

Вадим проснулся в холодном поту, сердце лихорадочно колотилось. Некоторое время лежал, пытаясь успокоиться, окончательно прийти в себя. Было тихо, темно. До рассвета ещё далеко. Встал, выглянул в окно. Заснеженные деревья застыли в неподвижности, как та толпа, которую он только что видел во сне. Может, это было продолжением сна, но только мир показался чужим и совсем незнакомым. Какая-то сила влекла его прочь из дома. Он оделся и, даже не взглянув на спящую жену, вышел на воздух. Ночное новогоднее небо с ярким серпом месяца и скопищем

мерцающих звёзд вливалось в душу невероятную свободу. Лёгкие заполнял свежий морозный воздух. Вадиму казалось — ещё немного, и он взлетит в эту бездонную высь и там достигнет ещё никем нераскрытую тайну, зачем этому прекрасному миру нужен презренный, заражённый гордыней человек.

И тут, напугав его, заверещал телефон, который он никогда не вынимал из кармана куртки. Звуки мелодии набатом прогремели в тишине ночи. Это прозвучало таким резким диссонансом, что Вадим бросил телефон в снег, и когда тот, отказываясь замолчать, продолжал неистово надрываться, он в исступлении пнул телефон башмаком. Телефон слабо пискнул, потом замолчал, и в ночной тишине Вадим явственно услышал, как голос человека из трубки сказал ему:

— Трубку поднимите. Она вам ещё послужит.

Он поднял смятую трубку и пробормотал куда-то в пространство:

— Вы кто?

— «Я тот, кого никто не любит и всё живущее клянет!» — напыщенно изрёк голос.

— Кто это? — снова повторил Вадим.

— Я — философ Брудов. Давно хотел встретиться и поговорить с вами. Вы мне интересны. — Голос звучал как будто с другой планеты. Несмотря на скрытое высокомерие, голос завораживал, и Вадим совсем не удивился себе, когда произнёс:

— Что ж, давайте встретимся. Где и когда?

— Машина ждёт вас. Мой водитель отвезёт вас ко мне.

Действительно, у садовой калитки стоял чёрный лимузин неизвестной марки. Водитель не вышел ему навстречу, и когда он залез внутрь, даже не повернулся к нему, ни о чём не спросил, а тотчас двинулся в путь, набирая скорость. Они мягко летели по широкому шоссе, и было удивительно, что им не встретилась ни одна машина.

— Ехать далеко? — Вадим решил прервать тягостное молчание. Водитель ответил не сразу:

— Нет. Близко. — И больше не добавил ни слова.

Минут через двадцать машина остановилась у бревенчатого, стилизованного под кабачок, ресторана.

— Встреча здесь? — спросил Вадим шофёра.

— Здесь, — ответил тот.

Вадим подошёл к двери ресторана. Она сразу же открылась. Девушка в нелепом кокошнике, в псевдонациональном русском костюме поклонилась в пояс:

— Проходите, гость дорогой. Мэтр Брудов ждёт вас. Едва Вадим ступил в душный зальчик, ему навстречу из-за стола поднялся высокий худой человек в накинутой на плечи хламиде. У него было бледное лицо с запавшими щеками и тёмными непроницаемыми глазами. Он энергично, как старому знакомому, пожал ему руку:

— Рад, весьма рад вашему визиту. Давно хотел познакомиться лично. Тимофей Игумнович.

— Вадим Михайлович. Тоже рад, — представился Вадим.

Они уселись за стол, покрытый белой скатертью, расшитой красными петухами. Зальчик был рассчитан на одну компанию.

— Я люблю этот кабачок. Здесь русский дух, здесь Русью пахнет.

Вадим заметил, что Брудов любитель избитых цитат.

— Ну-с, — продолжал хозяин, потирая руки, что мы с вами выпьем? Я беру ответственность на себя, вы не против? — и не дожидаясь ответа, он сделал жест невидимому официанту:

— Ванечка, дружочек, — понизил он голос, — всё, как обычно. Ты понял?

— Конечно, Ваша светлость, — сверкнул смородиновыми глазами Ванечка.

— Он сказал «Ваша светлость»? Здесь такой сервис? Все гости — сплошь — «светлости»? — хмыкнул Вадим.

— Да, сервис здесь отменный. И обслуживание сугубо индивидуальное. Я ведь потомок князей Брудовых. Член общества «Славные потомки лучших российских фамилий». — И он сунул Вадиму под нос визитную карточку, всю сплошь в золоте.

— Я ничего не слышал о таком обществе.

— Это и неудивительно. Конечно, это не тайное общество, но знают о нём только из-

бранные. И я вас пригласил сегодня за тем, чтобы предложить стать членом этого общества.

— Благодарю за честь, — Вадим отвесил учтивый поклон славному потомку безвестных князей Брудовых, — но не считаю, что моя фамилия Оболмасов — лучшая российская фамилия.

Князь Брудов сделал вид, что не почувствовал иронии.

— Ну, дорогой Вадим Михайлович, это вы напрасно. Самоуничтожение, как известно, паче гордости. Ваши предки прославили Россию и ратными походами, и революционными подвигами. А вы, их благородный потомок, сформулировали интересную концепцию дальнейшего развития России. Многим ваши идеи кажутся утопическими, даже безумными, но члены нашего общества очень ими заинтересовались. Мы готовы всячески помогать вам, пропагандировать эти идеи, так сказать, внедрять их в сознание масс.

— Вы читали мою монографию: «Россия на пороге будущего»? Она отвергнута научным сообществом. Вам это известно?

— Это неудивительно. Такое резкое неприятие вашей работы учёными — для нашего Общества лучшая рекомендация. Все учёные — неисправимые традиционалисты. Они не приемлют ничего нового.

В этот момент к столику подошли двое: красивая женщина лет 30, а может, и побольше, в короткой юбке и блузе с низким декольте, и

её спутник с маленькой бородкой и в очках, вылитый Чехов. Он тянул лет на 50.

Тимофей Игумнович обрадованно вскочил:

— Прошу вас, друзья, к нашему шалашу. Вадим Михайлович, это мои соратники по Обществу, Елена Игнатъевна и Никифор Порфирьевич. Они потомки великого писателя матушки-России, Каравашкина.

Пришедшие церемонно раскланялись. Вадим встал, и Елена Игнатъевна сунула ему руку явно для поцелуя. Вадим охотно выполнил её желание. О великом Каравашкине он, признаться, услышал впервые.

— Друзья, — продолжал жизнерадостный хозяин, — а это — тот самый Вадим Михайлович.

Гости радостно заулыбались, глядя на гостя с обожанием, как будто от него зависела их дальнейшая судьба.

Не прошло и несколько минут, а на столе уже громоздились бесчисленные закуски и батарея бутылок.

— Это по-нашему, по-россейски, напитков должно быть много! — громогласно воскликнул Никифор Порфирьевич. Елена Игнатъевна весело рассмеялась, как от оригинальной шутки. У неё был приятный, точно звон колокольчика, смех.

Официант Ванечка споро и бесшумно обслуживал весёлую компанию. Тосты следовали непрерывным потоком. В основном за Россию, за лучших её сынов, за самых кра-

сивых в мире русских женщин и всё в таком ключе.

— Музыка прикажете? — совсем, как в прошлом веке, осведомился Ванечка.

— Давай — цыган, Ванюша! — распорядился Тимофей Игумнович.

Цыгане, хотя их было не более пяти-шести человек, сразу заполнили весь зальчик музыкой, энергией, яркими красками. Всё закружилось, запело, отозвалось ликованием в душе Вадима. Он вскочил, протягивая руку Елене Игнатьевне:

— Потанцуем?

— Потанцуем! — тотчас откликнулась она. И они смешались с весёлой цыганской толпой.

Когда они вернулись к столику, тот одиноко красовался своим изобилием. Однако ни Тимофея Игумновича, ни Никонора Порфирьевича нигде не было видно. Исчезли и цыгане, и официант Ванечка. Стало неприятно тихо.

— Куда это все подевались? — спросил удивлённый Вадим Михайлович.

Елена Игнатьевна небрежно отмахнулась:

— Вышли освежиться.

К парочке подошёл официант:

— Ваши друзья немного перебрали. Я распорядился, чтобы их отвезли домой.

Елена Игнатьевна ничуть не удивилась:

— Вы всё правильно сделали. — И, обернувшись к Вадиму, добавила:

— Пьяными их лучше не видеть.

— Но Тимофей Игумнович пригласил меня

по делу... — начал было Вадим. Елена Игнатьевна его перебила:

— Об этом не беспокойтесь: все деловые переговоры — моя обязанность. Кстати, я уже прочитала ваш труд. — Она откинулась назад и задумчиво смотрела на Вадима Михайловича, как будто решала, мог ли он написать такое замысловатое произведение.

Тот невольно заелозил на своём стуле:

— Прочитали? — нарочито небрежно спросил он. — Я рад. И что вы скажете?

— Интересно... Но в общем-то об этом говорят многие.

— Ну уж нет! Я смею думать, что мои мысли совершенно оригинальны.

— Полноте! О необходимости инноваций, ускоренного развития науки сейчас не говорит только ленивый.

— Так фишка не в том! Главное — каким образом запустить маховик?! За годы криминал-либерализма Россия потеряла способность к научно-техническому прогрессу: разрушены научные школы, разворована материальная база, эмигрировали талантливые учёные, прервалась связь новых и старых поколений учёных, до безобразия деградировали высшие учебные заведения, лишённые и финансирования и преподавательской элиты! И вот в этой выжженной пустыне я предлагаю метод ускоренной регенерации и движения вперёд!

Елена Игнатьевна загадочно улыбалась.

— Ах, какой же вы идеалист. Какой мечтатель. А ведь ещё Фримен Дайсон сказал, что

правила всемирно-исторической игры меняются от десятилетия к десятилетию непредсказуемыми путями. А вы как будто всё знаете наперёд. Впрочем, у вас в монографии действительно много совершенно оригинальных идей. Но, знаете что, давайте хоть ненадолго забудем о делах. Я приглашаю вас ко мне в номер. Здесь стало слишком тихо и грустно.

Она встала и нетвёрдой походкой направилась к выходу. Вадим был разочарован этим разговором. На что он надеялся, он и сам не понимал. Но ведь для чего-то его пригласили сюда. Уж не для того, чтобы напоить и заставить выслушивать глупости Елены Игнатьевны. «Что это я разговорился с ней о науке. Разве женщины способны мыслить диалектически», — думал он, шагая за ней и глядя на её стройные ножки.

Он не слышал звонка её телефона. Он увидел только, что она вдруг резко остановилась, выхватила из сумочки телефон и сказала каким-то незнакомым ему тоном:

— Что? Именно сейчас? — минуту слушала молча, потом добавила: — Хорошо. Сейчас буду.

Обернувшись к Вадиму, лучась извиняющейся улыбкой, она попросила его подождать совсем недолго, буквально одну минуточку, в актовом зале общества. Открыла перед ним одну из дверей и тотчас исчезла.

Он вошёл в просторный зал для заседаний, освещённый настенными бра, сел в кресло

у самого прохода, огляделся. Зал был богато отделан золотом, ценной породой древесины, бархатные удобные кресла, на стенах портреты незнакомых ему людей. Внезапно он точно очнулся от бреда: где он? Что это за люди? Куда они исчезли? Что от него хотят? А главное, как ему вернуться домой? Он вынул из кармана разбитый мобильник, тщетно пытаясь позвонить жене. Жена не отвечала.

Ярко вспыхнула люстра под потолком, и зал начал заполняться нарядными людьми, оживлённо разговаривающими друг с другом. Они расселись по местам с такой уверенностью, как будто за каждым из них уже давным-давно были закреплены эти кресла.

Но к креслу Вадима не подошёл никто. Его не замечали, как не замечают привычные или неинтересные предметы. В своём тренировочном костюме и стоптанных кроссовках он чувствовал себя неловко и униженно.

Но вот люстра погасла. Осветилась сцена. И на сцену вышел его новый знакомый, Тимофей Игумнович Брудов. Тимофей Игумнович успел переодеться, выглядел молодцевато и энергично.

— Дорогие друзья, — обратился он к присутствующим, — прекрасен наш Союз! Великие дела предстоит нам совершить! Для этого мы призваны укреплять и расширять наше братство. И сегодня я хочу представить ещё одного соискателя, которого считаю достойным

стать нашим другом и собратом. Это — Вадим Михайлович Оболмасов! Автор той самой монографии: «Россия на пороге перемен».

В зале повисла тишина. А Вадим, не ожидавший такого поворота событий, просто вдавился в кресло, стараясь таким образом исчезнуть из этого зала.

— Вадим Михайлович здесь, в зале. И я хочу представить вам его. Вадим Михайлович! — обратился Брудов к Вадиму, — прошу вас подняться ко мне на сцену.

Растерянный Вадим встал со своего места и, одёргивая изрядно потёртый спортивный костюм, такой неуместный среди сверкающей роскоши, в полной тишине поплёлся к Брудову.

Когда он предстал, наконец, перед залом, кто-то крикнул:

— Это шутка?!

— Почему шутка? Господин Оболмасов — наш новый кандидат. Сейчас он расскажет вам о себе и о своих оригинальных идеях.

Зал враждебно загудел. Покрывая гул, кто-то снова эмоционально крикнул:

— Не слушайте его! Он чужой! Чужой!

Все вскочили со своих мест и кинулись на сцену. Кто-то схватил Вадима за волосы и потащил вглубь сцены.

— Смерть чужим! — скандировала толпа. — Им нет места в нашем мире!

Извиваясь, как питон, Вадим вырвался из объятий врага, отскочил к самому заднику сцены, сорвал полотно, драпирующее за-

дник, накинул его на плечо, как плащ цезаря и закричал голосом народного артиста, специализирующегося на шекспировских трагедиях:

— Прочь, недостойные холопы!

Не вам решать мою судьбу!

Толпа на мгновение остолбенела от неожиданности, но Вадиму этой заминки было вполне достаточно, чтобы распахнуть окно и выпрыгнуть в мягкий холодный снег.

Не поднимаясь на ноги, он побежал прочь на четвереньках, как преследуемая дичь. Затем зарывшись в снег, некоторое время неподвижно лежал на животе, пытаясь отдышаться. Его трясло, он был мокрый от пота. Наконец, он позволил себе подняться и оглянуться назад. Его окружал заснеженный ночной лес. Уходящие ввысь раскидистые ели и сосны закрывали звездное небо. Никаких признаков жилья, ни дороги, ни даже тропинки. Только незнакомый враждебный, засыпанный снегом лес.

В этой отчаянной тишине, в этом пугающем одиночестве он медленно побрёл вперёд, постепенно всё отчётливее осознавая, что пришёл конец. Он вдруг подумал, что умирать от холода совсем не страшно: просто он ляжет в снег, его тело перестанет чувствовать холод, и он спокойно заснёт. Но сейчас, пока есть хоть чуточку сил, он должен идти. Покойный отец говорил ему не раз: человек только потому выжил на земле, что никогда не сдавался.

И он всё шёл и шёл упрямо вперёд, споты-

каюсь, падая, но поднимаясь вновь и вновь. И вот, когда казалось, что у него уже не было сил и мучительно хотелось заснуть, в кармане мокрой куртки ожил, жалобно запищал телефон. Окоченевшей рукой Вадим с трудом вытащил его из кармана, опасаясь, что он просто рассыплется в его руке, и поднёс к уху:

— Я вас вижу, — сказал незнакомый голос. — Вы совсем близко от шоссе. А теперь слушайте меня внимательно: поверните градусов на 40 направо и идите только прямо. Телефон держите у уха, я буду корректировать направление, в лесу невозможно идти точно по прямой.

— Кто это?!

— Сейчас некогда вести никчёмные переговоры, тем более что ваш телефон явно неисправен и может отказать в любую минуту. Старайтесь идти как можно быстрее. Я буду следить за вашим маршрутом.

Пререкался с невидимым спасителем не было сил. Вадим повернул направо, до конца не понимая, что это, галлюцинация или случилось чудо и кто-то зафиксировал его на приборе дальнего видения.

Ему казалось, что он бежал, но голос неумолимо повторял:

— Постарайтесь идти быстрее. Вы идёте слишком медленно.

Но быстрее идти он не мог. Он понимал, что все его усилия напрасны, сил больше не оставалось, сражение за жизнь проиграно...

И вдруг (о, чудо!) — лес расступился, и он

увидел шоссе. Теряя сознание, он выбрался на шоссе, и последнее, что почувствовал, — чьи-то крепкие руки подхватили его и чей-то голос повторял:

— Всё в порядке. Вы — молодец. Вы спаслись.

В тёплой машине Вадим быстро пришёл в себя, но мозг работал заторможенно, и мысли, казалось, навечно замёрзли где-то в глубине его существа. Он не испытывал никаких эмоций, механически подчиняясь своему спасителю. Тот снял с него мокрую одежду, растёр спиртом тело, надел какую-то тёплую сухую одежду, завернул в толстое одеяло, заставил выпить обжигающую спасительную жидкость. И он заснул, точно привалился в чёрную дыру.

Проснулся оттого, что мужчина энергично тряс его за плечи:

— Не спите! Как вы себя чувствуете? Вас отвезти домой или в больницу?

— Вы кто? Как вы меня нашли? — наконец, очнулся Вадим.

— Разве вы меня не узнаете? Я — водитель Тимофея Игумновича. Я видел, что произошло.

— У вас есть прибор дальнего видения? Но где он? Его не видно!

Водитель довольно рассмеялся:

— Конечно, не виден. И в этом моё преимущество.

— Спасибо вам, я вам очень обязан. И передайте мою благодарность Тимофею Игумновичу.

— Ну, уж Тимофей Игумнович здесь совсем ни при чём.

— Но разве не он вас отправил меня спасать?

— Конечно, нет! Зачем ему это?

— То есть как? Мы же с ним так и не поговорили по поводу моей монографии!

— Да о чём говорить-то? Он и так с ней прекрасно знаком.

— Зачем же вы тогда привезли меня к нему?

— Он хотел с вами лично познакомиться и понять, можно ли с вами поладить.

— ???

— Ну, в смысле купить вашу работу, чтобы вы этим больше не занимались.

— Зачем ему это?

— Этого я не знаю. Знаю только, что ваша работа напугала его. Ему было видение, что, как только в России будут озвучены подобные идеи, Общество лучших российских фамилий уже не сможет управлять Россией.

— Он хотел от меня избавиться!?

— Ну, уж этого я не знаю. Понимайте, как хотите. Он только часто повторяет: самое страшное для нас — это идеи, адекватные общественному подсознательному народу России. Если, мол, эти идеи уйдут в массы, Россию не остановить. Ни одна Америка ничего не сможет сделать. Они этого очень боятся.

Обескураженный Вадим долго молча смотрел на водителя:

— Тогда я не понимаю, почему вы меня спасли? Почему всё это рассказали?

— Да чего тут непонятного. Во мне ведь тоже сидит часть этого самого «подсознательного».

— Спасибо вам за всё. Я думаю, мы с вами увидимся ещё не раз. И, может, поработаем.

— Поработаем непременно! Мы покажем всем, как нужно жить на земле, чтобы и самим было хорошо и чтобы других не обижать. Ладно. Едем. А то скоро рассвет.

Вадим проснулся, когда за окном было уже светло. Рядом мирно спала жена. Он сразу вспомнил о прошедшей ночи, вскочил с постели, пытаясь обнаружить следы ночного приключения. Но нигде не нашёл ни мокрого спортивного костюма, ни грязных кроссовок, ни следов протектора чёрного лимузина у калитки. Вернувшись в дом, он остановился на пороге холла, растерянно оглядываясь вокруг: что же это было, сон что ли? И тут где-то рядом пискнул сломанный мобильник. Он наклонился к креслу и увидел, что его бедняга-мобиля, что-то хочет, но не может и уже никогда не сможет просигнализировать.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Конечно, это было очень легкомысленно с моей стороны, поссорившись с Борисом, отправиться домой на метро, когда время уже приближалось к полуночи. Так поздно я ни разу не возвращалась одна, и на улице мне стало как-то не по себе. Осенняя ночь темным-темна. В неярком свете фонарей, окутанных лёгким туманом, одинокие фигуры людей кажутся неясными призраками. Дома-громадины выступают из мрака, как загадочные миражи. Очень неуютно. Даже страшновато.

Особенно становится тревожно и неприятно, когда я сворачиваю к нашему неосвещённому скверу, где нет ни души. Мне хочется пуститься бегом, но я понимаю, что суетиться в подобных случаях совершенно ни к чему. Поэтому иду обычным шагом, стараясь держаться уверенно, чтобы злоумышленник, если он окажется поблизости, понимал, что я ничего не боюсь. Аллея маленького сквера кажется бесконечным туннелем, а мой дом где-то далеко-далеко. Я всё иду и иду, и нет конца дороге. И вот, когда я уже вижу угол моего дома, кто-то взявшийся невесть откуда, хватаяет меня за рукав:

— Эй, стой! Куда торопишься?

От неожиданности я отскакиваю в сторону, в панике поворачиваю голову на окрик и вижу высокого парня в надвинутом на глаза

капюшоне — спецодежде современного бандита.

— А, это ты! — вырывается у меня, хотя парень мне совершенно незнаком.

Парень удивлённо таращится на меня:

— Ты кто такая? Разве мы знакомы?

— Что тут удивительного? — отвечаю я вопросом на вопрос.

Парень мнётся в нерешительности. Его капюшон сполз, и я вижу тёмные совсем страшные глаза.

— Ты откуда взялся? — продолжаю я свою игру. — Как дела? Опять проблемы?

— А тебе-то что? Поможешь их решить? — бурчит он.

— Сделаю, что могу. Выкладывай, что случилось.

Он совершенно растерян и обезоружен. Я беру инициативу в свои руки.

— Деньги нужны? — Он молча сопит. — У меня с собой только триста, — говорю я, протягивая деньги.

Он суёт деньги в карман и неожиданно бормочет слова благодарности.

— Да не бери в голову, — небрежно бросаю я, — удачи тебе.

Я делаю приветственный жест рукой и продолжаю свой путь. Я уже почти у самого дома. И тут слышу за спиной его торопливые шаги. Он настигает меня почти у моего подъезда:

— Дай мне свой номер телефона, — говорит он.

Теперь, при свете фонаря, я могу лучше его рассмотреть. Он совсем юный, лет семнадцати. Лицо худое, бледное, в чём-то привлекательное. Выражение лица растерянное.

— Зачем тебе мой телефон?

— Мне это необходимо.

— Зачем?

— Я скажу тебе по телефону. Пойми, это очень важно.

— Хорошо. Но чем ты запишешь номер?

— Я запомню.

— Ладно, — я дважды повторяю ему мой номер.

— Спасибо.

О том, как меня зовут, он не спрашивает. А меня его имя совершенно не интересует.

Дома я сразу же приготовила ванну и долго лежала в тёплой воде, стараясь забыть о своём приключении.

В час ночи позвонил Борис. Я уже засыпала, и он меня разбудил. Этот человек всегда всё делает некстати. Не понимаю, почему я не в состоянии окончательно порвать с ним. Мы встречаемся уже три года, но о браке пока речи нет. Сначала — потому, что он был женат, и его жена, настоящая «собака на сене», не давала ему развода. А потом, когда он стал свободным, мне не хотелось менять свой образ жизни, и я привыкла уже к тому, что он не муж мне, а всего лишь любовник.

— Господи, ну что ты звонишь? Ты разбудил меня! — я не могу сдержать раздражения.

— Я звоню уже третий раз, где ты бродишь?! Я же живой человек, — кипит он. — Я беспокоился.

— Неужели? — язвительно усмехаюсь я. — Тогда почему разрешил мне уехать ночью одной?

— Но разве тебя можно остановить! Ты неуправляема!

— Всё! Достаточно! Мы, по-моему, превзошли сегодня обычную дозу распрей.

Борис замолк. Я даже решила, что он отключился. Но нет. Он тяжело вздыхает и грустно говорит:

— С нами происходит что-то нехорошее. Как психолог, скажу тебе, что это вызвано неудовлетворённостью в наших теперешних отношениях. Нам нужно начать нормальную семейную жизнь. Завести детей. Мы уже не юнцы, чтобы тратить жизнь на эпизодические встречи. Если ты согласишься, мы завтра же идём в загс и начинаем новую жизнь.

— А если нет?

— Тогда расстанемся как интеллигентные люди.

Я представляю, как он сидит в кресле, вытянув длинные ноги, пёстрая рубашка расстёгнута на груди. Одной рукой он прижимает к уху трубку, другой тербит рыжеватые густые волосы и смотрит в пространство грустными тёмными глазами. Меня охватывает тёплое

нежное чувство к этому родному и любимому человеку, и я шепчу:

— Нет, мы не расстанемся, не надейся. Мы завтра же поженимся и нарожаем кучу детей. Я тебя очень люблю. А теперь спокойной ночи! — поспешно кладу трубку, чтобы он неосторожным словом не разрушил моё сладкое чувство.

Но телефон сразу же заверещал вновь. Некоторое время я не беру трубку. Может, он догадается отключиться. Однако телефон звонит и звонит. Приходится ответить. Но, к моему изумлению, звонит не Борис:

— Простите, это я, — говорит кто-то неуверенно и тревожно.

Ну, конечно, это мой грабитель. Надо быть последней идиоткой, чтобы дать ему свой телефон.

— В чём дело? — говорю я. — Почему звонишь ночью? Совесть есть?

— Простите...

Ну просто овечка. И даже на «вы» перешёл:

— Говори, что тебе нужно. Я не намерена препираться с тобою всю ночь!

— Мне нужно с вами поговорить... Только не по телефону...

— Больше ничего не придумал? Иди домой. Не мешай мне спать.

— Пожалуйста...— мямлит он, — очень вас прошу...

Я уже готова бросить трубку, но что-то меня удерживает. Впрочем, понятно что. Жалость, будь она неладна. Почему-то мне

его ужасно жалко. Сама не желая того, говорю:

— Ладно, поднимайся. — И называю номер своей квартиры.

Едва я успела накинуть халат, он уже звонит. Робкий короткий звонок.

Взглянув на него, я вижу, что за тот час или чуть больше, когда мы расстались, с ним что-то произошло. Он едва стоит на ногах, мертвенно бледен, глаза страдальчески полуприкрыты.

— Что случилось?

— Можно я сяду?

Я сажаю его в кресло в гостиной. Его тело беспомощно оседает, ноги подгибаются под сиденье.

— Мне нужно тысячу рублей...

— Неужели? — но голос мой звучит скорее растерянно, чем язвительно.

— Если я не отдам деньги, они убьют меня, — с трудом говорит он. — Мне больше не к кому обратиться...

— Кто — «они»? О ком ты говоришь?

Но он не отвечает. И я с ужасом вижу, что он теряет сознание: глаза закатываются, голова откидывается назад, тело беспомощно растекается по креслу.

— Парень! — кричу я. — Парень! Что с тобой?

Но он молчит. Глаза плотно сомкнулись.

Я в отчаянии мечусь по комнате, не зная, как ему помочь. «О Господи, — шепчу я, — помоги мальчику. Вразуми меня. Что мне сделать?»

Ну, конечно (что я за дура!), нужно вызвать скорую помощь! Я хватаю трубку, непослушными пальцами набираю номер:

— Пожалуйста, — кричу я, — приезжайте скорее. Мальчик умирает!

— Успокойтесь, что случилось? — голос диспетчера невозмутим, как у автомата.

— Не знаю, — я задыхаюсь от волнения. — Он разговаривал со мною и вдруг потерял сознание...

— Какими заболеваниями он страдает?

— Я не знаю...

— Вы не родственница? Есть кто-нибудь из родственников?

— Нет, здесь, кроме меня и мальчика, нет никого. Умоляю вас, приезжайте поскорее! Я заплачу... Пожалуйста, поторопитесь! Спасите его!

Когда, наконец, приехала скорая помощь, мне кажется, я просто была в каком-то бреду. Я с трудом открыла дверь, потому что никак не могла справиться с замком. Впустив бригаду из двух медиков, я вдруг разрыдалась, как последняя истеричка.

— Сюда, скорее, — всхлипывала я, кидаясь то к одному, то к другому.

Один из них бесцеремонно отодвинул меня в сторону, подошёл к парню, начал неторопливый осмотр.

— Какой же это мальчик? — недовольно взглянув в мою сторону, сказал один из них.

— Сколько ему лет?

— Лет 16 или 17.

— Слушайте, успокойтесь, наконец. Ответьте на вопросы чётко. И перестаньте плакать. Возьмите себя в руки. Рассказывайте, что произошло.

— Я его не знаю, — всхлипывала я. — Он пришёл часа два назад. Попросил тысячу рублей и потерял сознание.

Мои ответы окончательно вывели врача из себя:

— Что вы там бормочете? Вы нас хотите уверить, что в час ночи впустили к себе в квартиру незнакомого человека, которому нужны были деньги? Он, что, оказывал вам известные услуги?

— Да вы что?! — я даже перестала рыдать от такой наглости. — Как вы смеете говорить такое!

— А как, скажите на милость, нам вас понимать? Вызываете врача к человеку, который умирает в вашей квартире, и утверждаете, что никогда его раньше не знали, а просто впустили его к себе, потому что ему понадобилась тысяча рублей.

Я растерянно молчу, отчётливо понимая всю двусмысленность своего положения. Врач, довольно небрежно осматривает больного, потом переводит взгляд на меня и говорит с беспощадной суровостью:

— У парня тяжкие телесные повреждения, возможно, несовместимые с жизнью. Это — криминал. В вашей квартире произошло

преступление. Я вынужден вызвать милицию.

С горестным смирением я сажусь на диван и смотрю, как врач тщетно пытается привести парня в чувство. Время идёт бесконечно долго. Врач снова звонит в милицию. Он раздражён:

— Мы не можем так долго ждать, — говорит он в трубку. — Пациента нужно срочно доставить в больницу. Когда, наконец, приедет милиция? — Некоторое время он молча слушает. — Сейчас будут. Уже выехали, — говорит он своему коллеге. На меня они не обращают внимания.

Какая странная непредсказуемая бывает судьба. Как так случилось, что я попала в этот, точно расставленный кем-то капкан? Вот уж воистину — от сумы и от тюрьмы не зарекайся.

Наконец появляется милиция: двое молодых людей в штатском, оба с невзрачными, невыразительными лицами. Они входят уверенно, по-хозяйски оглядываются вокруг:

— Ну, что тут у вас произошло? — спрашивает один из них, ни к кому конкретно не обращаясь.

Врач коротко излагает своё видение ситуации. Милиционеры ничему не удивляются.

— Вы хозяйка? — спрашивает тот, что повыше.

— Я.

— А теперь вы объясните, что произошло.

Когда я изложила свою версию происше-

ствия, не упомянув о нашей встрече с парнем на улице, так как, мне казалось, что это ещё больше всё запутает, тот, что повыше, нетерпеливо перебивает меня:

— Ваши сказки рассказывайте мужу. А нам вы обязаны говорить правду. Отвечайте, кто избил парня? За что?

Я повторяю свой рассказ, но он уже не слушает меня. Он зло кричит, обзывает меня проституткой, грозит всякими карами. Кажется, ещё немного, и он влепит мне пощёчину, и его останавливает только присутствие медиков. Я сижу молча, как сторонний наблюдатель. Мне не хочется что-то доказывать, я опустошена, бесконечно устала, всё происходящее — страшный запутанный сон наяву.

— Что здесь происходит? — слышу я знакомый родной голос. — Вы кто такие? — с удивлением и яростью спрашивает он окруживших меня мужчин.

Это Борис! Непостижимо, но он всегда рядом, когда мне нужна помощь. Я бросаюсь к нему, слёзы потоком катятся из глаз:

— Борис, у меня беда! Они мне не верят! А мальчик умирает! Его нужно срочно в больницу!

— О чём ты говоришь? Что случилось? Я ничего не понимаю...

Внушительная фигура Бориса производит на присутствующих впечатление. Все замолкают, и всё тот же высокий милиционер по военному докладывает:

— В вашей квартире произошло преступле-

ние. Потерпевшему причинены тяжкие телесные повреждения. Ваша жена отказывается объяснить, кто и по какой причине это сделал.

Борис с изумлением смотрит на меня. Но уже через несколько секунд его низкий голос уверенно констатирует:

— Какие могут быть претензии к моей жене? Всё, что она вам сказала, правда. Если бы парня избили в нашей квартире, это было бы видно невооружённым взглядом. Разве вы никогда не видели драки? Здесь всё было бы вверх дном!

— Разрешите, мы увезём больного в больницу? — нетерпеливо вмешивается врач.

Милиционеры неохотно соглашаются.

— В какую больницу вы его повезёте? — спрашиваю я. — Пожалуйста, спасите его. Я заплачу за лечение.

Борис бросает на меня молниеносный взгляд. Он всегда понимает меня с полуслова:

— Да, — говорит он, — мы хотим помочь этому парню. Выясните прямо отсюда, куда вы его повезёте. — Он протягивает врачу купюру.

Врач спокойно отправляет деньги в карман, и уже через минуту он говорит нам, в какую больницу скорая помощь повезёт пострадавшего.

Четверо мужчин, растянув мой клетчатый плед, выносят парня из квартиры. Со мной остаётся только высокий милиционер. Он останавливается передо мною и сурово произносит:

— Я советую сразу во всём признаться. Сотрудничество со следствием всегда учитывается судом, как положительный фактор.

Я молчу (Господи, как он мне надоел!). Милиционер начинает злиться, но в это время в квартиру возвращаются Борис и второй милиционер.

— Идём, всё в порядке, — говорит второй милиционер напарнику. Тот сразу же отстаёт от меня, и они оба, вежливо раскланившись, исчезают.

На несколько секунд в квартире повисает тишина. Борис садится в кресло напротив и холодно, не мигая, смотрит мне в глаза. Но что я могу сказать? Он не поверит мне, как не поверили медики и милиционеры.

— Что здесь произошло? — спрашивает он. — Почему ты молчишь?

— Ты мне всё равно не поверишь, — горестно вздыхаю я. — Но клянусь, так и было.

— Ладно, рассказывай, как на духу. А там решу верить или нет.

И я начинаю свой рассказ. Медленно и подробно описываю всё, что со мною произошло, пытаюсь объяснить мотивы моих поступков. Он смотрит поражённый, но явно верит каждому моему слову:

— Слушай, — говорит он с изумлением, — я, конечно, знал, что ты глупая наивная фантазёрка, но чтобы настолько...

Потом подходит ко мне, целует, приговаривая:

— Какая же ты идеалистка, а ещё будущий учёный. Ладно. Давай спать. Скоро утро.

Но я не могу уснуть. Меня знобит. Мышцы скованы. Я никак не могу расслабиться. Тихонько, чтобы не разбудить Бориса, выползаю из-под одеяла, на цыпочках выхожу из спальни. Сажусь с ногами в кресло, обхватив руками колени, сжимаюсь в комок, тщетно борясь с подступившими слезами. Перед глазами бледное лицо мальчика. Ему, видимо, не больше шестнадцати. Я просто физически ощущаю его ужасное одиночество в этом огромном городе. Бедный несчастный мальчик. Что с ним? Вдруг умер?

Я вскакиваю, хватаю трубку, звоню в больницу.

— Алё, — звучит женский недовольный голос.

— Простите, — говорю я. — К вам в больницу сегодня ночью поступил мальчик, вернее, молодой человек, в тяжёлом состоянии. Скажите мне только, как он? Он жив?

— Звоните в приёмные часы.

— Пожалуйста, — молю я её.

— Фамилия как?

— Я не знаю, но он поступил часа три назад. Пожалуйста, узнайте, не умер ли он.

Трубка некоторое время молчит, потом женщина раздражённо отрезает:

— Умер, — и телефон разъединяется.

Я лихорадочно набираю номер снова и снова, но там занято. А потом — и вовсе никто не отвечает.

Надо съездить в больницу. Я смотрю на часы: около семи. Видно, я совсем не в себе: раньше девяти меня туда не впустят. Я приняла душ, оделась. Выпила чашку кофе. Ну вот. Через полчаса уже можно ехать.

И вдруг звонок в дверь. Один короткий звонок. Не раздумывая, кидаюсь открывать. На мгновение замираю, сердце болезненно вздрагивает, как если бы я увидела привидение, и я испускаю беззвучный стон: на лестничной клетке стоит мой умерший. Он всё так же бледен, но улыбается, глаза бодро и бессовестно смотрят на меня:

— Простите, что я так рано, — говорит он, как ни в чём не бывало, — но вы мне обещали тысячу рублей. Без них мне нельзя появиться на нашей улице.

— Это ты?! А мне в больнице сказали, что ты умер!

— Вот ещё! — отмахнулся он. — С какой стати мне умирать?

— Но ты же здесь несколько часов назад потерял сознание...

— Да, было дело. Я слегка... это... ну, в общем, дозу переборщил.

— Ты был под кайфом?! А врач сказал, что ты избит!

— А вы врачам больше верьте, они вам и не то скажут. Им ведь тоже надо бабки срубить.

— Но тебя же в больницу увезли! Как ты оттуда выбрался?

— Да очень просто. Я там малость оклемался, смотрю — лежу в коридоре на каталке.

Кругом никого. И тут вспомнил, что вы мне денег обещали. Встал и через окно выбрался на улицу.

— Господи, парень, с тобою не соскучишься. Ну, входи. Ты, наверное, голоден. Пойдём, покормлю тебя, раз уж ты живым оказался. — Я смеюсь. Мне хорошо. Камень с души упал, как будто не было этой страшной ночи.

Парень уминает колбасу с хлебом с большим аппетитом. Я не успеваю подкладывать. Потом я приношу ему обещанные деньги. Он сразу же встаёт и направляется к выходу.

— Спасибо вам, — говорит он на ходу. — Вы очень добрая и красивая. Вы просто замечательная. Вы очень меня выручили.

— Ты скажи хотя бы, как тебя зовут, — спрашиваю я ему вслед.

— Да зачем вам, — небрежно откликается он, — мы всё равно больше никогда не увидимся.

Через мгновение он исчезает в появившемся лифте, а я, счастливая, возвращаюсь в свою квартиру к любимому, который спит себе и не подозревает, что моё приключение благополучно завершилось.

Я снова раздеваюсь и забираюсь под одеяло. Борис спокойно спит. Я слышу его дыхание, наслаждаюсь исходящим от него теплом. «Боже! — думаю я, засыпая, — до чего же хорошо жить на свете!»

С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ...

Теперь он не смог бы объяснить, что же тогда с ним произошло. Наверное, в душе человека глубоко спрятана, но всё равно временами копошится и требует действий потребность любви.

А началось всё так: в декабре прошлого года Леонид получил письмо от бывшего однокурсника Олега Безуса. Они не виделись несколько лет, и письмо Олега весьма его удивило. Он вскрыл конверт и прочитал небольшое странное послание: Олег писал, что сейчас он в командировке за рубежом и никак не может дозвониться до жены. Поэтому он просил Леонида съездить к ним домой и выяснить, не случилось ли чего плохого. Письмо озадачивало своей бесхитростной наивностью. Прежде всего, было странно, что по такому вопросу Олег обратился к нему, а не к родственникам или своим друзьям. Тем более что он даже не знаком с женой Олега. Да и есть множество способов, кроме звонков домой, установить связь с женой, Ну, например, позвонить ей на работу, позвонить её матери. Да и мало ли других более простых и естественных способов. В письме он указал свой адрес, но ни телефона, ни имени жены не сообщил.

«Не иначе, писал с бодуна», — подумал Леонид. Он долго вертел письмо, разглядывая

листок и конверт со всех сторон, но ничего полезного не обнаружил. «Да, ладно, — решил он, — съезжу, потрачу пару часов».

Утром следующего дня, чтобы наверняка застать жену Олега, он подъехал к его дому, поставил машину на стоянку и направился к подъезду. Едва он протянул руку, чтобы открыть дверь, дверь сама собой распахнулась и выпорхнувшая из подъезда девушка оказалась в его объятиях.

— Простите, — смущённо забормотал Леонид, — поспешно отступая назад, чтобы девушка могла пройти. Вдруг они оба замерли, как два истукана, глядя, не мигая, друг на друга.

— О господи, — прошептала девушка, — Леонид, неужели это ты?

— Яна?!

— Молодые люди! Вы что это вздумали обниматься в проходе. Подвиньтесь-ка маленько.

Они отошли от двери, всё также не отрывая взгляда друг от друга.

— Рад тебя видеть, — улыбался он.

— Тоже очень рада, — улыбалась она. — Как ты здесь оказался?

— Я по делам. А ты?

— Я здесь живу. Бегу на работу. — Она мельком взглянула на часы.

— Я тебя подвезу? Ты где теперь работаешь?

— Всё там же. Только теперь — начальник отдела. А ты?

— У меня тоже без перемен.

— Ты женился?

— Нет. А ты?

— Ты хочешь сказать: «женат не бывал и без жены не жывал».

— Ты почти угадала. После нашего развода я зарёкся жениться.

Так они болтали ни о чём, сидя рядом в машине и ощущая радостное возбуждение. Они не заметили, как доехали до её офиса.

— Вот мы и приехали, — сказала она.

— У тебя вечер свободен? Может, сходим куда-нибудь? Тряхнём стариной.

— Я не против. Приезжай за мной к шести часам.

— Приеду обязательно. Ну что ж, до встречи, — он наклонился к ней и поцеловал её. Она бросила на него лукавый взгляд и поддевчачьи хихикнула.

Когда Яна скрылась за дверью офиса, он некоторое время смотрел ей вслед. Всё это было похоже на сон. Но нет, это не сон. Это реальность. Сколько они не виделись? Она исчезла из его жизни в прямом и переносном смысле сразу после развода. Значит, около пяти лет. Он пытался вспомнить, как пережил развод. В чём была его действительная причина? Наверное, в том, что они были очень молоды, глупы и не могли решить, кто из них главный. А как пережил? В горизонтальном положении. Придя с работы, наскоро перекусив, он ложился на диван и так лежал, глядя в потолок, окутанный пустотой,

ни о чём не думая, освобождаясь от всяких мыслей и глупых мечтаний. Но прошло время, наверное, полгода, и жизнь наладилась. Тот кусок его жизни исчез, и он никогда о нём не вспоминал.

И вдруг эта встреча. Совсем такая же по ощущениям, как их первая встреча на новогоднем вечере в университете. Как будто не было в их жизни неудачного брака, глупого развода и разлуки навсегда.

О том, что нужно съездить к жене Олега, он вспомнил только на работе, когда один из клиентов, сына которого он защищал в громком уголовном процессе, сказал, что беды его сына не закончились и что его жена исчезла, и по всей вероятности, её похитили. Только тогда Леонид вдруг понял, почему Олег обратился именно к нему: наверное, он считает, что его жена похищена, боится огласки, чтобы ей не повредить, и потому выбрал его, адвоката, для решения этого щекотливого вопроса. «Зайду к ним на квартиру вечером, когда привезу Яну домой», — решил он.

Леонид заехал за Яной в шесть, как и договорились. Он поставил машину напротив дверей офиса и стал ждать. Было темно. Падал медленный предновогодний снежок. Всякий раз, когда открывалась дверь, он внутренне замирал, ожидая её появления. Как мальчишка, он чувствовал волнение и подъём. И вот, наконец, появилась Яна. Он смотрел на неё из машины и поражался, как она молода и как хороша. Совершенно не изменилась за

эти пять лет. Она, как птичка, впорхнула в его машину и сразу же мило защебетала, засмеялась, о чём-то рассказывая ему. Но он слушал только звук её голоса и смотрел, не отрываясь в её глаза. Он был опьянён её близостью. Кто бы мог подумать, что такое возможно после всего, что было с ними пять лет назад.

— Ну, что? Куда поедем? — выговорил он, наконец. — Может, в какой-нибудь уютный ресторанчик?

— У меня есть предложение получше.

— Давай выкладывай. Я готов на всё.

— Поедем к тебе.

Она вошла в их бывшее жильё, и он почувствовал, как она взволнована.

— У тебя всё осталось, как и прежде. Я была уверена, что после моего ухода ты всё переделал и перестроил, чтобы духу моего не осталось.

— Ты ошибаешься, мне нельзя жить без твоего духу.

Она серьёзно посмотрела на него. Он увидел, что в её глазах мелькнули слёзы:

— Скажи, почему люди сами портят свою жизнь? Может, мы боимся счастья?

— Всё проще. Мы дураки из дураков. И никак не можем отличить главное от второстепенного. Ведь не зря сказано, что большое видится на расстоянии. Но ошибки же можно исправить. Всё зависит от нас, разве не так?

Она молча смотрела на него. Потом медленно покачала головой:

— Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Такие ошибки непоправимы.

— Что ты хочешь сказать? Ты замужем? Не можешь уйти от мужа?

— Не могу.

— Ты его любишь?

— Мне его жаль. Он болен. А жалость у женщин часто сильнее любви.

— Что с ним?

Но она не успела ответить, потому что тревожно зарокотал мобильник в её сумочке. Она торопливо поднесла телефон к уху, сказала:

— Да.

Он слышал, что из трубки мужской голос что-то нервно выкрикнул. Она, прижимая мобильник, быстро вышла из комнаты, на ходу повторяя:

— Да нет же. О чём ты? Я целый день была на работе.

И вдруг он понял, что она и есть жена Олега. Как он не догадался раньше? Их встреча так его ошеломила, что он забыл и о письме, и о цели своего визита. Но зачем Олег устроил всю эту провокацию. Зачем ему было нужно, чтобы они встретились?

Она вернулась грустная и погасшая.

— Мне придётся уйти. Прости меня, Лёнка.

— Что случилось? Кто звонил?

— Звонил муж.

— И что? Ты ведь взрослая девочка. Можешь решать свои дела самостоятельно.

— Он очень страдает.

— А ты разве нет?

— Он болен.

— Что с ним такое, что ты должна всегда быть при нём.

— У него душевное заболевание. Его страдания ужасны.

— У него психическое заболевание? Ты это хочешь сказать? Бред ревности?

— Да.

— Яночка, разве ты не знаешь, что бред ревности — исключительно опасное для объекта ревности заболевание? Это же болезнь. Его ни в чём нельзя убедить. Его невозможно умиротворить. Его страдания никак не связаны с твоим поведением. Это симптомы его болезни. Его надо лечить. Он опасен!

— Он отказывается лечь в больницу. Он не считает себя больным.

— Скажи, ваша квартира № 45?

— Да.

— Вот читай! — и он достал из ящика стола письмо Безуса.

Она прочитала письмо. Уставилась на Леонида неподвижным взглядом.

— Теперь ты видишь, как он опасен? Он специально столкнул нас с тобой, чтобы найти доказательства твоей измены. Ему это необходимо для эмоциональной разрядки. Я умоляю тебя, останься у меня. Ты не должна возвращаться домой. Этим ты ему не поможешь. Ты слышишь?

Но она, казалось, не слышала его.

— Как же я могу так поступить? — говорила она. — Бросить его в такой момент. Это нечестно, жестоко. Это не по-человечески. Нет, я так не могу. Я так не сделаю. Я уговорю его лечь в больницу. А потом, когда ему станет лучше, я скажу, что уйду от него.

— Тогда обещаю, что ты мне дашь знать, что у тебя всё в порядке.

— Я не смогу из дома с тобой разговаривать. Я просто тебе позвоню и сразу же разъежусь.

— Можно я отвезу тебя?

— Нет-нет. Ни в коем случае.

Он подождал несколько минут, пока она, по его расчётам, не дошла до стоянки такси, потом накинул пальто и выскочил на улицу. Мороз усилился, редкие снежинки падали на его непокрытую голову, но он не чувствовал холода. Мысль о том, что её подстерегает смертельная опасность, болезненным пульсом билась в голове. Его убивала собственная беспомощность. Неужели ничего нельзя сделать? Но этого не может быть! Выход есть всегда!

Он сел в машину и помчался к её дому. У супермаркета, где скопилось много машин, он попал в пробку. Потом его остановил милиционер за превышение скорости. Казалось, что дороге не будет конца. Наконец, вот её дом. Он остановился у подъезда, не зная, что

предпринять. Поначалу его мучило желание ворваться в их квартиру, скрутить Олега, увезти его прочь от Яны неважно куда, лишь бы он не смог к ней вернуться. Он сгорал от нетерпения выполнить задуманное. Однако постепенно он успокоился, сознавая, что надо всё обдумать, прежде чем принимать решение. Ошибка может очень дорого обойтись. Поэтому ему оставалось лишь ждать, ждать, проклиная всё на свете, изнывая от напряжения, пока он не придумает что-нибудь толковое. Наконец, он решил. Вышел из машины и неторопливо направился к подъезду. Лифт доставил его к квартире № 45. Он подошёл к двери и прислонился ухом к замочной скважине. Из квартиры не доносилось ни звука. В этот момент открылась дверь напротив, и оттуда выглянула бодрая старушка, глаза которой с бойкой пронизательностью уставились на Леонида.

— Вы к Безусам? — спросила она.

— Да. Я к Олегу. Не знаете, он дома? Что-то там тихо, — добавил он смущённо.

— Они с Яной только что ушли.

— Куда, не сказали?

— Нет, не сказали.

— Спасибо.

— Может, им что-нибудь передать?

— Да нет. Я им вечером позвоню.

«Чёрт побери этих бдительных старушек», — думал он со злостью. Он боялся, что старуха скажет Олегу что-то такое, что ещё больше возбудит его болезненное воображение. Медлен-

но начал спускаться по лестнице, чувствуя, что не использовал шанс. Он должен был попробовать получить от неё хоть какую-нибудь информацию. Наверняка, она знает многое. Поколебавшись несколько мгновений, он решительно повернул назад.

Он позвонил в квартиру старухи несколько раз, но она дверь не открывала. Теперь он уже не сомневался, что она знает что-то очень важное, и никакая сила больше не заставит его уйти. Он звонил и звонил, пока дверь не открылась и не выглянуло разъярённое лицо хозяйки.

— Вы что звоните? Я милицию вызову!

— Послушайте, — начал он и сразу же замолчал, увидев в зеркале в прихожей, отражающем часть комнаты, Яну:

— Яна! — крикнул он, — это я, Леонид. Пожалуйста, выйди. Выйди, прошу!

Яна появилась в проёме двери, бледная, отрёшенная, из-под ресниц смотрели усталые тёмные глаза. Он отстранил старуху и бросился к ней, уже точно зная, что случилось что-то ужасное.

— Яна, Яночка! Что?! — Он обнял её, чувствуя, что она вся дрожит.

— Он там... Он в квартире... Я слышала выстрел...

— Дай мне ключ!

— Нет... Он убьёт тебя...

— Яна, дай мне ключ.

Она вместе со старухой долго искала ключ:

— Куда ж ты его дела? — бормотала старуха.

Наконец, ключ был найден. Леонид подошёл к двери, прислушался. В квартире царила зловещая тишина. Он осторожно вставил ключ в замочную скважину, медленно повернул и слегка приоткрыл дверь квартиры. Глянул внутрь. В квартире царил полный разгром: мебель опрокинута, вещи разбросаны, как будто здесь неистовствовала разъярённая обезьяна. Бесшумно ступил в коридор, заглянул в кухню, в спальню, в гостиную. Везде следы яростного разрушения. И среди этого развала он увидел тело Олега, неподвижно лежащего между опрокинутым креслом и диваном. Леонид наклонился к нему и сразу понял, что тот мёртв: на виске зияла окровавленная рана, рядом валялся пистолет.

— Батюшки, — услышал он голос старухи, — он застрелился. — Яна! — заголосила она, — твой муж застрелился!

Яна на негнущихся ногах подошла к телу мужа, опустилась на колени:

— Олег, что же ты наделал? Бедный мой... — Она закрыла лицо руками.

Все дни, пока проводилось расследование случившегося, пока хоронили несчастного Олега, Леонид был рядом с Яной. Яна жила и действовала, как во сне, не в силах заполнить образовавшуюся пустоту. И Леонид прекрасно понимал её состояние.

— Тебе нужно взять отпуск и уехать. Если хочешь, я поеду с тобой. Тебе надо переменить обстановку.

— Да, я уеду. Одна. Я никого не хочу видеть. Прости меня, Лёня, не приезжай ко мне больше. Я должна побыть одна. Как только мне станет лучше, я позвоню.

Ему ничего не оставалось, как согласиться.

Но напрасно он ждал её звонка. Прошла неделя, другая, месяц — она не позвонила.

И он не выдержал. В один из дней, когда на дворе уже была весна, он подъехал к её офису и позвонил ей по сотовому. Она откликнулась не сразу.

— Ты не хотела мне ответить? — спросил он.

— Нет, что ты! Я просто говорила по другому телефону. Я очень рада услышать твой голос. Извини, что не позвонила. Ужас сколько работы, — торопливо оправдывалась она.

— Я здесь, у твоего офиса. Выйди на минутку.

— Хорошо. Я сейчас.

Она появилась минут через пятнадцать, сразу же направилась к его машине, открыла дверцу, села рядом с ним, любезно улыбаясь. И он понял, что никогда им не быть вместе.

Они заговорили о разных ненужных вещах, рассказывали друг другу о пустяках, не решаясь заговорить о главном. Первым не выдержал он.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Она откинула волосы со лба, жест, когда она чувствовала, что её слова ему не понравятся, и попыталась всё обратить в шутку. Но он шутки не принял.

— Итак... — сказал он.

— Лёничка, — начала она, улыбаясь, — ты же знаешь, я не могу так сразу что-то решить. И куда нам торопиться?

Это был излюбленный её мотив, найденное ею оправдание. И ему вдруг показалось, что они вовсе не развоились, а продолжают те давние споры, которые и привели их к разводу.

— Значит, пока тебе сказать нечего, — резюмировал он.

Она как-то странно посмотрела на него и тут же отвернулась к окну.

Потом грустно сказала:

— Прошлого не вернуть, как не остановить время. Это — наказание за легкомысленные расставания. Помнишь: «и каждый раз на век прощайтесь, когда уходите на миг».

— Да, ты права. — Он равнодушно кивнул, стараясь скрыть разочарование. — Ну что ж. Тогда прощай.

— Прощай, Лёничка. Спасибо тебе за всё. — Она нежно поцеловала его в щёчку. «Точно покойника», — подумал он.

Она выскочила из машины и направилась к офису. Он не посмотрел ей вслед. Она не оглянулась.

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА

Когда мужик, от которого пахло псиной, снял с неё чёрную повязку, она долго не открывала глаз, пытаясь так спастись от встречи с ним. И только когда тот, пробурчав: «Сиди и не плачь. Крикнешь — убью», загредел засовом, она наконец взглянула на свою тюрьму. Но не увидела ничего. Наверное, она ослепла. Её окружала плотная густая темнота. Она снова закрыла глаза. Стало легче. Ощупала тюфяк на полу, куда её бросил бандит. Тюфяк был чуть влажный, пол грязный и липкий. Попыталась открыть глаза, однако тут же их закрыла, так как темнота обжигала больнее прожектора. Что же это? Неужели тот мир, в котором она жила ещё совсем недавно, исчез навсегда, и ей предстояло жить и умереть на неизвестной планете.

Она долго, бесконечно долго сидела, сжавшись в комок, на тюфяке. Тело одеревенело, стало чужим. Исчезли ощущения, погасли мысли. Она провалилась в небытие.

С грохотом распахнулась тяжёлая дверь. Помещение залил ослепительный свет. Послышались громкие мужские голоса, которые, казалось, сотрясали пол. Она слышала эти резкие звуки, но не могла ни пошевелиться, ни даже открыть глаза.

Мужчины подошли к ней вплотную:

— Эй, ты чего? Спишь, что ли?

— Слушай, да она вроде как померла.

— Вот бы было хорошо... А то, что с ней делать? Я убить не смогу. На меня не рассчитывай.

— Да, подожди ты орать. Она, видно, без памяти. Давай так: пусть она денёк полежит, а там посмотрим.

— А она красивая. И совсем девчонка. На мою покойную сестрёнку Марусю похожа. Нет, я не смогу ничего такого с ней делать. Ты как хочешь.

— Ладно, пошли. Завтра решим. Но порешить всё равно придётся. Не проваливать же из-за неё операцию.

Дверь гулко захлопнулась.

Наступила тишина. Ах, как хорошо... Тело невесомо... Душа заполняется блаженными звуками. Где-то далеко дышит море: она ясно слышит его приливы и отливы. Воздух звенит от цикад. К ней склоняется бабушка, нежно берёт за руку:

— Всё будет хорошо, деточка, — говорит она. — Я с тобою. Я тебя не оставлю одну.

— Бабушка, милая, — она хочет, но не может прижать к губам бабушкину руку. — С тобой я ничего не боюсь. Но ты же умерла. Как ты узнала, что я в беде?

— Я всегда с тобою, моя милая, и в радости и в печали.

— Завтра они придут меня убить.

— Господь милостив. Господь спасёт. Он не даст свершиться злу. Ты только не бойся. Только не впускай в свою душу ненависть.

А теперь поспи, а я посижу рядом.

* * *

Обжигающая струя пролилась ей на лицо. Тело содрогнулось, сжалось в комок. Она открыла глаза. Мужчина поливал из бутылки ей на лицо холодную воду.

— Жива? Очнулась?

— Кто вы? Зачем вы меня мучаете? — чуть слышно прошелестел её голос.

— Никто тебя не мучает. Ты сама ударилась об машину. Не надо было так отбрыкиваться.

— Чего вы от меня хотите?

— А ты как чувствуешь? Что болит?

— Не знаю. Пить хочу.

Он наклонился к ней, приподнял ей голову, осторожно влил в рот холодную воду. Она, захлёбываясь, с жадностью глотала. Вода возвращала силу. Через несколько минут она уже сидела на тюфяке, но встать пока не пыталась.

Он сел рядом с ней прямо на грязный пол, и она увидела его лицо совсем близко, как будто через огромное увеличительное стекло. Ему, наверное, лет двадцать пять, глаза темно-серые, внимательные, короткий, чуть вздёрнутый нос, тонкие напряжённые губы.

— Как тебя зовут?

— Мария.

Она видела, что её ответ произвёл на него впечатление. Он удовлетворённо кивнул.

— А лет сколько?

— Семнадцать. Зачем вы меня сюда привезли? Что я сделала?

— Да по ошибке. Нужна была другая.

— Отпусти меня, — она трогательным жестом слегка коснулась кончиками пальцев его руки. Он поспешно отёрнул руку. Вскочил с пола. Быстрым шагом пошёл к выходу.

— Вы уходите?! Пожалуйста, не гасите свет! Я больше не могу быть в темноте. Мне страшно... — она всхлипнула.

У самой двери он остановился, резко всем корпусом повернулся к ней, и она увидела, что его лицо исказила судорога. Он стремительно подошёл к ней, схватил за руку, помогая подняться с полу:

— Ты можешь идти? Можешь быстрее? Идём!

* * *

Они вышли на незнакомую улицу, мрачную и грязную, похожую на промзону. Он шёл впереди. Она едва попевала, собрав последние силы. Они шли через какие-то арки и проходные дворы и, наконец, вырвались на простор: широкая, бурлящая машинами улица, спешащие люди, яркое ослепительное солнце. Она зажмурилась от яркого света: «Боже! Неужели спасена!»

Внезапно он остановился. Взглянул на часы:

— Мы не успеем... Давай сюда.

Он подошёл к двери крайнего подъезда и позвонил.

— Кто там? — тотчас откликнулся женский голос.

— Меня зовут Сергей Прошин. Я с сестрой. Ей нужна помощь. Откройте, пожалуйста.

Женщина некоторое время молчала. Потом неуверенно сказала:

— Ладно, входите... Что случилось? — спросила она, когда молодые люди вошли в квартиру. Но, взглянув на Марию, сразу поняла, что девушке плохо. — Что с тобой? — спросила она, — может, скорую помощь вызвать?

— Да, пожалуйста, позвоните. У неё, видимо, что-то с сердцем. Только я не могу дожидаться, пока приедет машина. Я должен бежать на работу. Помогите сестре. Вот вам деньги на расходы. — И он вынул из кармана куртки пачку денег.

— Да Господь с вами! Зачем мне так много?

— Берите-берите. А что останется, Марусе отдадите. — Он подошёл к девушке, погладил её плечо, пробормотал:

— Прощай, сестричка!

— А вы... А ты куда? — растерянно спросила Мария.

— Я должен вернуться.

— Нет! Не ходи туда!

— Ты ничего не понимаешь. Я должен...

Когда дверь захлопнулась, женщина повернулась к Марии. У неё было приятное спокойное лицо:

— Тебя зовут Маруся?

— Да.

— А меня Варвара Ивановна. Что с тобою? Где ты живёшь? Может, позвонить родителям?

— Родители в Саратове. Я студентка. Живу в общежитии.

— Так что? Вызвать скорую помощь?

— Нет. Пока не нужно. Можно я приму душ.

— Душ? Ну, конечно. Почему же нельзя.

Она стояла под горячим душем, наверное, целую вечность. Варвара Ивановна даже заглянула к ней, с беспокойством спросила:

— Ты как там, жива?

— Всё хорошо. Спасибо. Варвара Ивановна, можно я надену ваш халат? У меня одежда очень грязная.

— Можно. Он там на крючке висит.

Когда она вышла из ванной, добрая Варвара Ивановна уже накрыла на стол, поджидая её на своей маленькой чистенькой кухоньке:

— Иди, Марусенька, поешь.

Мария села за стол, вдыхая аромат отварной картошки, котлет, свежих огурцов. Она почувствовала острый голод и принялась с жадностью поглощать выставленные яства.

Варвара Ивановна, подперев рукой щеку, смотрела на неё с милой улыбкой:

— Кушай, кушай, девочка, — повторяла она, — не стесняйся.

Потом, когда Мария отодвинула опустевшую тарелку и решительно отказалась от добавки, Варвара Ивановна сказала:

— А теперь, Марусенька, расскажи, что с вами случилось. И будем вместе думать, как делу помочь.

Когда Мария закончила свой горестный рассказ, хозяйка не удивилась, не всплеснула руками, не заохала. Она сказала:

— Этого парня, Сергея твоего, надо выручать.

— Да как же? Как, Варвара Ивановна?

— А вот как. Я знаю этот подвал, где тебя держали бандиты. Там раньше было овощехранилище. Я когда-то была там зав. складом. И каждый закоулок знаю. Пойду, разведу, что делается.

— Я с вами!

— Ладно. Только тебе надо так одеться, чтобы, если что, они тебя не узнали. Сейчас я тебе чего-нибудь поищу. Тут сынка моего одежда, он в армии служит, вот смотри, его детские брюки, рубашка, свитер. Примерь-ка. Вот и хорошо. Вылитый парнишка. Идём, а потом решим, вызывать милицию или нет.

Яркое солнце и спешащая энергичная толпа делали улицу совершенно безопасной. Невозможно было представить, что ещё пару часов назад она томилась в тёмном подвале совсем рядом с этой беззаботной улицей, и никто никогда бы не догадался, как она нуждалась в помощи. Она шла рядом с Варварой Ивановной, ничем не выделяясь в бесконечной толпе. Но вот Варвара Ивановна, дав знак

лёгким прикосновением руки, повернула во двор, прошла через арку, и они оказались совсем в другом мире: солнце исчезло за стенами серых домов, под ногами была грязь, битые кирпичи, полиэтиленовые пакеты, сгнившие доски, нечистоты. Женщина не обращала внимания на этот отвратительный пейзаж, уверенно обходя то там, то здесь возникающие препятствия из мусора и зловонных луж. Наконец, они подошли к полуразрушенному двухэтажному дому:

— Это здесь, — тихо произнесла Варвара Ивановна.

Мария отрицательно покачала головой.

— Это здесь, — повторила женщина, — вход в подвал с другой стороны. Идём. — И они вошли в подъезд дома. — Будь осторожна. Лестница на ладан дышит. Мы пойдём на второй этаж.

И они, осторожно ступая, начали подниматься на второй этаж.

— Куда мы идём?

— Молчи.

Они прошли по коридору, с трудом пробираясь сквозь обрушившиеся перегородки. Наконец, Варвара Ивановна зашла в какую-то комнату, и Мария услышала разъярённые мужские голоса. Она в ужасе отскочила к стене, но её попутчица, прижав палец к губам, схватила её за руку и прошептала в ухо:

— Слышишь? Это они там в подвале разбираются с Сергеем.

— Почему здесь так слышно?

— Здесь проходит вентиляционная труба. Тихо, надо понять, что они собираются делать.

Мужчины яростно кричали, пересыпая каждое слово матом. Что-либо понять было совершенно невозможно. И вдруг всё затихло.

— Ладно, — послышался низкий гудящий голос, — пусть он побудет здесь несколько дней без жратвы. Тогда посмотрим, что он нам скажет.

С лязгом захлопнулась дверь, и наступила мёртвая тишина.

Мария смотрела на Варвару Ивановну, не понимая, что же им делать, но та улыбнулась и тихо сказала:

— Подождём немножко, чтоб уж точно уехали, а потом пойдём выручать нашего Сергея.

На двери, ведущей в подвал, висел огромный амбарный замок. Варвара Ивановна подёргала его в надежде, что он проржавел и не закрылся как следует. Но нет. Замок был в порядке.

— Надо вызвать милицию, — взволнованно зашептала Мария.

— Это успеется. Сначала надо самим попробовать. Связываться с милицией — последнее дело.

— Да как же мы сможем?

— Постой, дай подумать. Ключ ведь громадный. Да и улика. Едва ли они его с собой забрали. Небось где-то здесь припрятали.

Давай подумаем, где его удобно спрятать?

Мария с восхищением смотрела на свою новую знакомую.

— Ой, Варвара Ивановна, точно, они здесь ключ прячут. Когда Сергей выводил меня из подвала, он куда-то сюда что-то положил.

Они начали торопливо обшаривать угол стены, прилегающий к двери. Мария залезла пальчиком в каждую щёлочку, отодвигала каждый кирпич. И вдруг сердце её остановилось, замерло: вот он, этот злосчастный ключ!

Варвара Ивановна чмокнула её в щёку:

— Умница! — Она взяла ключ, вставила в замок, легко повернула, и замок открылся.

Некоторое время они стояли у двери. Потом Варвара Ивановна выглянула во двор и, убедившись, что там никого нет, распахнула дверь.

В подвале была чёрная тьма. Но Варвара Ивановна привычным жестом пошарила по стене, и в ту же секунду вспыхнул свет.

Сергей лежал на матрасе лицом вниз. Когда зажёгся свет, он даже не пошевелился. Они кинулись к нему, пытаясь перевернуть его на спину.

Он открыл глаза и с изумлением уставился на своих спасительниц:

— Вы?! Как?! Откуда?! А где братва?

— Они уехали. Нужно быстрее выбираться отсюда.

Он вскочил на ноги, схватил обоих за руки, и они опрометью кинулись вон. Отбежав на некоторое расстояние от зловещего подвала, Сергей остановился:

— Подождите секунду. — И он бросился обратно.

Женщины растерянно смотрели ему в след:

— Постой, ты куда?

Но он уже исчез в нише, скрывающей дверь в подвал.

Через несколько секунд он появился вновь, держа в руке ключ от амбарного замка:

— Я запер дверь, — быстро проговорил он. — Вот ключ. Выкиньте его в помойку. — Потом он посмотрел на них и добавил также поспешно:

— Никто не должен видеть нас вместе. Прощайте. Спасибо вам. И простите меня. Прощай сестрёнка. Пожалуйста, позаботьтесь о ней, — обратился он к Варваре Ивановне.

— Но ты-то куда? Ведь они найдут тебя.

— Я уезжаю сегодня домой, в Днепрпетровск. Им меня больше никогда не видать. Прощайте.

Он махнул им на прощание рукой и исчез за сваленными в кучу картонными коробками.

Мария и Варвара Ивановна молча смотрели ему вслед.

— Что с ним будет? Мне его жалко, — Мария старалась скрыть наворачившиеся непрошенные слёзы.

Варвара Ивановна обняла её за плечи и, глядя в кусочек чистого голубого неба, выгядывавшего из-за закопченной пятиэтажки, прошептала:

— Спаси его, Господи. Вразуми его, чтобы он выбрал себе другую жизнь.

ИСПЫТАНИЕ

В тот вечер я, наконец-то, договорился с Лизой встретиться у меня дома. Это было нелегко. Она долго сопротивлялась, но всё-таки сдалась, и я в душе уже праздновал победу. Я тщательно подготовился к встрече: убрал квартиру, приготовил ужин, накрыл на стол, в центре стола поставил старинный подсвечник. В общем, сделал всё, что положено, для первого свидания при свечах. Время приближалось к восьми, и я сел в кресло у входной двери, напряжённо прислушиваясь к тишине на лестничной площадке. Звонок прозвенел как-то совершенно неожиданно. Я вскочил с кресла и поспешно распахнул дверь. Не знаю, что выражало в этот момент моё лицо, но Лиза, глядя на меня, насмешливо рассмеялась и непринуждённо впорхнула в квартиру.

— Привет, — сказала она, пожалуй, слишком уж деловито. И я не посмел ни обнять, ни поцеловать её.

— Привет, проходи. — Мой голос звучал торопливо. Это был как будто не мой голос. Я чувствовал, что всё складывается не так, как мне хотелось.

Лиза бросила сумочку в кресло, на котором я только что сидел, подошла к зеркалу, внимательно, поворачивая голову то вправо, то влево, посмотрела на себя.

— Ты здесь живёшь один? — спросила она, направляясь в гостиную. — У тебя мило. И даже свечи на столе, — усмехнулась она.

— Да, — я старался перехватить инициативу, — налицо весь джентльменский набор.

— И джентльмен тоже налицо, — не сдавалась она.

Мы уселись за стол напротив друг друга. Впервые в этот вечер наши взгляды на несколько мгновений соединились, и я увидел, что светлые холодноватые глаза Лизы вдруг осветились, точно в них проскочила электрическая искра. И хотя я продумал начало нашего разговора (начало всегда очень важно), но эта искра спутала все мои карты.

Я протянул через стол к ней руку, и она доверчиво вложила в неё свои тоненькие пальчики.

— Я люблю тебя, Лиза. Давай поженимся, — сказал я тихо, почти прошептал, сжимая её руку.

Она сразу же поспешно освободилась от этого пожатия, вскочила со своего места, подбежала ко мне, села рядом на свободный стул и, глядя не мигая, мне в лицо, велела говорить, как я её люблю. Я осторожно приблизил её к себе, и она прижалась ко мне, продолжая глядеть в глаза. Никогда ещё я так остро не чувствовал, как я счастлив, и никогда так ясно не осознавал, как хрупко и неверно это чувство.

Мы оба вздрогнули, когда вдруг засигналил висящий у неё на шее миниатюрный изящный мобильник.

— Господи, кто это? — она растерянно положила трубку к уху.

Я напряжённо смотрел на неё, пытаюсь понять, что произошло. Из ответов Лизы ничего понять было невозможно:

— Да, мама, — говорила она, — да... хорошо... хорошо. — И потом, когда телефон снова занял своё место у неё на шее, она сказала:

— Я должна идти...

— Что?! Почему?!

— Приехал мой отец. Хочет меня видеть.

— Но почему такая срочность?

— Мы не виделись больше десяти лет. Он живёт в Америке. Приехал, чтобы увидеть меня.

— Десять лет не видел, а теперь вдруг срочно захотел встретиться, — пробормотал я. Как я ненавижу этого человека!

— Не расстраивайся. Мы увидимся завтра.

Когда мы прощались, она положила руки мне на плечи и сказала:

— Прежде чем уеду, хочу ответить тебе: я тоже очень-очень тебя люблю. Мы с тобой обязательно поженимся. Мы проживём вместе много-много лет, и разлучит нас только смерть.

Я прижал её к себе и поцеловал долгим нежным благодарным поцелуем:

— Можно я провожу тебя?

— Нет, спасибо. Папа прислал за мною машину.

Когда дверь за Лизой захлопнулась и лифт унёс её вниз к выходу, я подошёл к окну и на-

блюдал за тем, как она села в подъехавшую машину и исчезла за поворотом.

Потом я опустил в стоящее у окна кресло и погрузился в неясные мечты. Неужели это не сон, и Лиза действительно будет всегда рядом со мной? Это казалось волшебной сказкой, прекрасной иллюзией, которая вдруг чудесным образом материализовалась.

И тут в дверь позвонили. Я озадаченно посмотрел на часы: кто это мог быть в такое время? Звонок повторился. Я поспешно зашагал к двери, чтобы впустить нетерпеливого незваного гостя. Гость был не только незванный, но и совершенно нежелательный. Это была Марина. «Маленькая пиявка», как называли её мои друзья. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, напряжённо улыбаясь.

— Ты один? — и она, отодвинув меня, решительно вошла в квартиру. — Извини, что так неожиданно и без предупреждения. Просто была тут рядом у знакомых и решила по старой памяти зайти.

— Да уж, действительно неожиданно. Что это ты вдруг?

— Вспомнила старое доброе время. Захотелось тебя увидеть, узнать, как живёшь.

Я знал: сопротивляться было бесполезно.

— Что ж, проходи, — пробормотал я, стараясь соблности ритуал вежливости, хотя она в этом совершенно не нуждалась, непринуждённо без всякого приглашения направляясь в гостиную.

— Ого! Да тут был пир горой. Вернее, свидание... При свечах... — Она оглядела неубранные остатки нашего пиршества. — Я вижу, ты снова влюблён. Да?

— Садись, — я кивнул на кресло. — Тебе так важно, влюблён я или не влюблён?

— Конечно. Мы всё-таки не чужие. — Она старалась напомнить мне то время, которое я не вспоминал никогда.

— Не чужие? А какие же?

— Да ладно тебе. Не цепляйся к словам. Просто не забывай, что старый друг лучше новых двух.

— Марин, если серьёзно, то нам давно уже не о чем говорить. Давно мы сказали друг другу всё. Так что без всяких «философий» говори, какое у тебя дело ко мне.

— Я всё время думаю о тебе, Влад. Может, обсудим наши отношения?

— Что за шутки! Мы обсудили наши отношения уже три года назад. И если у тебя других дел ко мне нет, то, извини, мне завтра рано вставать.

— Ну, хотя бы расскажи, как ты жил все эти годы.

Я знал, что, если только я поддамся, это волынка может тянуться до утра.

— Не сейчас, — сказал я сурово. — Как-нибудь встретимся и поговорим. Может быть. — Добавил я.

— Мне так плохо, Влад, — затанула она любимую песню. — Иногда мне хочется уйти из этого мира. Ты не можешь просто так — взять

меня и выгнать. — Она не сводила с меня глаз, и её взгляд выражал смесь мольбы и наглости.

Да, она хорошо изучила искусство шантажа. Она успешно пользовалась им в те годы, когда мы встречались. И мне стоило огромного труда порвать с ней. «Тебе здорово повезло, старик», — говорили, узнав об этом, друзья, которые хорошо знали Марину. Но теперь я другой. Она не поймает меня на свою удочку.

— Я тебе ничем не смогу помочь, — сказал я равнодушно. — Тебе надо обратиться к психоаналитику.

— Наверное, ты прав. Но мне всегда казалось, что мы с тобой друзья... И это была моя ошибка. Впрочем, когда у тебя случится тяжёлое время, я сразу же приду тебе на помощь и даже не вспомню о сегодняшнем разговоре. Ты ведь знаешь, как ты мне дорог..

— Напрасно ты даёшь такие обещания. Твой эгоизм не способна растопить даже самая горячая любовь.

Марина зло и неприятно усмехнулась:

— Ты пожалеешь, что так меня обидел в трудную минуту жизни.

— Может быть, — пожал я плечами, — но я давно хотел тебе это сказать.

— Ладно, я ухожу, — Марина поднялась с кресла и направилась к выходу. И тут деликатно тренькнул звонок. Марина бросила на меня насмешливый взгляд:

— Кто-то пришёл шибко вежливый. Не иначе твоя новая пассия. — И взглянув на меня внимательнее, она сказала:

— Влад, что с тобой? Ты побледнел. Это она? Она?

Я не в силах был выговорить ни слова.

— Ты не волнуйся. Открывай. Я зайду в ванную, и когда вы уйдёте в гостиную, потихоньку выйду из квартиры. Я не злопамятная.

Я благодарно кивнул: знал, что это Лиза. Только она могла так звонить. Но почему я испугался? Что тут особенного, что ко мне пришла старая знакомая? И зачем я согласился с предложением Марины? Но было уже поздно что-либо менять. Марина юркнула в ванну, и я поспешно открыл входную дверь.

Да, это была Лиза. Она широко улыбалась в предвкушении моего радостного удивления. Её глаза блестели, длинные тёмные волосы разметались по плечам.

— Вот и я! Ты доволен?

Меня охватил страх: сейчас всему конец. А это гораздо страшнее смерти.

— Входи, — очнулся я, наконец. Я взял её за руку и потащил в гостиную. Она выдернула свою руку и спросила с удивлением:

— Я не вовремя?

— Да что ты такое говоришь?!

Она пристально посмотрела мне в глаза:

— Ты не один?

Её вопрос поразил меня в самое сердце. Глядя в ясные светлые глаза Лизы, я замер, не зная, что сказать. Она резко повернулась и

быстро пошла по коридору к выходу. Я кинулся за ней. Когда она подошла к спальне, дверь в которую была прикрыта, она остановилась, отворила дверь, заглянула внутрь.

— О Боже, — произнесла она, — какая гадость... — и опроретью выбежала из квартиры.

Я бросил взгляд внутрь комнаты и остолбенел: на моей кровати лежала Марина, слегка прикрытая одеялом. На полу на ковре валялась её одежда.

— Вон отсюда, мерзкая дрянь! Что б духу твоего не было! — в бешенстве выкрикнул я и помчался в погоню за Лизой.

Я догнал Лизу уже на улице. Она быстро шла к стоянке такси, низко опустив голову. Уличные фонари освещали её тоненькую фигурку, и мне казалось, что она сейчас исчезнет, что ночь поглотит её навсегда. Я подбежал к ней, схватил её за руку. Она, не оборачиваясь, вырвала руку, открыла заднюю дверцу стоящей на стоянке машины и влезла внутрь. Я последовал за ней. Водитель машины, бросив на нас быстрый взгляд, спокойно спросил:

— Куда везти?

— Домой! — тоненьким голоском крикнула Лиза.

— Нет! Подождите! — крикнул я.

— Ладно, ребята, — водитель был невозмутим, — вы тут определитесь, а мне надо кое-куда сходить, — и вышел из машины, хлопнув за собой дверь.

— Лиза! — я пытался её обнять, но она отбивалась, как пойманная птица.

— Нет! Нет! Никогда! — повторила она, упираясь кулачками в мою грудь.

— Лиза, — не отступал я, — ты должна выслушать меня. — Я ни в чём не виноват перед тобой! Выслушай, прошу тебя...

Наконец мне удалось сломить её сопротивление, и я крепко обнял её, прижимая к своей груди. Она сразу притихла и горько заплакала. Мне казалось, что моё сердце просто разорвётся на части:

— Лиза, любимая, ну, пожалуйста, выслушай меня, — говорил я, целуя её поникшую головку. — Мы с тобой собирались прожить долгую жизнь. И вдруг сломались при первом же испытании. Это судьба послала нам испытание, чтобы мы поняли, не ошиблись ли мы с тобой в нашем решении. То, что ты видела, — это грубый мерзкий шантаж, это злобная месть особы, с которой я случайно познакомился ещё на первом курсе института, немало встречался с ней и расстался три года назад. Так неужели она в силах разрушить всё, что у нас есть?

Лиза, глубоко вздохнула, подняла голову. Её глаза мерцали в темноте. Я не мог видеть выражение её лица, но я знал, как знает незрячий, что она глядела на меня с доверчивой нежностью, она верила мне. Как я был счастлив в эту минуту: мы выдержали испытание.

В этот момент (как кстати!) передняя дверца машины распахнулась, и водитель, о кото-

ром мы совершенно забыли, уселся на своё сиденье.

— Ну, ребята, куда едем? — взглянув на нас, весело спросил он.

— Едем кататься по Москве, — сказал я.

— Да! — воскликнула Лиза. — Едем на Воробьёвы горы. Там так здорово!

— Там сказочно здорово, — подтвердил водитель, — там рай для влюблённых.

СТРАСТИ МОЛОДЫХ

Слух о том, что экзамен по теории государства и права на втором курсе будет принимать профессор Воронов, распространился по юридическому факультету с быстротой молнии. Все наши девочки просто не могли найти места от счастья. Если вы думаете, что профессор был добряк и сыпал пятёрками направо и налево, то вы ошибаетесь. Все прекрасно понимали, что ему сможет сдать экзамен только небольшая горстка отличников. Но зато у студенток появилась возможность предстать перед профессором во всей своей красе, когда он будет смотреть на тебя и только на тебя, когда он будет слушать тебя и только тебя, улыбаться, пусть насмешливо, но только тебе и что-нибудь скажет, неважно что, глядя в твои глаза своими потрясающими глазами.

В профессора Воронова были страстно и безнадежно влюблены все девочки курса, и ни одной из них не удалось привлечь его внимания. А это был шанс.

Мы все, как один, бросились учить его лекции, а в перерывах между зубрёжками метались по магазинам, пытаясь подобрать для себя что-то невообразимое из одежды.

Я же помимо лекций старательно изучала первоисточники (так у нас назывались политические и юридические документы, которые издавались в России в разные исторические

периоды), чтобы поразить его невиданной глубиной своих знаний. Изучая первоисточники, я была поражена, насколько они не соответствовали научным выводам, изложенным в учебнике. И я просто жаждала поделиться с профессором моим открытием.

Экзаменационная сессия началась 8 января. Я лихорадочно сдавала экзамен за экзаменом, чтобы к двадцать четвертому, когда был назначен экзамен по госправу, быть совершенно свободной.

И вот пришёл этот волнующий день. Я проснулась рано утром с ощущением, что сегодня произойдёт что-то необыкновенное. И вместо того чтобы просмотреть наиболее трудные разделы учебника, как я обычно делаю перед экзаменом, я принялась мерить платья и юбки, не зная, чему отдать предпочтение. Сестра-близняшка, которая всегда была в курсе моих проблем, авторитетно изрекла:

— Все нарядятся, как попугаи. Чтобы выделиться, надо одеться максимально скромно. Одень моё платье в мелкую клеточку. Кстати, оно тебе идёт. Ты в нём — ну просто нежная беззащитная сиротка, — смеялась Катя. — Твоего профессора прошибёт слеза. Так что пятёрка обеспечена.

Я так волновалась, что у меня не было сил сопротивляться. Я натянула клетчатое платье, старательно расчесала длинные густые космы, надела сапожки на высоком каблуке.

Выглянувшая из кухни мама с интересом на меня посмотрели:

— Как одежда меняет облик человека, — загадочно произнесла она. И снова скрылась на кухне.

Когда я подходила к девятой аудитории, где по расписанию должен быть экзамен, там уже толпились студенты. Сестра не ошиблась: все девчонки были разодеты, как модели на подиуме. Они уставились на моё клетчатое платье с явным осуждением.

— Скромность, конечно, украшает, если нет других украшений, — хихикнула язва Ритка, сверкнув роскошными серёжками. Шутка всем понравилась, но развить волнующую тему не успели. В это время кто-то выглянул из аудитории и пригласил первую группу желающих. Девчонки нерешительно переглянулись:

— Давай ты, Серёжка. Ты у нас везде первый. — И Сергей решительно шагнул к двери. За ним последовали его друг Петя Крутых и Маша Белова. Остальные замерли в долгом ожидании. Наконец, дверь открылась и из аудитории вышел Петя Крутых.

— Ну, что? — выдохнули мы все одновременно.

— Да ну его, — махнул рукой Петя. — К нему пересдавать не пойду ни за что.

— Что тебе досталось? На какие вопросы не ответил? Он что, сыплет? — волновались ребята.

Вся эта суета и вопли совершенно вывели меня из равновесия. Я незаметно отделилась от группы и спустилась на этаж ниже, где

было пустынно и прохладно. Спокойно походила по коридору, стараясь думать о приятных вещах. И тут в конце коридора появилась эта дылда, Светка Юдина.

— Ирка, где ты ходишь? — гаркнула она. — Твоя очередь! Беги скорее!

— Какая очередь? — не поняла я.

— Ты что, с дуба рухнула? Мы же установили очередность сдачи. Чтобы красивые шли вперемешку с некрасивыми.

— Да ну вас, — отмахнулась я. — Я ещё не настроилась.

— Иди, слышишь! Не вызывай ярость масс!

Едва я подошла к аудитории, как Ритка, любительница продемонстрировать, что она у нас самая главная, открыла дверь и впихнула меня внутрь. Я влетела почти на середину комнаты, как пробка из бутылки, и остолбенело остановилась перед профессором.

— Вы куда так стремительно? — спросил профессор, улыбаясь.

Я растерянно молчала.

— Берите билет.

Я положила перед ним зачётку, вытянула билет и показала профессору.

— Прекрасно! — почему-то резюмировал он. — Садитесь, готовьтесь.

Я села за последний стол, пытаюсь сосредоточиться. Билет оказался счастливым. Все вопросы простые и интересные. Было, где развернуться и показать, что я умею мыслить аналитически. Разобравшись с билетом, я стала незаметно любоваться Борисом Влади-

мировичем. До чего же он был хорош! Интеллигентное волевое лицо, внимательный доброжелательный взгляд, юмор и остроумие — ну просто идеал мужчины! Не случайно неугомонная Ритка Наумова организовала клуб фанатов профессора Воронова. Наблюдая за тем, как он принимает экзамены, я заметила, что к студентам он не придирается, ему интересна их точка зрения. Однако зубрили его раздражают, это заметно по выражению его глаз, по саркастической улыбке.

Я не успела оглянуться, как подошла моя очередь.

— Ну-с, — посмотрел он на меня, — прошу вас...

Я вскочила и почти подбежала к столу, присев на кончик стула. Волнение накрыло меня мощной волной. Я глубоко вдохнула, устремив взгляд в его глаза. Борис Владимирович улыбнулся улыбкой доброго волшебника:

— Так... Что у вас там? — взглянув в мой билет, мягко вымолвил он. — Слушаю вас.

Как только я начала говорить, волнение, как это у меня бывает всегда, отступило. Отвечала легко и свободно, он слушал с интересом. В его глазах я читала поощрение. Это воодушевляло меня всё больше и больше, голос звучал уверенно, слова складывались в нестандартные фразы. Было видно, что ему нравились и даже удивляли мои ответы. Это был мой триумф. Когда я закончила, он спросил:

— А как вы можете охарактеризовать современную Россию?

— Я считаю, что идеология современной России, впрочем, не только её, но и других так называемых цивилизованных стран, именуемая неолиберализмом, по сути очень близка криминальной идеологии. Вернее, на мой взгляд, она адекватна криминальной идеологии.

Глаза профессора округлились, и он спросил:

— Как прикажете вас понимать? Согласитесь, что это довольно радикальное суждение.

— Это не голословное утверждение, — твёрдо заявила я. Оно вытекает, во-первых, из современной культуры, воспевающей преступление и преступников, взявшей на вооружение нецензурную лексику и криминальный язык; во-вторых, — из современного национального законодательства и действующих норм международного права (и там, и там защищается только право сильного и допускается свободное толкование закона в интересах доминирующих групп); а также из судебной практики, гуманной к опасному преступнику и чрезвычайно жёсткой к потерпевшему, и, наконец, из навязываемого телевидением криминального образа мышления и криминальной модели поведения.

— Выводы суровы, — усмехнулся профессор. — Неужели всё так плохо? И никакого позитива не видите?

— Вижу! — с готовностью проговорила я. — Самый замечательный позитив — это люди.

Наше поколение обязательно преодолет страсть к стяжательству и потребительству. И тогда само собой рассыплется и криминальная идеология. Ведь она держится только на культе наживы.

Профессор смотрел на меня смеющимися глазами:

— Ну давайте мне свою зачётку, госпожа философ. Хотя я во многом с вами не согласен, но пятёрку вы заслужили.

Сияющая выскочила я из аудитории, и вдруг меня пронзила острая боль в правом боку. Я охнула и, схватившись за живот, села на пол.

— Ирка, что с тобой? — ко мне со всех сторон кинулись наши студенты. — Не сдала? Что случилось?!

— Мне плохо, — едва выговорила я.

— Ирке плохо! — закричали со всех сторон.

— Борис Владимирович, Соболевой плохо!

Сквозь пелену, заставшую глаза, я увидела, что ко мне наклонился профессор Воронов и тревожно спросил:

— Ирина, что случилось?

— Не знаю... Больно... — простонала я.

Он поднял меня с пола и понёс куда-то по коридору. Студенты толпились рядом. — Открой дверь, — отрывисто командовал он, остановившись у какой-то комнаты. — Звоните в скорую. — Он осторожно уложил меня на диван. Его рука нащупывала мой пульс. — Найдите мне телефон родителей Соболевой.

Скорая приехала быстро. Осмотрев меня, врач уверенно заявила:

— Отвезём в институт Склифосовского. У девушки острый приступ аппендицита.

Даже пребывание в больнице и пережитая операция не могли выбить из меня сладкое воспоминание о том, как профессор Воронов нёс меня на руках в кабинет секретаря. Мне казалось, что это самый необыкновенный, самый счастливый день в моей жизни. Сестре Кате я рассказала об этом ещё в больнице. Но пессимистка Катька тут же нашла повод охладить мои мечты.

— Напрасно ты так радуешься, — сказала она. — Вот увидишь, твои девчонки из зависти объявят тебе бойкот.

И была права. Когда через две недели я появилась на факультете, никто из девчонок не выразил радости. А Ритка со мной даже не поздоровалась.

— Ты что, не узнаёшь меня? — ехидно спросила я. — Так у меня была не пластическая операция.

— Ты нарочно всё это разыграла, — фыркнула Ритка, тряхнув рыжими волосами.

— Прекрати, Ритка, что ты в самом деле! Мы же все равноправные фанатки. Нечего завидовать. Может, завтра тебе ещё больше повезёт.

Зелёные глаза Ритки смягчились:

— Ой, какой же он клёвый мужик! — Она прижала кулачки к груди и крепко зажмурила глаза.

— Выходит, тебе повезло больше, чем мне. А я ничего не видела и ничего не чувствовала, — утешила я подругу.

Тут подбежали и другие девчонки, и мир был восстановлен.

На каникулы мама отправила нас с Катей в студенческий лагерь в Словению. Сама она тоже взяла отпуск и впервые одна на десять дней уехала в Сочи кататься на горных лыжах. «Отдохнуть от вас и от кухни», — заявила она нам.

Нашей маме, когда она осталась вдовой, не было и тридцати. Она была красивой, энергичной, но после трагической гибели отца замуж выйти не захотела. Впрочем, до этого ли ей было, когда на шее остались двое близнецов-подростков. Теперь, когда нам исполнилось 18 лет и мы уже были студентками, мама решила освободиться от нас хотя бы на две недели.

Возвращаясь из лагеря, мы с Катей только и говорили, что о маме. Соскучились ужасно и, может быть, впервые так остро ощутили, как к ней привязаны. Поэтому, когда она открыла нам дверь в квартиру, мы, как сумасшедшие, кинулись к ней, едва не сбив её с ног, все трое крепко сжимали друг друга в объятиях, смеялись и непрерывно целовались, как будто не виделись целый год.

А потом, когда сидели за столом, поедая с аппетитом мамину стряпню, мы смотрели на

неё и не могли насмотреться. Молодая, загорелая, счастливая. Её глаза сияли, она смотрела на нас с радостной и ясной улыбкой. Мама была такая же, как всегда, и... не такая. Что-то в ней изменилось. Появилась какая-то загадка. Иногда во время нашего шумного разговора она замолкала и задумывалась, глядя в пустоту. И мы с Катей недоумённо переглядывались, потому что это нас как будто обижало. Ведь мы считали, что имеем на маму все права, и прежде всего — право на её душу.

— Мам, ты что, влюбилась? — вдруг спросила Катька.

Мама растерянно перевела взгляд из пустоты на нас и покраснела. Каткина прямолинейность и мамино смущение покорили меня.

— Ладно тебе, Катька. Скажешь тоже! — рассердилась я. Катя поняла меня с полуслова. И мы заговорили о красоте и опасности горнолыжного спорта.

Как быстро закончились каникулы! И вот мы с Катей уже торопимся в наш университет — я на юрфак, она — на физфак. А мама на работу — в свой «Экспоцентр».

Едва я переступила порог аудитории, ко мне кинулись девчонки.

— Ирка, случилось ужасное, — заголосили они все одновременно.

— Что?!

— Борис Владимирович влюбился и собирается жениться!

— Глупость, — уверенно изрекла я. — Это всё сплетни.

— Да нет же!

— Ну, кто это может знать, влюбился он, не влюбился.

— Источник стопроцентный!

— Кто же?

— Лариска!

— Откуда Лариска может знать? Подумаешь, живёт с ним в одном доме. Что он объявление на доме повесил?

— Да, слушай ты, не перебивай! Лариска случайно познакомилась с его домработницей. И та ей рассказала, что у Бориса Владимировича лет десять назад в авиакатастрофе погибла жена, которую он очень любил. А недавно в какой-то больнице он познакомился с женщиной, у которой муж летел этим же самолётом. Представляешь, какое совпадение! И он жутко влюбился в эту женщину и сделал ей предложение.

— Офигенно! — выкрикнул кто-то из девчонок.

Но мне это не показалось правдоподобным.

— Не знаю, что-то уж очень похоже на литературный жанр. Не верится в такие совпадения. В жизни так не бывает — заключила я. И многие девчонки со мной согласились.

Когда, наконец, в аудитории появилась вечно опаздывающая Лариска, она нам не только подтвердила всё сказанное, но и выдала новую сенсацию: из окна своей ком-

наты она несколько раз наблюдала, как эта женщина в среду в одно и то же время (наверное, сразу после работы) приезжала к нему на своём «фольксвагене». И уезжала часа через два-три.

— Он всегда её провожает до машины. И они потом ещё долго целуются, — взволнованно тараторила она. — А вчера я лицом к лицу столкнулась с этой женщиной во дворе дома.

Рассказ Лариски нас просто потряс.

— Как она выглядит? — верещали мы.

— Как-как! Красивая. Даже очень. Но уже немолодая. Лет под сорок.

— Ну, для Бориса Владимировича она вполне молодая, — попытался кто-то вякнуть.

Мы все накинулись на непрошеную заступницу. Нам было непонятно, зачем ему нужна эта старуха, когда любая восемнадцатилетняя посчитала бы за счастье быть его женой.

— Как от неё избавиться? — задумчиво произнесла Светка Юдина.

— Девчонки, — таинственно понизив голос, прошептала Ритка, — у меня есть план, как устранить её с нашего пути. Только дайте слово, что никому не проболтаетесь.

И мы, как участники заговора, поклялись хранить в тайне наш план даже от самых близких людей.

Мы подъехали к дому профессора Воронова на двух машинах. Десять человек. Все — члены клуба его фанатов. Остановились на стоянке недалеко от подъезда Бориса Вла-

димировича. Было уже темно, и стоянку освещали два тусклых фонаря. Кругом — тихо и пустынно. Девчонки выгрузились из машин и столпились вокруг рыжей Ритки. Настал её звёздный час. Она строго и деловито давала последние наставления:

— Вы все смотрели фильм америкосов «Малолетние преступники». Действуем по сценарию фильма: как только она выйдет из машины, берём её в кольцо и начинаем унижать и задира́ть. Поставим её на колени и потребуем, чтобы она поклялась, что забудет навсегда к нему дорогу.

— А если она не испугается?

— Испугается, — твёрдо ответила Ритка. — Помните, как в кино...

— Да при чём здесь кино? В кино всё возможно!

— А при том. Сцены насилия америкосы не придумывают абы как. Их всегда консультируют психологи. Психологи дают совет, как надо действовать, чтобы испугать любого человека. Кроме того, я прихватила с собой вот это... — И Ритка достала из сумочки нож, похожий на финку. Вид ножа ошеломил всех.

— Ритка, — сказала я, с трудом подавляя дрожь в теле. — Я не могу... Я не пойду с вами.

— Вот слабак! Вот трусиха! Зря мы тебя приняли в свою команду, — она презрительно сплюнула. — Ну ладно. Ты останешься здесь. Всё равно кто-то нужен на стрёме. Но учти, если проболтаешься кому-нибудь, берегись. — И она переложила нож из одной руки в другую.

Все заворожённо смотрели на нас.

— Остальные действуют, как договорились, — скомандовала Ритка.

В этот момент к стоянке на свободное место (машины через три от нас) подъехал тёмный «фольксваген».

— Это она! — прошептала Лариска.

— Девочки, за мной! — И девчонки толпой направились к машине.

Я стояла, прислонившись к дверце. Меня бил противный озноб. Я слышала, как щёлкнула дверца «фольксвагена», мелькнула меховая шапочка нашей соперницы, и девчонки тотчас окружили её плотным кольцом. Сначала я ничего не слышала. Видела только движущиеся, как в медленном экзотическом танце, напряжённые спины моих подруг. И вдруг до меня донёсся голос Ритки:

— На колени, сука! На колени! Иначе получишь по полной!

Но женщина, видимо, была не из робких. Она не встала на колени, а только крикнула маминым голосом:

— Девочки! Остановитесь! Так нельзя!

Я, как безумная, сорвалась с места и кинулась к толпе. Отшвырнув Ритку, которая, размахивая ножом, толкала женщину в грудь, с ужасом увидела, что это была... моя мама! От Риткиного толчка она упала, глухо стукнувшись головой о землю. И замерла, глядя своими светлыми глазами в небо. Не помня себя, я выхватила у Ритки нож, схватила её за руку и полоснула лезвием по её ладони.

— Ты никогда не забудешь этот день, гадина! — выкрикнула я срывающимся голосом. Совершенно теряя голову, упала перед мамой на колени, покрывая поцелуями её лицо:

— Мама, мамочка, — рыдала я, — только не умирай.

Мама медленно перевела взгляд на меня и что-то сказала едва слышно. Я попыталась её поднять, но не смогла. И в этот момент кто-то большой и сильный поднял маму с земли, прижимая её к себе:

— Ничего, ничего, любимая, всё хорошо... — говорил он. — Где больно? Ты можешь стоять?

— И он осторожно поставил маму на ноги, крепко обнимая её за плечи.

Это был профессор Воронов.

— Не беспокойся, кажется, всё в порядке, — тихо отвечала мама.

Борис Владимирович повернулся к девочкам и молча посмотрел на них. Они замерли, поражённые случившимся. Сбившись, как овцы, в тесную кучку, они смотрели на нас в неподвижном оцепенении. Ритка зажимала рану здоровой рукой, и сквозь её пальцы кровь капала на снег. Увидев кровь на руке Ритки, Борис Владимирович подошёл к ней, осмотрел ладонь и перевязал ей руку своим носовым платком.

— Рана неглубокая, — сказал он, — дома смажешь иодом и сделаешь тугую повязку.

Потом он снова подошёл к нам, обнял маму за плечи правой рукой, тесно прижимая её к себе, левой взял меня, точно ребёнка, за руку

и повёл к подъезду. Я оглянулась, и как в стоп-кадре во мне навсегда запечатлелась эта картина: девочки, застывшие, как изваяния, и Ритка, благоговейно прижимающая к губам руку, завёрнутую в носовой платок своего кумира.

СПЕЦИАЛИСТ ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ

Эта проблема была, пожалуй, самая сложная в практике Дарьи Игоревны. Но она всегда знала: нерешаемых проблем не бывает, есть только ещё не решённые.

Итак, Дарье предстояло «неожиданно» встретиться с депутатом Госдумы Львом Николаевичем Кропотковым и договориться о сотрудничестве. Только и всего.

Встретиться — труда не представляло. В нынешнее время все, а руководство — в первую очередь, придумывали для себя разные фиктивные дела: всякие там переговоры, совещания, заседания. Совершенно очевидно, что все эти «мероприятия» не имеют прямого отношения к делу, но без них жизнь была бы слишком напряжённой, слишком жёсткой, лишённой аромата собственной значимости, возможности общения с сильными мира сего. И Дарья организовала так, чтобы её фиктивные дела пересеклись с фиктивными делами Льва Николаевича.

Совещание руководителей по поводу массового нарушения законодательства, поименованного «правовым нигилизмом», было назначено на утро четверга. Дарья Игоревна сумела получить приглашение на это совещание.

Она специально пришла пораньше, чтобы занять место поближе к трибуне. Эти места предназначались для важных персон и были отгорожены натянутой лентой. Но это не смутило Дарью Игоревну. Она спокойно убрала ленту и заняла место в центре первого ряда. Не успела она устроиться поудобнее, как к ней кинулись двое в штатском.

— Просим вас не занимать эти места, — вежливо, но твёрдо сказал один из них.

— Я приглашена на это совещание и вправе занять любое место, — ответила Дарья.

— Только не здесь, — сказал второй.

— Это моё дело, где сидеть. Места не нумерованы. И вообще, кто вы такие, чтобы указывать мне моё место.

И тут Дарья Игоревна увидела, что к ним приближается Лев Николаевич. Это был подарок судьбы! Она вскочила, чтобы привлечь его внимание, и громко сказала ему:

— Не садитесь здесь, Лев Николаевич. Эти ряды для избранных. И вас эти молодые люди начнут унижать так же, как и меня, сгоняя с занятого места.

Двое в штатском заметно смутились:

— Пожалуйста, пожалуйста, — забормотал один из них. — Мы просто хотели, чтобы было удобно...

И они поспешно ретировались. Дарья Игоревна и Лев Николаевич обменялись понимающими улыбками.

— Мы с вами знакомы? — спросил он, садясь рядом с ней.

Дарья представилась.

— Неужели есть такая фирма, которая решает любые личные проблемы? — удивился Лев Николаевич.

— Да, — ответила Дарья, лучезарно улыбаясь. — Наша фирма способна разрешить всякую жизненную проблему. Вот моя визитка, — продолжала она, — вдруг когда-нибудь пригодится.

Он небрежно сунул визитку в карман:

— Раз — всякую, то наверняка пригодится.

Он откровенно её разглядывал. И она видела, что заинтересовала его. Так что начало можно считать удачным.

Между тем, зал заполнялся участниками совещания. Публика была одета элегантно и дорого. Мужчины имели явное численное преимущество. Молодая женщина, похожая на модель с подиума, подошла к Льву Николаевичу и пригласила его в президиум. Он поднялся со своего места и мило улыбнулся Дарье:

— Очень жаль, но придётся расстаться. Рад был познакомиться.

— Я тоже очень рада и надеюсь, что ещё увидимся.

Она видела, как он, шагая через две ступеньки, легко взбежал на сцену, где разместились ВИПы, поздоровался со всеми за руку и уселся напротив Дарьи. Их разделяли какие-нибудь десять метров. И теперь, пока он разговаривал с соседом с правой стороны и с соседкой с левой, она могла за ним спокой-

но наблюдать и делать выводы: ему лет сорок пять, не более, лицо гладкое, загорелое, твёрдое. Волосы светло-русые, стрижка модная. Глаза карие, внимательные. Весь облик дружелюбный, не лишённый мужского обаяния. Дарья сразу сделала вывод: он умён, уверен в себе, любит женщин. Всё это радовало и сулило успех: Дарья умела общаться с подобными мужчинами.

Совещание началось с нудного, никому не нужного доклада прокурора города о положении дел с городской преступностью. Статистика была всем известна и без доклада, а выводы были штампованной привычной демагогией. Но все терпеливо слушали, думая о своём.

Дарья, стараясь придать лицу заинтересованное внимание, не смотрела на Льва Николаевича. Но вдруг её глаза непослушно столкнулись с его взглядом, и потом она уже была не в силах с ними справиться. Их глаза смотрели друг на друга, весело улыбались, посылая друг другу таинственные сигналы. Впрочем, пока ошибки она не допустила.

Ораторы бодро сменяли одного другого. Всё шло, как по маслу. Выступающие бесстрашно клеймили коррупцию, призывали строго соблюдать закон и сетовали на то, что, к сожалению, это у нас наследственное. Россия всегда была знаменита своим нигилистическим отношением к закону, и поборы были, есть и будут всегда.

Дарья, внутренне позёвывала, слушая эти речи. Какое бездарное пустозвонство. Для

кого и зачем всё это говорится? Фиктивные дела можно было бы организовать и поумнее. Да кто этим будет заниматься. Никому ничего не нужно. «Ладно, — думала Дарья, — я их сейчас разбужу».

Дарья заранее, и не без труда, договори-лась с устроителями совещания о выступлении. Она объяснила своё желание выступить тем, что считает это прекрасной рекламой своей фирмы. И теперь ждала, когда председательствующим будет названа её фамилия.

Когда, наконец, объявили о её выступлении, она увидела, что Лев Николаевич уставился на неё с нескрываемой насмешкой. Его насмешка раззадорила её, настроила на бойцовский лад. Позволила справиться с волнением. Она легко и свободно поднялась на трибуну и сразу же выбрала наступательный тон. Её красивый низкий голос, многократно усиленный микрофоном, мгновенно завладел аудиторией.

— Почему бы нам, анализируя положение дел с соблюдением законности в России, не прекратить ссылки на её далёкое прошлое, — твёрдо звучал её голос. — Эти ссылки ничего не объясняют, а только оправдывают коррупцию и беззаконие. Но эти преступления не нуждаются в оправдании, им и без этого хорошо и вольготно живётся.

Я хотела бы перейти к конкретным причинам распространения беззакония в стране. И прежде всего к работе судов...

В зале повисла мёртвая тишина. Дарья видела, что обращённые к ней лица сначала выражали недоумение, но чем дальше она говорила, тем явственнее проступало возмущение, а затем и ярость.

— Господин председательствующий! — крикнул коротко остриженный полный господин из первого ряда. — Я прошу вас не превращать наше совещание в митинг. Здесь собрались профессионалы, и слушать мнение разных дилетантов сейчас не время и не место. И вообще давно пора объявить перерыв.

— Да. Мы работаем почти два часа. Перерыв! — выкрикнула дама, сидящая во втором ряду.

Все вскочили со своих мест и поспешили в буфет. На Дарью Игоревну никто даже не взглянул.

Дарья вернулась на своё место, но едва она села в кресло, к ней подошли двое в штатском и попросили немедленно покинуть совещание. Дарья не стала спорить. Всё, что она хотела получить от этого совещания, она получила. Теперь нужно было терпеливо ждать. Ждать звонка Льва Николаевича. Может, это была идиотская затея, но Дарья верила в успех.

И Лев Николаевич позвонил! Он позвонил через два дня после совещания. Дарья только что вернулась с обеда и с секретаршей Верочкой разбирала почту. Когда зазвонил телефон и Верочка протянула ей трубку, Дарья

поняла, что победила. Она жестом приказала секретарше выйти.

— Слушаю, — сказала Дарья, изо всех сил скрывая ликование.

— Здравствуйте Дарья Игоревна. Это Лев Николаевич. Не ожидали?

— Нет, не ожидала. Неужели у вас возникла проблема, требующая нашей помощи?

— К сожалению, проблема возникла у вас. В общем, давайте встретимся сегодня на нейтральной территории. Приезжайте к семи часам в ресторан «Золотая долина». Я заказал там для нас столик.

— Хорошо, — коротко ответила Дарья и положила трубку в гнездо аппарата.

Она встала и подошла к открытому окну. Вот наступил тот момент, который решит всё. Сумеет ли она найти общий язык с Кропотковым? Найдёт ли нужные слова?

Что ж, если не получится, это ещё не конец. Просто тогда нужно будет всё начинать сначала.

К ресторану она подъехала ровно в семь. Метрдотель каким-то непостижимым образом сразу выделил её из всех, тепло приветствовал и проводил в глубь зала к столику, за которым уже сидел Лев Николаевич. Приблизаясь к столику, она ощущала его нетерпение и сама была захвачена ожиданием чего-то несбыточного. Он встретил её стоя, усадил в кресло, сразу заговорил, по-видимому, привычным для него языком — уклончивым и полусмешливым:

— Я, откровенно говоря, не был уверен, что вы придёте.

— Почему, мы же договорились...

— Вы, женщины, относитесь к своим обещаниям без излишнего педантизма.

— Но у нас деловое свидание.

— Да? — Он вдруг сделался серьёзным. — Скажите мне, только откровенно, зачем вы устроили на совещании эту обструкцию?

— Я просто отнеслась к мероприятию серьёзно. Мне хотелось поделиться своими мыслями о том, как можно исправить ситуацию.

— Вы знаете, как это сделать? — его глаза насмешливо сощурились.

— Да. Я знаю, — сказала она твёрдо.

— Так поделитесь со мной своим открытием.

— Если вы будете со мной разговаривать в шуточных тонах, то нет смысла развивать серьёзную тему. Сначала мы должны настроиться на одну волну.

— Каким образом?

— Очень просто. Нам нужно поесть, я ещё не ужинала, выпить, потанцевать и только потом, если мы почувствуем доверие друг к другу и симпатию, мы продолжим эту тему.

В предчувствии схватки они заказали крепкие напитки. Но схватка была ими отложена. Глядя в светлые прозрачные глаза Дарьи, Лев Николаевич вдруг ощутил желание взять её за руку, приблизиться к ней. Он встал и пригласил её танцевать. Когда они вернулись к

столику, это были совсем другие люди: глаза блестели, улыбка не сходила с лица. Точно влюблённая пара, они неотрывно глядели друг на друга, смеялись и болтали без умолку о каких-то пустяках. Потом Лев Николаевич весело сказал:

— Поедьте ко мне. У меня есть прекрасный коньяк.

Последовавшая пауза и удивлённый взгляд Дарьи его ничуть не смутили.

— И поговорим, — напомнил он о цели их встречи.

Дарья неожиданно легко согласилась.

— Хорошо. Поедем.

Квартира Льва Николаевича была просторной, но не поражала роскошью. И это только подтвердило её позитивное мнение о нём. Дарья заметила, что он живёт один. Ничто не указывало на присутствие женщины. Лев Николаевич вёл себя, как гостеприимный хозяин. Он показал ей квартиру, в том числе ванну и туалет, а сам отправился на кухню приготовить что-нибудь к столу. Дарья зашла в ванну, поправила причёску, подкрасила губы. Когда она вошла в гостиную, на столике уже красовались бутылки, закуски и фрукты.

— Ого! — Она взяла в руки одну из бутылок. — Эдак, мы с вами изрядно напьёмся.

— Это будет забавно, — засмеялся он. — Будем решать проблемы по-нашему, по-русски.

— Но всё-таки, прежде, чем мы напьёмся, давайте поговорим. Мы ведь встретились, чтобы поговорить, не так ли?

— Да. Поговорить необходимо. — Его лицо сделалось серьёзным.

Они уселись напротив друг друга, и Лев Николаевич спросил:

— Вы всегда берётесь за столь двусмысленные дела? Разве вы не понимаете, что вы играете с огнём?

— Вы изучили моё досье?

— Разумеется.

— Но если так, то вы наверняка заметили, что я ни разу не допустила ошибки.

— Вы её допустили вчера. Ваша фирма будет ликвидирована.

— Для этого нет правовых оснований.

Он скривил рот в коротком смешке:

— Вы не производите впечатления наивной дурочки.

— Те, кто думает, что со мной можно справиться незаконными средствами, ошибаются: я прекрасный юрист и отчаянная сутяга. Со мной лучше не связываться. Затаскаю по судам. В моём досье вы можете увидеть, что моя фирма без особого напряжения добилась многомиллионного возмещения ущерба американской страховой компанией нашей гражданке, пострадавшей от гражданина Америки. Мы добились увеличения в десять раз суммы выплат ущерба авиационными компаниями при авариях на авиационном транспорте. Благодаря моей фирме был максимально упрощён порядок уплаты налогов. И многое другое, жизненно важное для обычных граждан России.

Лев Николаевич смотрел на неё с неподдельным интересом:

— Вы хотите сказать, что ваша фирма, добиваясь решения проблемы отдельного клиента, по существу создаёт прецедент для всех? И таким образом выдавливает коррупцию и вырабатывает у власти привычку соотносить свои действия с интересами населения.

— Да, именно для этого моя фирма и создана. Я считаю, что то, что вы называете «правовым нигилизмом», легко можно победить, добиваясь правосудных решений по конкретным делам и затем активно их пропагандируя в средствах массовой информации. Да и власти, однажды принявшие решение в интересах населения, поймут, что это выгодно и верхнему слою иерархии. В общем, я — сторонница «теории малых дел».

— Так. — Лев Николаевич задумчиво потёр подбородок. — А зачем вам понадобился я? Ведь вы искали встречи со мной. Зачем?

— Да, вы мне нужны. Я предлагаю вам сделать что-то значительное для народа России.

Ему хотелось расхохотаться. Потому что о «народе России» в их среде если и говорили, то только в официальной обстановке. И слышать эти слова на интимном свидании от красивой женщины было весьма комично. Но взгляд её прозрачных светлых глаз, неподвижно нацеленный на него, не позволил ему всё обратить в шутку.

— Что ж, я слушаю вас, Дарья Игоревна. Что я должен сделать для народа России.

— Я хотела бы, чтобы вы организовали запрос членов Госдумы в Конституционный суд о соответствии некоторых статей Жилищного кодекса нашей Конституции.

Лев Николаевич недоумённо уставился на Дарью Игоревну:

— Каких статей и почему?

— Я сейчас занимаюсь делом клиентки, которую выселили без предоставления другого жилого помещения. Все судебные инстанции оставили это решение без изменения. Но я убеждена, что закон, на основе которого вынесено решение, противоречит Конституции.

— В чём же это противоречие?

— Конституция установила право граждан на жилище, не так ли? Но при этом в стране не сделано ничего, чтобы это право можно было реализовать — нет жилого фонда, где лица, выселенные из квартир, могли бы арендовать по доступной цене другую жилую площадь. Выселение на улицу в северной стране, где зимние температуры опускаются ниже 20—30 и нет никакой возможности найти другое жильё, незаконно, так как подвергает людей смертельной опасности. Это нарушает право человека на жизнь, что противоречит не только Конституции, но и Международной конвенции по правам человека. С помощью Конституционного суда мы добьёмся отмены бесчеловечного закона.

Лев Николаевич, как зачарованный, молча смотрел на Дарью Игоревну. Потом спросил:

— Но почему вы выбрали меня? Неужели я произвожу впечатление наивного романтика, слепо верящего, что добро всегда побеждает зло?

Дарья пожала плечами:

— Просто вы мне показались умным и порядочным человеком.

— Всё не так просто, — пробормотал он с такой озабоченностью, которую только мог на себя напустить. — Организовать пятую часть членов Госдумы. Как вы это себе представляете?

И она поняла, что ошиблась в нём. Некоторое время она смотрела в тёмное окно, как будто могла найти там ответ на свои вопросы, и когда повернулась к нему, он увидел в её глазах брезгливое пренебрежение. Лев Николаевич внутренне содрогнулся от её фанатизма

— Ну, что ж, мне, пожалуй, пора. Я и так у вас засиделась. Спасибо за гостеприимство. — Она быстро встала с кресла. Он её не задерживал.

— Мне жаль, что я вас разочаровал.

— Мне тоже, — голос звучал холодно.

— Я провожу вас.

— Нет, спасибо. До свидания.

Она схватила сумочку и, не оборачиваясь, быстро направилась к выходу.

Когда дверь за Дарьей Игоревной захлопнулась, он прислонился к двери спиной и закрыл глаза. Сердце пронзило неосознанное щемящее чувство стыда. «Что же со мной

произошло? — думал он. — Неужели я истребил в себе всё, что отличает человека от животного?»

Он сел за заставленный бутылками столик и налил коньяк в большой фужер.

* * *

Прошло несколько месяцев. И вдруг в Совете Федерации громко заговорили о неконституционности некоторых статей Жилищного кодекса. Особенно активны были сенаторы М.И. Трофимова и Г.А. Гудкова. Их аргументы напомнили ему о его разговоре с Дарьей Игоревной. И он понял, что неутомимая Дарья, не без успеха продолжая свою работу, нашла таки единомышленников в высоких сферах.

Это открытие сняло камень с его души. Он был счастлив, что его отказ сотрудничать не стал преградой для её грандиозного проекта.

«Ах, Россия, — философствовал Лев Николаевич, — ты уже давно не надеешься на своих мужчин. Ты сделала ставку на женщин. И ты права. Тебя спасёт женщина».

Запрос Совета Федерации должен быть рассмотрен Конституционным судом на следующей неделе.

РОЖДЕНИЕ ШЕДЕВРА

С того дня, как я узнала тайну картины «Рождение нового мира», признанной всеми несомненным шедевром не только нашего времени, но и времён расцвета абстрактной живописи, мы с художником Н. встретились только один раз случайно в павильоне выставочного комплекса «Красная Пресня». Я торопилась на переговоры с немецкой фирмой, и буквально столкнулась с ним недалеко от переговорной комнаты. Мне хотелось провалиться сквозь землю, но он ничуть не смутился, улыбнулся, в глазах зажёгся радостный огонёк:

— Оля, вы? — он нежно взял меня за руку, долго не отпускал. Я не посмела противиться его ласке, смотрела молча в его глаза, и на сердце вдруг сделалось спокойно и пусто.

— Извините, Игорь Дмитриевич, — наконец, выговорила я, — очень тороплюсь на переговоры. Рада была вас повидать.

— Я тоже очень рад. Тем более что больше мы вряд ли увидимся. Впрочем, как знать. Вы же знаете, я фаталист.

— Увидимся непременно, — уже на ходу бросила я. — Желаю вам творческих успехов.

Он криво усмехнулся. Я пожалела, что сказала ему это.

Мы познакомились с ним давно, лет 6—7 тому назад, и знакомство это было не совсем обычное.

Я шла по галерее актуального изобразительного искусства, где были представлены постмодернистские поделки, пробираясь через довольно плотную толпу. Не думайте, что все эти люди пришли насладиться современными шедеврами. Просто галерея выстроена так, что все, кто идёт на международную выставку, волей-неволей проходят мимо, и таким способом организаторы галереи приобщают народ к современной культуре. В своём большинстве люди, спешащие на международную выставку, не обращают внимания на всякие треугольники и точки с запятыми, заключённые в дорогие рамы (повторение примитива приедается быстро, несмотря на гигантские ухищрения рекламы), но некоторые всё-таки останавливаются, с любопытством пялясь на выставленную дребедень. Проходя мимо картины «Невидимая живопись» знаменитого художника-концептуалиста Н., наделавшей в своё время много шума, поскольку никакой живописи там не было, а было просто белое полотно, заключённое в раму, я вдруг увидела, как мужчина, шедший передо мною в толпе, выхватил из кармана нечто, похожее на пистолет, подбежал к картине и несколько раз выстрелил в неё. Люди, находящиеся поблизости от места происшествия, на какое-то время остолбенели от неожиданности, а в следующее мгновение бросились бежать

прочь. И только один мужчина не растерялся и выхватил у преступника его оружие. Я стояла, заворожённо глядя на происходящее, ожидая продолжения схватки, но преступник и не думал сопротивляться. Он отскочил от мужчины, отобравшего пистолет, и исчез в толпе. И в это мгновение несколько охранников, появившихся неизвестно откуда, кинулись заламывать руки герою, обезвредившему преступника.

— Что вы делаете? — закричала я, колотя охранников своей сумочкой. — Этот человек спас нас всех от вооружённого психа, а вы вместо благодарности налетели на него, как мерзкое вороньё.

— Разберёмся, — огрызнулся один из них. — И они потащили мужчину в конец галереи.

Меня поразило, что бедняга даже не думал сопротивляться. Я семенила рядом с ним, не давая охранникам оттеснить его от меня. Он поглядывал на меня, как на старую знакомую, и заговорщицки улыбался.

— Я свидетель произошедшего и пойду с вами, — говорила я охранникам.

— Без вас разберёмся.

— Как бы не так. Вижу, какие вы спецы. Где вы были, интересно, когда преступник палил из пистолета? — не унималась я.

— Не мешайте, гражданка, — отмахивались охранники.

— Не старайтесь, от меня вы не избавитесь!

— Чёрт с ней, с этой фифочкой. Видно, ей делать нечего.

— Да она соучастница! — крикнул один из них. — Как я только раньше не догадался.

На какую-то долю секунды я остановилась, открыв от возмущения рот, но, увидев смеющиеся глаза арестованного, расхохоталась:

— Уж если кто и соучастники преступления, так это вы.

— Заткнись! — не выдержал один из охранников.

Мы вошли в просторный холл, отделанный полированными панелями. В углу стоял большой письменный стол с двумя стульями для посетителей. У стены — диван, обтянутый коричневой кожей. Справа и слева стеклянные двери вели вглубь помещения.

Как только мы вошли в холл, правая дверь распахнулась, и оттуда выпорхнула элегантно одетая дама в сопровождении работника милиции.

— Римма Григорьевна, мы задержали преступника, — вытянувшись по-военному доложил один из охранников.

— Это ложь! — пыталась я вставить слово.

Дама взволнованно запричитала низким хорошо поставленным голосом:

— Вот он, голубчик! Попался! Допросите его с пристрастием, кто ему заказал эту преступную акцию? А это кто? — дама метнула взгляд в мою сторону.

— Говорит, что свидетельница.

Дама сразу потеряла ко мне интерес.

Между тем, сам виновник переполоха за всё это время не произнес ни слова. Его глаза

смеялись, перебегая от одного действующего лица к другому.

— Почему вы молчите? — не выдержала я, обращаясь к моему новому знакомому. — Они поливают вас, своего благодетеля, грязью, а вы, как в рот воды набрали!

— Это всё так забавно, — весело откликнулся он, не обращая внимания на суматоху. — Вот увидите, сейчас придут телевизионщики.

— Почему вы так думаете?

— Сценарий всегда один и тот же.

И действительно, дверь широко распахнулась, и в холл влетели запыхавшиеся журналисты:

— Извините, Римма Григорьевна, немного задержались.

— Ничего. Вы как раз вовремя. Вот преступник! — она картинно выставила руку, указывая на задержанного. — Он расстрелял из пистолета всемирно известный шедевр художника Н.

Журналист с оператором кинулись к странному мужчине. И вдруг остановились, буквально вытаращив глаза.

— Игорь Дмитриевич! Вы?! Что всё это значит?! — вскричали они в два голоса.

Игорь Дмитриевич весело приветствовал телевизионщиков.

— Простите, ребята, что испортил вам чудесный кадр. Но эти нервные люди ничего не хотят слушать.

«Нервные люди» с недоумением уставились на Игоря Дмитриевича.

— Простите, с кем имею честь..? — запнулась Римма Григорьевна.

— Как?! — смеялись телевизионщики, — вы не знаете Игоря Дмитриевича? Так это же художник Н., автор картины «Невидимая живопись».

— Быть не может! — Но смутить Римму Григорьевну было не просто. — Ах да, теперь узнаю. Вы тогда были с бородой... И как будто значительно старше...

Но художник слушать её не стал.

— Мне пора, друзья, я и так задержался. И он, взяв меня под руку, стремительно вышел их холла.

Не успела я осознать, что произошло, как мы бодро зашагали в противоположную от Выставочного комплекса сторону.

Я остановилась, растерянно глядя на моего нового знакомого:

— Простите, куда мы идём? Мне нужно в другую сторону.

— Мы идём в кафе «Улитка», — твёрдо сказал он. — Я должен вас поблагодарить за моё спасение. Нам ещё не время расставаться.

— Но меня ждут в отделе кадров Выставочного комплекса. Я опаздываю.

— В этом мире никуда деловозможно опоздать. В нём всё предопределено.

— Вы фаталист? — удивилась я, продолжая двигаться в направлении кафе «Улитка».

— А вы разве нет? Разве не говорите: «загад не бывает богат», «человек предполагает, а Бог располагает», разве не отказываетесь

планировать свою жизнь на несколько лет вперёд («до этого ещё надо дожить!»), разве не стучите по дереву, когда что-то задумаете? Мы, русские, все фаталисты.

Задни послышались мужские голоса, призывающие Игоря Дмитриевича остановиться. Мы остановились. Два запыхавшихся охранника с трудом переводили дыхание:

— Игорь Дмитриевич, просим вас вернуться в офис. Римма Григорьевна очень просит.

— Что опять случилось?

— Приехал зам. министра культуры. Много журналистов. Все ждут вас.

— Ничего не поделаешь, — обернулся художник-фаталист ко мне. — Встретимся с вами как-нибудь в другой раз. Очень жаль. — И он зашагал вместе с охранниками назад к галерее. Как он собирался встретиться со мною «в следующий раз», если даже не спросил моего имени? Впрочем, человек, верящий в судьбу, не нуждается в этом.

Взглянув на часы, я поняла, что ещё успею на приём к менеджеру по кадрам. Но мне почему-то расхотелось туда идти. Может, оттого, что мне пришлось бы плестись по тому же пути, по которому только что промчался Игорь Дмитриевич, и это выглядело довольно нелепо. «Ведь ты шла в кафе «Улитка», — сказала я себе, — так и иди туда. С чего это ты вдруг заметалась?»

Едва я ступила в холл кафе, ко мне кинулся метрдотель:

— Простите, это вы собирались поужинать с художником Н.?

— Д-да... — сказала я не совсем уверенно.

— Он звонил и просил вам передать, чтобы вы его обязательно дождались. Он постарается освободиться как можно быстрее.

Я уселась за небольшой двухместный столик, заказала обед и принялась неторопливо есть, раздумывая над тем, что мне делать дальше: ждать художника или нет. Собственно, зачем мне нужна эта встреча? Хочу я этого? Он мне интересен?

Нет, ни за что я не хотела признаться себе, что художник мне очень нравился. Поэтому я решила: пообедаю и уйду. Ждать не буду. Конечно, если он придёт до моего ухода... Но он не пришёл. Закончив обед, я поднялась и решительно направилась к выходу. Метрдотель настиг меня почти у двери:

— Вы уходите? Но Игорь Дмитриевич просил подождать.

— У меня больше нет времени, — деловито ответила я.

— Тогда очень прошу оставить ему записку.

— Зачем?

— Иначе он решит, что я не передал вам его просьбу.

— Но какое дело мне до всего этого?

— Пожалуйста, очень прошу... — и он сунул мне в руки маленький блокнотик и ручку.

Я на ходу нацарапала: «Извините, больше ждать не имею возможности». На мгновение задумалась, не зная, как подписаться, потом небрежно вывела: «Ольга». Фамилию не написала.

Прошло несколько лет. Это были довольно бурные годы моей жизни: я успела выйти замуж и развестись, сменила два места работы, переехала из города в пригород, в уютный домик недалеко от Москва-реки, увлеклась сочинительством, было много всего другого.

Однажды я опубликовала в литературном журнале рассказ о моём странном знакомстве с неким знаменитым художником. Рассказ заканчивался нашим бурным страстным романом. Рассказ получился неплохим, особенно, как ни странно, мне удалось описать наших сильных благородных чувств. Я старательно избегала модных нынче эротических подробностей, сводивших божественное чувство к примитивной физиологии. В общем, я была довольна своей работой и получила хорошую прессу.

Через недели три после публикации мне пришло по почте приглашение на приём по случаю открытия международной выставки современного искусства и каталог этой выставки. Я полистала каталог и не нашла там ничего интересного: всё тот же поп-арт, те же инсталляции, всё тот же конструктивизм, давно набившие оскомину. Это, на мой взгляд, не имело никакого отношения к искусству, то есть не вызывало никаких эстетических переживаний и к тому же было лишено хоть какой-нибудь новизны. Когда мы с друзьями спорили об актуальном искусстве, я призывала себе в союзники философа Ильина, который считал, что «новое искусство» — это

изобретающее или дерзающее искусство, и современному художнику известны только две эмоции: зависть — при неудаче и самодовольство — в случае успеха. С тех времён ничего не изменилось. В самом деле, всё, что можно «изобрести» и чем можно удивить («дерзнуть»), давно придумано. И теперь на разный манер перепеваются одни и те же мотивы. Это и скучно и пошло. «Не пойду», — решила я.

Но тут в конце каталога я увидела странное живописное полотно, словно окно, за которым происходит распад мира. Я взглянула на автора — художник Н.

Неужели это Игорь Дмитриевич прислал мне приглашение? Но как он узнал мой адрес? Ведь даже моей фамилии он не знал. Вспомнив, что Игорь Дмитриевич убеждённый фаталист, я решила, что для него информация не важна. Он живёт по другим законам. «Пойду!» — решила я, невольно заражаясь его убеждённой уверенностью, что наша встреча predetermined.

На открытии выставки собралась довольно внушительная толпа приглашённых. Никто не торопился осматривать экспозицию, а собирались группками и о чём-то оживлённо говорили. Я не примкнула ни к одной из них, а вместе с немногочисленными зрителями побрела мимо старательных потуг «актуальщиков» удивить любителей «неожиданностей». И хотя я дала себе слово не искать в толпе Игоря Дмитриевича, мой взгляд невольно сколь-

зил по разодетым дамам и экстравагантным мужчинам. Однако знакомого лица не было видно. Наконец, я подошла к его картине, которая поразила меня, когда рассматривала каталог. Около картины толпилась внушительная группа. Они шумно дискутировали. Высокий тощий мужчина с раздражённым аскетичным лицом сурово критиковал автора за возврат к классическому абстракционизму, время которого давно прошло, но получил жёсткий отпор от полной дамы, назвавшей себя искусствоведом. Я почти не слушала, что она говорила, так как смысл её тирады был погребён под грудой терминов, которыми она умело прикрывалась.

Я не могла отвести глаз от картины. Моё первое впечатление, что картина словно окно, за которым происходит распад мира, только усилилось: мне казалось, что я вижу движение разрывающейся материи, вижу апокалипсис. Картина завораживала. Художник назвал её «Рождение нового мира».

Неожиданно зрители, столпившиеся у картины, разразились аплодисментами. Без сомнения, они приветствовали её автора. Действительно, Игорь Дмитриевич неторопливо и вальяжно приближается к нам. Я его узнала сразу, хотя теперь он носил большую бородку и отпустил волосы. То есть выглядел настоящим художником. Поклонники окружили его тесным кольцом, восторженно расхваливая его творение. Он благодарил всех, пожимая руки мужчинам и целуя ручки жен-

щинам, не пропустил никого, и, когда подошёл ко мне, его глаза вспыхнули, губы растянулись в весёлой улыбке:

— Неужели вы? Я не верю своим глазам. Как вы здесь оказались?

— Разве не вы прислали мне билеты?

— Конечно, я, — засмеялся он. — Но был уверен, что вы не придёте.

Он взял меня под руку и, не обращая внимания на своих поклонников, увлёк в глубь зала.

Однако поговорить нам не удалось. Он, а вместе с ним и я, снова оказались в центре толпы. Все поздравляли Игоря Дмитриевича с успехом, пожимали ему руку, многозначительно посматривали на меня. Мне хотелось убежать, скрыться, но он крепко держал левой рукой мою руку, ни на минуту её не отпуская. Наконец, не без труда, мы вырвались на свободу.

— Как все вас любят и ценят, — сказала я, — а мне говорили, что в мире искусства одни завистники и злыдни.

Он небрежно отмахнулся:

— Всякие есть. Авторы современного искусства — узкая замкнутая среда. Очень жёсткая, конкурентная среда... Давайте уйдём отсюда. Они мне все надоели, — вдруг сказал он.

— Вы не можете уйти. Это вызов, который вам не простят. А вот меня отпустите. Я здесь совсем не на месте. Мне здесь трудно...

Он некоторое время пристально смотрел мне в глаза:

— А вы не исчезнете снова? Дайте мне слово, что завтра же позвоните.

— Позвоню, обещаю, — сказала я, пряча в сумочку его визитную карточку.

Я вышла на улицу и с наслаждением вдохнула воздух свободы. Сумерки ступились, зажглись фонари, преобразив городской пейзаж. Таинственный свет фонарей, ажурные тени деревьев, спешащие пешеходы, которым до меня не было никакого дела: Боже, как хорошо! Я испытывала какое-то блаженство. Неужели влюбилась в моего фаталиста? Похоже, что так. И я тихонько рассмеялась. Потом вынула из сумки его визитную карточку и стала её внимательно изучать.

— Простите, вы Ольга Борисовна Абакумовская? — спросила меня незнакомая женщина, откуда-то появившаяся на моём пути.

— Да. А вы кто? — Я с удивлением смотрела на средних лет женщину, одетую пугающе небрежно: на ней была широкая, собранная на талии чёрная неглаженная юбка, серая бесформенная кофта, на ногах стоптанные тапочки. Тёмные волосы с заметной проседью были собраны в неопрятный пучок.

— Мне нужно с вами поговорить, — торопливо продолжала женщина, не ответив на мой вопрос. — Я здесь живу недалеко. Давайте зайдём ко мне. Её глаза странно светились в темноте. «Наркоманка!» — подумала я.

— Нет, — почти выкрикнула я. — Я вас впервые вижу. Нам не о чем говорить.

— Хорошо, давайте присядем здесь, — показала она на скамейку, стоящую невдалеке.

— Нет, извините.

Она крепко сжала мою руку чуть ниже локтя:

— Не бойтесь меня. Я не умею причинять зло.

И я повиновалась. Мы сели на скамью. На другом её конце расположился молодой человек. Это меня успокоило.

— Слушаю вас, — сказала я как можно дружелюбнее.

— Хочу вам сказать, — начала она, и голос её дрожал от волнения, — хочу попросить вас оставить его. Я очень его люблю. Я умру без него.

— О ком вы говорите? — изумилась я.

— О нём... Он искал вас несколько лет... И вот нашёл...

— Кто? — И вдруг я поняла: она говорит о моём фаталисте!

— Кто вы? — снова спросила я.

— Я его жена. Бывшая. Мы развелись, когда я заболела. Но мы с ним не расставались... Нам нельзя расстаться. Ему без меня нельзя. Как же тогда его слава? Кто же напишет его картины. Я ему сказала, что, если он меня бросит, я всё расскажу... Вы считаете, что я шантажистка? Нет, вы не правы... Просто мы оба погибнем... Он — без славы, я — без творчества.

— Ничего не понимаю, — пробормотала я, — сердце моё беспомощно колотилось в груди. Эта женщина сумасшедшая! Она бредит!

Как мне избавиться от неё? Я вскочила со скамьи и бросилась бежать.

— Куда вы? Пойдите! Прошу вас! — но я даже не оглянулась на её призывы.

* * *

Я бежала по краю шоссе, жестом останавливая летящие машины. Наконец, одна затормозила, и я с облегчением плюхнулась на сиденье. Пожилой водитель коротко спросил:

— Куда торопимся?

Я назвала адрес.

Мне казалось, что дома я сразу обрету покой и способность рассуждать. Но этого не случилось. Мой мозг был словно окутан туманом. Неужели этот человек, такой уверенный, такой ироничный, снисходительно принимающий восхищение окружающих, всего лишь жалкий мошенник, использующий талант и любовь женщины? Перед глазами стояло бледное лицо его жены с безумными глазами. Но может это бред больного воображения? — мелькнула в голове спасительная мысль. — Может, всё не так?

Я опустила в кресло и, закрыв глаза, пыталась расслабиться и успокоиться. Конечно, это не так. Как можно в это поверить? Этого не может быть.

Сколько я так просидела, не знаю. Звонок телефона прозвучал, как спасительный набат: это он! Он мне всё объяснит. Я схватила трубку.

— Оля, — услышала я неуверенный надтреснутый голос, — Оля, я всё вам объясню, — вы

всё поймёте. Только прошу вас, пока не говорите никому...

— О боже! — воскликнула я, — молчите! Пожалуйста, ни слова больше! Я никому не скажу... Никогда больше не звоните! — И я бросила трубку.

Ночью мне снились какие-то отвратительные чудовища, которые подстерегали меня повсюду. Я проснулась, измученная снами и думами. Некоторое время лежала, глядя в потолок. Потом вскочила, полная решимости освободиться от всего этого.

Долго, до изнеможения делала разные силовые упражнения, приняла контрастный душ, выпила чашку крепкого кофе. И вдруг спокойно подумала: что это я так разволновалась? Какое мне дело до всего этого? И с какой стати я назвала Игоря Дмитриевича мошенником? Сейчас вся жизнь пронизана выдумками и обманом. Ведь мы живём в эпоху постмодерна, где реальность совершенно не важна, важно лишь представление общества о ней.

ПОСТМОДЕРН

Толпа разодетых юнцов изображала великосветский бал. В центре зала прыгали танцующие фигуры. Запах пота от разгорячённых тел чувствовался всё явственнее. Выражение лиц танцующих напоминало маски: неподвижные напряжённые лица, лишённые малейшего обаяния. Казалось, они выполняли обязательную, но непосильную для них работу. «Бум-бум» — гремела музыка. «Топ-топ» — изо всех сил старались фигуры.

По периметру танцевальной залы у стен, увешанных картинами в дорогих рамах с изображением квадратов и треугольников и пятен «детской неожиданности» сына известного художника, стояли и сидели на бархатных банкетках гости и смотрели на танцующих.

Внезапно, как по мановению волшебной палочки, прыгающие танцоры отскочили к стене, а в центре остались только молодой человек в красном фраке и девушка в бальном платье, состоящем из двух половинок, которые закрывали её тело спереди и сзади. Молодые люди некоторое время потоптались под буханье музыки. И вдруг мужчина молниеносным движением схватил девушку за ногу чуть ниже колена и дёрнул её к себе. Однако девушка не только устояла, но и успела нанести ему удар свободной ногой в живот. Мужчина резво отскочил, но сдаваться

не собирался. Он кружил вокруг, выжидая удобного момента. Девушка, готовая к отпору, сверлила его яростным взглядом.

Все гости мгновенно оживились, превратившись в толпу, жаждущую натуральных зрелищ. «Давай, давай!» — кричали гости. И было неясно, кого они сделали своим фаворитом.

А между тем бойцы в центре зала уже катались по полу, рыча и валтузя друг друга. Платье девушки превратилось в два крыла, распластанные вокруг ничем не защищённого тела. Красный фрак мужчины был разорван в клочья и только рукава каким-то образом держались на своём месте. Его красные руки пытались утихомирить девушку, но это ему было явно не по силам.

Возбуждённая толпа бесновалась: «Давай, давай!» Это было похоже на массовое сумасшествие.

Евгения в ужасе выскочила на улицу. Павел догнал её уже на стоянке такси.

— Что случилось? Почему ты убежала?

— Я не хочу этого видеть.

Павел был недоволен:

— Тебе не хочется ничего, кроме невозможного.

— Неужели ты не понимаешь: можно убить культуру, можно убить чувства, но невозможно убивать безнаказанно. Рано или поздно за это придётся расплатиться. Тебе не страшно? Оглянись вокруг, посмотри на город и его людей. Вот она, эта расплата. Впрочем, это только начало.

— Послушай, — раздражение Павла нарастало, — тебе всё не нравится. Всем нравится, а тебе — нет. Разве ты какая-нибудь особенная? Разве вообще бывают особенные люди?

— Извини, мне не хочется спорить. Я устала, поеду...

— Никуда ты не поедешь. — Он грубо схватил её за руку. — Ты стараешься меня унижить. Но я этого не позволяю никому. И накажу тебя так, что ты не посмеешь мне дерзить.

Она быстро подняла голову и строгими ясными глазами взглянула ему в глаза:

— Людей наказывает только Бог. Ни я, ни ты не можем никого наказать. Успокойся и не сердись. — И она поцеловала его в щёку.

Евгения давно уехала на подросевшем такси, а он всё стоял, не зная, как для себя поставить точку в нескончаемом споре с ней.

Они познакомились по Интернету. Эта девушка заинтриговала его своей непохожестью и упрямством. Её ни в чём было невозможно убедить. Это и раздражало и привлекало. Они спорили, ссорились, но всё равно снова и снова выходили на связь. И вот настало время, когда ему захотелось с ней встретиться. Он предложил, и она сразу же согласилась. Оба понимали, что эта встреча означает либо конец их отношениям, либо начало новым. И это страшило.

Он назначил встречу в кафе «Любовь к изумрудам», куда все посетители должны приходить в зелёном. Он считал, что ему зелёный цвет к лицу. Ему хотелось понравиться.

Он заранее заказал столик в уголке зала, очень удобный и уютный. Пришёл пораньше и стал ждать. Он совершенно не представлял, как она выглядит. Но был убеждён, что это не серая безликая мышка. Кафе было заполнено посетителями, в основном молодёжью. Поэтому было очень шумно. Поговорить здесь не удастся. Но это неважно. Они встречаются, чтобы просто посмотреть друг на друга. Чтобы перейти из виртуального мира в мир реальный. Сделать опасный необратимый шаг.

И вот он увидел: она вошла в зал. Что это была она, он не сомневался. Окинула уверенным взглядом сидящих посетителей. Подошла к распорядителю, который указал на его столик. Легко и неумолимо она приближалась к столику, и его сердце очень некстати глухо и неприятно забилося.

— Добрый вечер, Павел, — она мило улыбалась, — я сразу вас узнала.

Павел вскочил, отодвинул её стул, помог сесть. Почему он так сделал? Это было нелепо и старомодно. И, наверное, выглядело смешно. Но нет. Она приняла его жест совершенно естественно. Села. И они долго, улыбаясь, смотрели друг на друга. Им было приятно вот так сидеть и смотреть друг другу в глаза.

С тех пор прошло больше двух лет. И он уже не представлял жизни без неё. В давние времена это называлось любовью. Но философы постмодерна, и он в их числе, доказали, что любовь — это химера, несбыточная мечта эгоцентрического человечества. Просто она

вошла в его душу, как болезнь, от которой не бывает спасения.

* * *

Некоторое время он раздумывал, стоит ли вернуться на бал, с которого высокомерная Евгения сбежала. И решил, что он не пойдёт у неё на поводу.

Дворец, где новоявленная элита устраивала балы, находился за высоким кованым забором, тщательно охраняемый вооружёнными людьми, как, впрочем, и все здания Большого города. Поскольку Павел подошёл к воротам пешком, его встретили с оружием наголо. Он предъявил пригласительный билет, но билет не произвёл впечатления.

— А ну пошёл вон, куда лезешь!

— Почему такой тон? — возмутился Павел.

— Вы что, не знаете, кто я такой?

— Ой, какие мы гордые! — загоготала охрана. Ты не подходишь по фейсу! Понятно?

Внезапный шум вырвался из дверей дворца. Это большая группа молодёжи направлялась на какие-то другие увеселения. Они громко переговаривались между собой. Воздух сотрясал изошрённый мат. Девушки, путаясь в кринолинах, подбирали подол юбок и затыкали его за резинки колготок. Кое-кто на ходу снимал юбку и продолжал путь, перекинув её через плечо. Взрывы возбуждённого хохота перемежались свистом и улюлюканьем.

«Натуральное представление закончилось — догадался Павел. — Значит, балу конец». Он повернулся и пошёл прочь.

Большой город, когда-то гордившийся своей архитектурой, уже несколько лет назад был кардинально перестроен: снесены старинные дома, построены новые престижные строения, для определения которых пока не было соответствующего слова. Ни особняком, ни дворцом эти уродливые создания, хвастающиеся друг перед другом размером и стоимостью, назвать было невозможно. Строения были обнесены кирпичными, мраморными, металлическими заборами. Город превратился в лабиринт, внутри которого шла широкая трасса, заполненная машинами.

Когда Павел подошёл к стоянке такси, там был только один молодой мужчина по виду из числа обслуги.

— Здравствуйте, — приветствовал его Павел. — Тот с удивлением уставился на слишком уж вежливого незнакомца. — Давно не было машин?

— Давно, — буркнул мужчина.

— Это странно, — Павел не обратил внимания на его нелюбезность. В Большом городе незнакомые люди старались не общаться друг с другом. Это было опасно. — Обычно такси подъезжают одно за другим. Наверное, что-то случилось, — предположил он.

Мужчина промолчал. Несколько минут они стояли в раздумье. Время шло, а такси не появлялось. Общественного транспорта в горо-

де не было: состоятельные горожане общественным транспортом не пользовались. А куда ездить обслуге, которая жила у своих хозяев?

И вот что-то произошло с единственным транспортом в городе — с такси. Ситуация была сложной: улицы-коридоры не имели пешеходных дорожек, так как хозяевам заборов были неприятны снующие пешеходы. По улицам мчались сумасбродные машины, не обращая внимания на людей. Бедняги совершенно безнаказанно гибли под колёсами машин, так как ходьба по проезжей части строго запрещена правилами движения. Для того чтобы двигаться по этой дороге, пешеходы надевали оранжевый жилет и, прижимаясь к стене, короткими перебежками продвигались вперёд. Ночью же двигаться по этой дороге было просто самоубийственно. На стоянке такси не было ни скамеек, ни тента от дождя. Положение становилась безвыходным.

— Звери! Уроды! — вдруг зарычал мужчина, обращаясь к какому-то невидимому врагу. — Их надо взорвать, уничтожить, пока они полностью не уничтожат нас!

Павел попытался его утихомирить. Ведь такие выкрики приравнивались к терроризму. Мужчина себя и его подвергал опасности.

— Успокойся. Крики не помогут. Сейчас что-нибудь придумаем. У тебя есть кто-нибудь, кто мог бы тебя встретить на машине?

— Какая тебе машина?

— Пусть наймёт. Я оплачу.

— Да нет у меня никого. Жена умерла. Родители не живут в этом городе.

— К сожалению, и у меня нет никого. Впрочем, есть один человек...

И в этот момент к стоянке подрулила полицейская машина. Из машины выскочили два полицейских и подошли к мужчинам:

— Что вы делаете здесь в ночное время? — строго спросил один. Павел знал, что с полицейскими лучше не связываться, поэтому он, опережая своего разгневанного попутчика, ответил:

— Ждём такси. Но, видно, что-то случилось. Нет ни одной машины.

— Предъявите ваши документы.

Павел поспешно достал удостоверение личности. Полицейский долго рассматривал документ, потом передал другому. Тот, едва взглянув, кивнул головой.

— Вам придётся проехать с нами.

— А в чём дело? — Павел не поверил своим ушам.

— Узнаете в полиции.

Они взяли под руки Павла и повели к машине, потеряв всякий интерес ко второму мужчине.

Это помещение не было похоже на комнату для временного задержанных: сырой каземат с низким потолком, без окон, с бетонным полом и засиженной тусклой лампочкой. Павла грубо втолкнули внутрь и заперли на замок, не объяснив, в чём он провинился. Павел сел на деревянную скамью, огляделся вокруг. Что

всё это значит? Он вскочил со скамьи, быстро зашагал по камере, прилагая усилия, чтобы взять себя в руки.

И тут он услышал лязг замка. Дверь запахнулась, на пороге возник тот же полицейский:

— Идём, — и он бесцеремонно взял Павла под руку.

Яркий свет в кабинете на какой-то момент ослепил его. Но затем он увидел, что за столом сидел суровый офицер, который смотрел на него с безразличным пренебрежением.

— Садитесь, — кивнул офицер на стул, поставленный на некотором расстоянии от стола.

Павел сел. Он изо всех сил старался выглядеть спокойным и независимым. Офицер смотрел на него в упор. Павел глаз не отвёл. Их взгляды словно сцепились. Пару минут длился этот поединок. Потом офицер уткнулся в бумаги и некоторое время что-то внимательно изучал. Павел не произнёс ни звука.

— Ну-с, — сказал офицер с нескрываемой насмешкой, — давно хотел с вами познакомиться. Взглянуть, так сказать, в глаза.

— И что же вы увидели? — Павел старался придерживаться такого же тона.

— Увидел обыкновенного человека. И просто не верится, что вот такой человек был признан у нас идеологом постмодерна. Что во многом благодаря ему рухнула культура, мораль, благородные порывы, — то, чем только и может гордиться человек.

— Что?! — Павел оторопел от такого обвинения. — Вот вы и нашли виновника того, что произошло в городе! Так в чём же моя вина?

— Вы навязали обществу в качестве идеала порок! Вы разрушили не только нравственные идеалы, но и предпосылки идеальности! Ваша идеология взрастила постчеловека, созданного по образу и подобию сатаны.

— Что же это за общество, которое пошло на поводу у такого безумца?

— Порок заразен. Если его страстно, системно, как это делали вы, пропагандировать, он прорвёт тонкий слой культуры любого общества.

— Вы преувеличиваете мои возможности. Да и что такое порок? Кто это может определить? Человек свободен выбирать стиль поведения и образ жизни.

— Скажите, умник, а вам нравится, что происходит в городе? Вам приятно в нём жить? Да, вам нравится! Иначе бы вы не прикидывались дураком, не понимающим, что есть добро, а что — зло, не задавали такие наивные вопросы. Но мне всё это не нравится. И я, как свободный человек, выбрал для вас наказание за вашу деятельность, погубившую наш город. Вы никогда не выйдете отсюда.

— Вы не имеете права! — Павел вскочил со стула. — Это незаконно!

— Статью в законе найдём, не беспокойтесь. Да и кто это может определить, что такое незаконно? Ведь вы, кажется, придерживаетесь именно такой точки зрения?

Офицер нажал кнопку и сказал вошедшему полицейскому:

— Уведите.

И Павла снова бросили в ту же крысиную нору. Он бессильно опустился на скамью: так вот что ему хотят припаять... Жалкие людишки! Сначала кричали ему осанну, а теперь решили сделать козлом отпущения! В своей немощи, неспособности жить в свободном мире они обвиняют не себя, а священную свободу, несчастные рабы!

Он вскочил, зашагал из угла в угол камеры. Он кипел негодованием. Он презирал таких людей. Нет, никогда он не отречётся от своих убеждений! К тому же он был уверен, что те, которые сумели прагматично использовать его идеологические успехи, не оставят его в беде.

Однако проходили дни за днями, но им никто не интересовался. А положение было отчаянным: он спал на жёстком тюфяке, брошенном на скамью, его кормили два раза в день, как дворовую никому не нужную собаку. Сначала он пытался протестовать, стучал в дверь каземата, отказывался есть баланду. Но на это не обращали никакого внимания. Постепенно им овладело чувство, которое называют депрессией: он вдруг осознал необратимость случившегося, отчётливо ощутил, что всему пришёл конец, конец его славе, конец сладкой гордыне, конец жизни. И эта неотвязная мысль жгла огнём. Однако постепенно огонь затухал, и он впервые задумался над

тем, что же случилось с его городом и почему. Он вспомнил, с каким энтузиазмом подхватывали его идеи прагматики. Как в считанные дни они разделили между собой богатства города, а потом начали кровопролитную войну друг с другом за увеличение своего состояния (другими способами увеличения своего богатства они не владели). Те, кто победил в этой войне, боясь реванша, превратили свои дома в крепости. Они полностью разрушили экономику города, чтобы избавиться от лишних людей. И город опустел. Теперь в нём жили только прагматики и их обслуга. Разве об этом он мечтал? Разве мог даже предположить, что красивые идеи оседлают и извратят прагматики? Да, вправду, — дорога в ад вымощена благими намерениями.

Он прикрыл глаза и вытянулся на скамейке. Сердце как-то странно болезненно затрепетало. И вдруг ему почудилось, что камера ярко осветилась. Он открыл глаза и с изумлением увидел, что одна из стен исчезла. И в проёме стены в ореоле яркого света стояла Евгения. Павел вскочил и бросился ей навстречу. Но куда исчезло его мрачное подземелье? Они оказались в белоснежной берёзовой роще где-то в другом мире. Ноги утопали в плотной мураве. Щебетали птички. Душистый нежный ветерок обвивал их лица.

Что это — сон или предсмертный бред? Его тело сделалось невесомым. Он взял Евгению

за руку, и, глубоко вздохнув, они отделились от земли и полетели навстречу солнцу.

Он увидел там, внизу, Большой город. Безжизненный и страшный. Высокие стены, окружая дома, превратили город в мрачный лабиринт, в ответвлениях которого обосновались новые хозяева. Они были очень заняты, каждый в своём логове: обозревали и пересчитывали свои богатства, обсуждали, где можно найти новый источник доходов, и потребляли, потребляли, потребляли. Потребляли всё без разбору. То, что считалось символом богатства.

Они забыли свой язык, общаясь с помощью мата и остатков криминального жаргона. Их мозг упростился до счётной машинки и всегда возбуждённых, не знающих насыщения, примитивных центров потребления. Павел с ужасом смотрел на этих человекоподобных существ и понимал, что никогда уже не вернётся старое доброе время. Он взглянул на Евгению, чтобы сказать, как она была права в их споре о смысле бытия, но не мог выговорить ни слова. Вот они облетели весь город, и он увидел, что вокруг города выросла огромная толстая стена, похожая на китайскую.

— Это наше спасение, — сказала Евгения, указывая на стену.

— О чём ты? — не понял он.

— Они выстроили эту стену, чтобы защитить свои богатства от нас. Они не понимают, что с помощью этой стены мы защитимся от них. Мы изолируем их от других городов, как

страшную заразу. Мы соорудим вокруг Большого города карантинную границу. И никто из его обитателей не сможет проникнуть в другие города и разнести эту чуму. А всех идеологов потребления мы будем высылать в Большой город. Они должны жить там, где их идеи воплощены в жизнь.

— И меня вы тоже не выпустите из Большого города?

— Всех, кроме тебя, — ответила Евгения. — Потому что ты искренне заблуждался и ничего не захотел получить от этого жуткого мира. И потому, что ты осознал, что совершил преступление.

Вечером, как обычно, полицейский принёс заключённому ужин. Тот лежал на своём убогом ложе, вытянувшись во весь рост и глядя в потолок, точно фараон в древней гробнице. Он не повернул головы и не издал ни единого звука. Поставив поднос с едой на пол, полицейский наклонился к узнику и заглянул ему в лицо. Красивое лицо узника странно изменилось. Вместо отрешённого страдания оно выражало удовлетворение и мудрое спокойствие, как будто он решил, наконец, для себя самый сложный вопрос человечества: зачем человек приходит в этот прекрасный Божий мир.

ПАРАДОКСЫ ЛЮБВИ

Каждый год в июне мы встречались с двумя моими школьными друзьями, Мишей и Стасиком, чтобы провести вместе целый день, отдохнуть от семьи и вернуться в наше чудесное детство. Сначала это было нашей потребностью потому, что, поступив в разные вузы и не имея возможности часто видаться, мы скучали друг о друге, а потом это стало нашей традицией. И чем старше мы становились, тем больше ею дорожили: нам казалось, что в быстротечной переменчивой жизни у нас есть нечто твёрдое, определённое, на что мы всегда в случае необходимости можем опереться.

Но в этом году всё пошло наперекосяк: в начале года уехал на работу в Израиль Миша с семьёй, и мы со Стасиком сразу осиротели. А через несколько месяцев заболел Стасик. Я ходил к нему в больницу, стараясь всеми силами его поддержать и ободрить, однако депрессия овладевала им всё сильнее. Через месяц его выписали из больницы, и врач сказал мне, что его может спасти только операция на сердце. Врач попросил меня уговорить Стасика на эту операцию.

— Слушай, Стас, — сказал я, — пришёл июнь, и нет причин нам изменять нашей многолетней традиции. Давай увидимся в воскресенье, где обычно. Посидим. Поговорим.

— Да, — сразу же согласился Стасик, — нам надо поговорить.

Мы встретились в ресторанчике «Случайная встреча». Когда мы впервые облюбовали этот небольшой уютный ресторанчик, Миша много острил по поводу его игривого названия. И это было понятно: он уже тогда был женат и для него «случайная встреча» имела особый смысл.

Знакомый метрдотель приветствовал нас у входа в ресторан и усадил за наш обычный столик.

Мы заказали водку и нехитрую закуску. Когда подняли первую рюмку и посмотрели друг другу в глаза, я вдруг увидел, что Стасик очень взволнован и с трудом выдерживает мой взгляд. Видимо, он понял причину этой встречи. Поначалу я планировал заговорить об операции в конце свидания, но, увидев его бледное напряжённое лицо, решил, что тянуть незачем. Поэтому после обычной болтовни и разговоров о Мише я сказал:

— Стас, врач считает, что тебе надо сделать операцию. Он считает, что без этого никак нельзя.

К моему удивлению, Стасик ничуть не взволновался:

— Да, знаю. Я много думал об этом и решил, что это всё-таки шанс. Так что уже договорился: во вторник ложусь в больницу.

— Ты молодец, старик, — бодро воскликнул я. — Мы с Кристиной будем навещать тебя каждый день. Всё будет хорошо!

— Спасибо тебе, друг. — Мне показалось, что в глазах Стасика блеснули слёзы. — Ты самый лучший друг на свете, — продолжал он с какой-то обречённостью. А я — последняя дрянь. Я — гнусный предатель. И недостойн того, чтобы ты пришёл ко мне на могилу.

— Ты о чём, Стас? Хочешь о чём-то мне рассказать, покаяться? Я тебя очень прошу, не делай этого. Это не нужно ни тебе, ни мне.

— Нет, я должен очистить свою душу. Если я не выдержу операции, — продолжал он, как в бреду, — если умру... Я не могу умереть без твоего прощения.

— Считаю, что я давно тебя простил. Мы все небезгрешны. И знай, в чём бы ты ни провинился передо мною, я всё равно тебя люблю, как брата.

— Твоя христианская мораль меня убивает. Иногда мне кажется, что ты просто хочешь доказать, насколько ты чище и порядочнее нас с Мишкой. — Его рука, в которой он держал рюмку, дрогнула. Он поспешно поднёс рюмку ко рту и залпом выпил.

Этот разговор принимал очень неприятный оборот. Я вдруг ощутил, что в душу ко мне заползает неприязнь к другу. Он всё испортил: вместо согревающего душу свидания, получился какой-то отвратительный раздражающий фарс.

— Дорогой Стас, — я изо всех сил пытался переломить опасное направление его мысли — это всё нервы. Это естественно перед операцией. Давай переменяем тему.

Она нас обоих раздражает. А мы встретились, чтобы расслабиться, чтобы ощутить, что, несмотря, ни на что, жизнь прекрасна.

Стасик язвительно рассмеялся:

— Сейчас посмотрим, покажется ли тебе жизнь прекрасной после того, как я расскажу тебе всё.

Я замер от нахлынувшего на меня страха, не зная, что сказать. Стасик сразу почувствовал моё состояние. Он не шевелился, глядя мне в глаза, и я понимал, что он внутренне готовится сразить меня чем-то ужасным.

— Я хочу тебе признаться, старик, — неторопливо начал он, точно садист, измывающийся над своей жертвой, — что вот уже несколько лет я живу с твоей женой, Кристиной. Поэтому и не женился до сих пор.

В первое мгновение я почувствовал облегчение (я-то думал, что речь идёт о неизвестной мне смертельной болезни Кристины или нашего сына, Никитки. Но слава Богу! Все живы и здоровы). И только потом осознал смысл сказанного.

— Это ложь! — сказал я хладнокровно.

— Это правда. Ты что, считаешь, что ты самый лучший на свете? И Кристина не может полюбить другого мужчину? — Стасик криво усмехнулся. — Ну ладно. Раз ты хочешь доказать, ты их получишь. Я расскажу тебе такие подробности, что тебе останется только поверить в это.

Я судорожно сглотнул внезапно возникший в горле комок, пытаясь придать себе уверенный вид:

— Прекрати, Стас. Ты же мужчина. Не веди себя, как подонок. Ты никогда не сможешь простить себе, что так унизил Кристину. Это подло.

Стасик вскочил, опрокинув стул. Посетители ресторана смотрели на нас с любопытством.

— Я ухожу, — сказал он. — Иначе будет ещё хуже. — И он стремительно выскочил из зала.

Некоторое время я неподвижно сидел за столом, глядя Стасику вслед и постепенно осознавая, что за несколько минут несколькими словами он разрушил мою жизнь, казавшуюся такой благополучной.

Ощущение, что умирает душа, что я распадаюсь на части, овладевало мною, как тяжёлая болезнь. Опытный официант, видевший наш конфликт, поспешил мне на помощь:

— Что-нибудь ещё? — спросил он, — выразительно взглянув на пустую бутылку.

— Да. Принесите водки, пожалуйста.

Первое, что я увидел, открыв затекшие глаза, было лицо Кристины. Она наклонилась надо мною и нежно гладила мои волосы.

— Проснулся? — она поцеловала меня в сухие губы. — Как ты? Жив?

— Не знаю, — простонал я. Голова раскалывалась. Во рту была помойка.

— Ох, — стонал я, — как мне плохо.

— Пить надо меньше, — смеялась Кристина.

— Как я добрался до дома?

— Как? Я, бедная твоя жена, тебя привезла. Метрдотель позвонил. А куда Стас подевался?

Как только она произнесла ключевое слово «Стас», моя память включилась, и я вспомнил всё. Сердце вздрогнуло, я уставился на Кристину, пытаясь увидеть на её милом лице пятна отвратительного порока. Но лицо было чистым и непорочным. «Солгал, мерзавец» — мелькнула спасительная мысль.

— Кристина, — простонал я, — ты меня любишь?

— Очень, мой милый, — улыбалась она.

— А ты мне не изменяешь? — продолжал я стонать.

— Нет, не изменяю.

— Но Стас вчера сказал, что ты мне изменяешь с ним.

— Что-о-о?! — Кристина села рядом со мной на кровать. — Ты бредишь что ли?

— Это ложь? Ведь он наврал?

— Конечно, наврал. Ну и дурак твой Стас. Да и ты не умнее его. Как ты мог поверить?

Моё сердце нырнуло и задрожало от радости. Забыв про все свои страдания, и физические, и моральные, я вскочил с кровати, крепко обнял Кристину.

— Кристина, родная, любимая! Как хорошо!

— А ты — глупый. Как ты мог этому поверить? Никого на свете нет лучше тебя. Нико-

го и никогда я больше не полюблю. А теперь давай-ка ложись. Тебе надо выспаться как следует.

Она укрыла меня одеялом и вышла из комнаты.

Мне кажется, я уснул, но меня разбудило чуть слышное позвякивание: Кристина кому-то звонила. Поколебавшись несколько секунд, я снял трубку параллельного телефона.

— Как ты себя чувствуешь? Мне проводить тебя в больницу? — негромко спрашивала Кристина. Её голос звучал тепло и заботливо. Собеседник отвечал едва различимо.

— Нет, не нужно.

— Как настроение?

— Погано, как никогда.

— Всё будет хорошо, вот увидишь. Не думай о плохом.

— Я не об операции.

— И об этом не думай. Сейчас не время.

— Ты уже знаешь?

— Да.

— Прости меня.

— Что с тебя, глупого, взять. Об этом поговорим позже. Ну, ладно. Пока. Думай только о хорошем. Целую — и она положила трубку.

Я лежал совершенно обессиленный и опустошённый. Значит, всё-таки это правда! Кристина — оборотень, лживая дрянь! Так вот кого я обожал столько лет! Почему это случилось со мной? Как теперь жить?

Мой взгляд, обращённый в окно, упёрся в тяжёлое предгрозовое небо. Ветер гнул мо-

лодые тополя. Где-то далеко полыхнула молния и заурчал гром. Я крепко зажмурил глаза. «Спи, — сказал я себе, — завтра настанет новый день, и в нём уже не будет всех этих кошмаров».

Новый день оказался ярким и солнечным. Я открыл глаза и сразу же зажмурился. Кристина забыла задёрнуть штору, и солнце беспрепятственно проникло в спальню, разогнав страшные призраки вчерашней ночи. Некоторое время я неподвижно лежал в кровати, слушая лёгкое дыхание жены. С опаской заглянул ей в лицо, такое милое и такое безгрешное. Почувствовав мой взгляд, она открыла глаза, улыбнулась нежной улыбкой, протянув губы для утреннего поцелуя:

— Отоспался? — спросила она, целуя меня, — голова не болит?

— Нет, всё хорошо.

Мне и впрямь стало хорошо. Я всё забыл, ничего не хотел помнить.

Кристина вскочила с постели, помчалась в кухню готовить мне завтрак. Сегодня у меня была утренняя лекция, и она никогда не забывала моего расписания.

Потом мы завтракали на кухне, говорили о Никитке, который с бабушкой отдыхал на море, о сегодняшнем процессе, где Кристине предстояла нелёгкая борьба с прокурором. Ещё о чём-то. После некоторой паузы она спросила:

— Сегодня у Стасика операция, ты сможешь зайти к его врачу или это сделать мне?

— Это сделаю я, — сказал я сурово.

Кристина улыбнулась и чмокнула меня в щёку:

— Мой милый и глупый муж, — сказала она.

— И почему только я тебя так люблю?

И я сразу же воспрянул духом: нет, всё это неправда. Просто потому, что не может быть правдой.

Врач принял меня без задержки. Он был нашего возраста, лет 30—35, высокий и спортивный. Приятный тембр его голоса и профессиональное умение говорить с людьми располагали к нему и вызывали доверие.

Он усадил меня на единственное кресло, сел напротив на стул и спросил, глядя мне в глаза мягким сочувственным взглядом:

— Вы родственник Станислава Александровича?

— Я его близкий друг.

— Буду с вами откровенен: хотя операция прошла успешно, состояние больного тяжёлое. И перспективы пока не ясны. Мы делаем всё возможное.

— Я могу его увидеть?

— Можете, ему нужна эмоциональная поддержка. Но — буквально на несколько минут.

Я открыл беспшумную дверь послеоперационной палаты и медленно вошёл внутрь. Неяркий свет освещал комнату с одинокой кроватью, стоящей среди замысловатой медицинской техники. На кровати лежал Стас. В первое мгновение я не узнал его: осунувшийся, бледный, с заострившимися чертами

лица. Я подошёл к кровати и тихонько позвал его. Он открыл глаза и взглянул на меня. Его взгляд выражал равнодушие и страдание.

— Стас, — я хотел взять его за руку, но он спрятал руку под одеяло. — Стас, врач сказал, что операция прошла успешно. Теперь всё зависит от тебя. Надо бороться и верить.

Стас молчал. Я не понимал, слышит он меня или нет.

— Вечером к тебе придёт Кристина. Она тебя покормит. Она приготовила кое-что вкусненькое, — продолжал я.

Стас молча смотрел на меня. Потом он закрыл глаза и отвернулся.

Я постоял ещё некоторое время и, решив, что он заснул, на цыпочках вышел из палаты.

Кристина вернулась из больницы в шесть вечера. Уже по тому, как она вошла в квартиру, как сбросила туфли, как опустилась на диван, я понял, что случилось худшее. Но почему-то не испытал при этом никаких чувств, точно умер не мой лучший друг, а кто-то совсем чужой. Я сел рядом с ней, обнял её за плечи, она спрятала лицо на моей груди и заплакала. Я утешал её, как мог, но она всё плакала и плакала, и казалось, что этому не будет конца. Я раздел её, уложил в постель, дал выпить валерьянки. Когда она затихла, ушёл в гостиную и лёг спать на диване.

Утром услышав, что Кристина, как обычно, что-то делает на кухне, я вышел к ней, поцеловал в щёчку, спросил, как она себя чувствует.

Она поздоровалась со мной, глядя в сторону.

— Нормально, — ответила она. Её тон был чуть вызывающим, как у человека, неприглядная тайна которого была раскрыта.

На похоронах Стаса мы стояли рядом, плечом к плечу, и я крепко сжимал её ледяную дрожащую руку, чтобы помочь ей пристойно выстоять всю церемонию прощания.

Дома я не стал донимать её разговорами, не задавал вопросов, не торопил её. В тот момент я ещё верил, что её горе и моя безучастность пройдут, как всё проходит в этом мире, и наша счастливая жизнь восстановится.

Однако наша прежняя жизнь не восстановилась. Рядом со мной теперь жила другая женщина. Её женственность и нежность исчезли. И хотя внешне всё оставалось по-прежнему, она казалась отстранённой и безразличной. Но странно — меня это совсем не трогало. Может быть, именно я провоцировал её настроение, так как она не могла не понимать, что я её больше не любил.

Мы расстались без ненужных объяснений, вполне дружелюбно, но без объятий и поцелуев. Даже не прикоснулись друг к другу, когда я навсегда покидал дом.

И я так и не понял, действительно ли любил её, или это была просто мечта.

КОЛЬЦО ИМПЕРАТРИЦЫ

Это был последний билет на самолёт, летящий из Праги в Москву. Так я впервые в жизни оказалась в салоне бизнес-класса. Моё место было, к счастью, у окна, и я, стараясь не смотреть на других пассажиров, стала внимательно рассматривать взлётную полосу. Дело в том, что пассажиры бизнес-класса очень отличались от публики, скопившейся в аэропорту. Непонятно, откуда они только взялись: разодетые, как на важном приёме, с брезгливо-высокомерным выражением лиц. Особенно выделялась девушка в розовом платье с дорогими украшениями, надменно и презрительно посмотревшая в мою сторону. Правда, теперь я уже не уверена, что это моё впечатление соответствовало действительности. Просто я, в моих потёртых джинсах и московской майке с Черёмушкинского рынка, чувствовала себя неуверенно среди этих людей, для которых одежда играла какое-то, непонятное мне, сакральное значение. Рядом со мной сел импозантный мужчина средних лет с маленькой холёной бородкой. Он дружелюбно поздоровался, намереваясь что-то сказать, но мне не хотелось вступать с ним в беседу, поэтому я, едва поздоровавшись, уткнулась в книжку, которую заранее приготовила для подобного случая. Однако это его не остановило:

— Меня зовут Леонид Николаевич, — представился он. — А вас как звать-величать?

Мне ничего не оставалось, как вежливо ответить:

— Елена.

— Прекрасная Елена! Это — о вас.

Я промолчала, чтобы он понял, наконец, что ему пора заткнуться.

Однако его просто распирало от желания втянуть меня в беседу.

— Вы студентка? Москвичка?

— Да, — улыбнулась я, поражаясь собственной способности умело изображать искреннюю любезность.

— А я — писатель. Карелин. Может читали что-нибудь? — Он повернулся ко мне всем корпусом, призывая взглянуть на себя повнимательнее.

Мне ничего не оставалось, как только пристально посмотреть ему в глаза. И лучше бы я этого не делала. Его взгляд показался мне каким-то тяжёлым, бестактным, глубоко и бесцеремонно проникающим в мою незащищённую душу. Я внутренне содрогнулась от этого вторжения, но сделала всё, чтобы он не почувствовал моего смятения. Мои глаза не метнулись испуганно в сторону, а холодно, не мигая, несколько мгновений глядели в его зрачки, а потом медленно переместились в сторону окна:

— Нет, к сожалению, не читала, — говорила я, продолжая смотреть в окно.

Между тем, по призыву стюардессы мы при-

стегнули ремни, и наш самолёт вырулил на взлётную полосу. На какое-то время самолёт остановился. Потом его ровное гудение перешло в грозный рёв, самолёт рванулся с места, и вот уже взлётная полоса осталась далеко внизу. Забираясь всё выше и выше, самолёт пролетел над краем лётного поля, земля стремительно удалялась и вскоре исчезла совсем, и мы воспарили над белыми пушистыми облаками. Удивительное ощущение испытываешь, глядя сверху вниз с большой высоты. Ты словно освобождаешься от бремени земных забот и попадаешь в другое измерение, где господствуют иные смыслы. Я сразу же забыла о назойливости своего соседа и, повернувшись к нему, сказала:

— Посмотрите, какой чудесный вид.

Казалось, он полностью разделял мои чувства. Выражение его глаз удивительным образом изменилось. Он смотрел в окно с радостным изумлением, как человек, который никогда ранее не летал на самолёте. Потом он перевёл взгляд на меня и, широко улыбувшись, сказал:

— Да. По-настоящему ощущаешь себя свободным только в воздухе.

В это время пассажиры, доселе дисциплинированно сидевшие на местах, зашевелились, многие встали со своих мест и зашагали в конец салона. Появилась стюардесса, предлагающая напитки. В общем, жизнь забила ключом. Вся эта возня сразу разрушила сказочное очарование полёта. И я снова от-

вернулась к окну. Мне кажется, что на какое-то время я заснула. Когда стюардесса со своим столиком на колёсах подъехала к нам, по громкой связи строгий мужской голос объявил:

— Одна из наших пассажирок забыла на умывальном столике в туалете кольцо. Нашедшего просим передать кольцо стюардессе.

Стюардесса сразу же закрутила головой, видимо, намереваясь увидеть, не хочет ли кто возвратить находку, но желающих не обнаружила.

Мы с моим соседом переглянулись.

— Хотите пари, — сказал мой новый знакомый, когда стюардесса переместилась подальше от нас, — что добровольно никто кольцо не вернёт.

— Почему вы так думаете?

— Ну хотя бы потому, что не для этого он его взял. А, во-вторых, публика в бизнес-классе всегда очень вороватая.

— Ну, подобные «любители» найдутся и в «экономклассе».

— Э, не скажите. Если бы там были асы воровства, они бы не летали «экономклассом».

И мы с ним расхохотались, как старые знакомые. Леонид Николаевич оказался прав: призывы вернуть кольцо раздавались много раз, но, по-видимому, безуспешно.

И тут я заметила другую стюардессу, стоящую в проходе. Её взгляд был устремлён на Леонида Николаевича.

— Добрый вечер, Леонид Николаевич, —

она вся расплылась в любезной улыбке. — Мы узнали, что вы летите нашим рейсом. Это большая удача. Командир экипажа хотел бы переговорить с вами. Пойдёмте, я вас провожу.

Мой сосед ничуть не удивился. Он неторопливо поднялся с места и, бросив на меня беглый взгляд, сказал, как хорошей знакомой:

— Я ненадолго.

Он вернулся минут через пятнадцать. Сел на своё место и сразу же ответил на мой немой вопрос:

— Мы говорили о пропавшем кольце.

— Господи, сколько шума из-за какого-то кольца.

— Кольцо очень ценное. Оно принадлежало императрице Екатерине Великой. Год назад его похитили из Эрмитажа.

— Но вы-то тут причём?

— Мы советовались, как заставить вора вернуть кольцо.

— Не понимаю. Разве у вас есть опыт? Вы же не сыщик, а писатель.

— Как многие писатели, я неплохой психолог. К тому же я владею гипнозом. Словом, я без всякого обыска могу определить, у кого кольцо.

Я смотрела на него с восхищением.

— Кто бы мог подумать, что я познакомлюсь с таким необыкновенным человеком! — вырвалось у меня.

Леонид Николаевич самодовольно улыбнулся.

В этот момент один из членов экипажа снова обратился к пассажирам по громкой связи:

— Поскольку никто не вернул потерянное кольцо, — говорил он, чекнул каждое слово, — экипаж будет вынужден обратиться в правоохранительные органы, которые проведут обыск и опрос всех пассажиров. Таким образом, по прилёте в аэропорт Внуково мы вынуждены будем задержаться на несколько часов для выполнения следственных действий.

Пассажиры взволнованно загудели. Многие из них вскочили со своих мест, возбуждённо накинувшись на стоящих в проходе стюардесс.

— Тише! — закричали несколько голосов. — Слушайте дальше!

— Но у вас есть выбор, — продолжал тот же голос. — Этим самолётом летит известный писатель и психолог Леонид Николаевич Карелин. Если вы согласитесь, он найдёт кольцо без всякого обыска.

— Конечно, мы согласны! — кричали с разных сторон. — Пусть ищет!

Послышались смех и аплодисменты.

Всё это время, пока в салоне творилась настоящая катавасия, Леонид Николаевич спокойно сидел в своём кресле, откинувшись на спинку и прикрыв глаза, и ни на кого, даже на меня, не обращая внимания. Я смотрела вокруг и удивлялась, как общее решение объединяет людей. Исчезли отвратительные своим высокомерием лица, публика изменилась

до неузнаваемости: все улыбались, перекидывались дружелюбными репликами. Казалось, это приключение сплотило всех в дружный коллектив.

Стюардесса, та, что приглашала Карелина на встречу с экипажем, подошла к нему снова и предложила начать сеанс поиска кольца, так как времени до Внукова оставалось совсем немного. Леонид Николаевич встал в проходе и попросил всех пассажиров занять свои места и соблюдать тишину. Все тотчас расселись и в ожидании представления повернулись к нему. Я думаю, что едва ли кто из присутствующих даже слышал фамилию Карелин. Но это было совершенно неважно. Важно было для всех одно — избавиться от предстоящих обысков и допросов. Я, как и все остальные, смотрела на Леонида Николаевича с жадным любопытством. Что он собирается делать? Как будет искать пресловутое кольцо? Неужели устроит сеанс массового гипноза?

Между тем, ничего удивительного не происходило. Наш медиум подходил к каждому пассажиру, брал его за руку и, наклонившись почти к самому уху, о чём-то спрашивал. Он действовал неторопливо и обстоятельно, пассажиры от одного кресла к другому. Лица пассажиров выражали полное удовлетворение, и мне было очень интересно, о чём он с ними говорил? Вот он обошёл всех пассажиров левой стороны салона и повернул на нашу сторону. Все внимательно смотрели за его мани-

пуляциями, прислушиваясь к его разговору, симпатии всех были явно на его стороне.

Когда Леонид Николаевич подошёл ко мне, он, словно меня не узнавая, взял мою левую руку, положил на свою ладонь, а правой рукой нащупал мой пульс.

— Вы не брали кольца? — тихо спросил он, низко наклонившись ко мне, так что его губы едва не касались моего уха. При этом пальцы крепко держали моё запястье. Не знаю почему, но сердце моё вдруг забилося, и я растерянно прошептала:

— Нет... я не брала... нет.

Он взглянул в мои глаза и сказал:

— Я верю вам.

Отпустил мою руку и направился к следующей пассажирке.

Я с облегчением перевела дыхание, как будто мне пришлось выдержать тяжёлый экзамен, и глянула в окно. Мы явно подлетали к аэропорту Внуково, а кольцо так и не было найдено. Я отыскивала глазами Леонида Николаевича. Он стоял перед пассажиркой в розовом платье, грозно выпрямившись и сверкая глазами. Его пальцы сжимали запястье девушки.

— Это вам принадлежало кольцо, — утвердительном тоном громко отчеканил он.

Высокомерная девушка почему-то сразу смутилась и пробормотала невнятно:

— Да. Я его забыла на столике в туалете...

— Это ложь! — прогремел голос Карелина.

— Вы его не забывали в туалете. Вы его пода-
рили своему любовнику!

— Нет! — девушка попыталась освободить руку, но ей это не удалось. — Да, я хотела ему его подарить, — жалобно проговорила она. — Но я этого не сделала. Клянусь, я не отдала ему моё кольцо. Я его потеряла.

— Вы подарили ему кольцо, — глядя ей в глаза, как удав на кролика, — твёрдо сказал Леонид Николаевич. — Меня обмануть невозможно.

— Не знаю... — она выглядела совсем потерянной. — Может, подарила... — бормотала она. Мне до ужаса стало жаль эту девушку. Зачем Леонид Николаевич её так мучает?

Между тем, Карелин продолжал свою экзекуцию:

— Вот вам бумага и ручка (откуда только он их взял?), и вы напишите заявление на имя командира экипажа, что вы ошиблись, что кольца вы не теряли, а подарили своему жёниху. Заявление передадите стюардессе.

Девушка послушно взяла бумагу и стала медленно писать. Из её глаз ручьём лились слёзы. Это было ужасное зрелище. Взволнованные пассажиры молча, как замороженные, наблюдали эту сцену. Когда стюардесса забрала заявление, самолёт уже приземлился в аэропорту.

Мне было невыносимо встретиться с Карелиным, поэтому я, не дожидаясь его возвращения на место, схватила свою сумочку и, бесцеремонно расталкивая пассажиров, кинулась к выходу.

Я быстро спустилась по трапу на лётное

поле, стараясь освободиться от неприятного впечатления от инцидента на борту самолёта. Вместе с другими пассажирами направилась к зданию аэропорта, прошла паспортный контроль, получила свой багаж — небольшой чемоданчик на колёсиках, прошла через «зеленый» коридор.

У-фф! Кажется всё! Я вышла на площадь перед аэровокзалом, оглядываясь вокруг в поисках такси, и тут кто-то осторожно взял меня под локоток. О, Боже! Откуда он только взялся? Это был Леонид Николаевич. Он мило улыбался:

— Вы позволите, я вас провожу?

— Спасибо, это лишнее, — ответила я твёрдо.

— И тем не менее, я настаиваю, — сказал он, пристально глядя мне в глаза. «Гипнотизирует» — пронеслось в голове. Я собрала в кулак свою волю и холодно ответила:

— Не будьте навязчивым. Я несколько раз одно и то же не повторяю.

Он расхохотался, глядя на меня почти с восхищением:

— Вы очаровательны!

Я даже не улыбнулась. Внезапно он стал серьёзным.

— Елена, — сказал он, — мне нужно сказать вам нечто очень важное. Нам нужно поговорить наедине в спокойной обстановке.

— О чём вы хотите мне сказать? Говорите здесь.

— Нет, здесь невозможно. Давайте погово-

рим в гостинице. Там нам никто не помешает.

— Надеюсь, это шутка!

— Послушайте, я не имею в виду ничего дурного. Это деловой разговор. Он должен состояться, хотите вы этого или нет. Поверьте, это очень важно.

Как все женщины, я любопытна до ужаса, и он очень меня заинтриговал. И потом, чего, собственно, мне бояться? На кого другого, но на убийцу и насильника он никак не походил.

— Хорошо, — сказала я, — идёмте в гостиницу.

Когда мы вошли в тесный неприветливый номер на первом этаже, я открыла окно и села поближе к двери. Он наблюдал за мной с доброй улыбкой. Каким хамелеоном был этот человек!

Мы сели напротив за маленький столик, и он, глядя мне в зрачки, сказал:

— Я хотел бы осмотреть вашу сумочку.

— Сумочку? С какой стати? Нет, я вам этого не позволю. Сначала скажите, чем вызвана такая странная просьба?

— В вашей сумочке есть нечто, что вы утаиваете.

— Что вы имеете в виду? Выражайтесь более определённо. Если вы продолжите задавать мне шарады, я просто встану и уйду.

— Хорошо. Сами откройте сумочку и загляните внутрь. В маленький кармашек. Ну и что вы там увидели?

Я сунула пальцы во внутренний кармашек и нащупала там кольцо. Осторожно вынула его, потрясённая находкой, поднесла к глазам. Это было изумительное по красоте кольцо с крупным сверкающим зелёным камнем. Я молча смотрела на кольцо, не в силах выговорить ни слова. Потом я перевела взгляд на Карелина: на его лице была написана торжествующая дьявольская усмешка. Эта усмешка сразу привела меня в чувство.

— Вы украли кольцо и подложили его мне! — ахнула я. — Вы сумасшедший!

— Вам нравится? Признайтесь, ведь нравится! Хотите, я вам его подарю. Я вами очень увлёкся.

— Вы сумасшедший. Вами владеет маниакальная страсть стяжательства. Хотелось бы верить, что вы пока ещё вменяемы и отдаёте отчёт своим действиям.

Он слушал и добродушно похохатывал:

— Ну и характер! Представляю, каково будет вашему мужу!

И тут я отчётливо поняла, что попала в ловушку. Было совершенно непонятно, как мне выпутаться из положения. Он сделал меня своей соучастницей. Мне не отмыться никогда. Выход был только один. Я пихнула кольцо обратно в сумку и, не глядя на этого страшного человека, попыталась выйти из комнаты. С неожиданной ловкостью он преградил мне путь.

— Куда же вы? Так не получится. Я, конечно,

обещал вам кольцо в подарок, но мы не договорились, чем мне отплатите вы.

— Прочь с дороги, — прошипела я. — Это кольцо я верну в Эрмитаж. И нет такой силы, которая бы остановила меня.

Он больно схватил меня за руку:

— Ну нет, мы так не договаривались.

Наши взгляды сцепились в яростной схватке.

— Уйдите. Я вас не боюсь, — выкрикнула я. — Я вас презираю! Потому что нет ничего ничтожнее человека-потребителя! Вы никакой не писатель. Вы потребитель, готовый ради вещи заложить честь, совесть и достоинство! Качества, которые делают человека человеком!

Он отпустил мою руку и отошёл от двери:

— Что ж, — тихо сказал он, — идите, я вас не задерживаю... В вас, конечно, говорит юношеский максимализм, но вы, безусловно, правы.

Теперь передо мною стоял совсем другой человек: лицо было грустным и спокойным, а в глазах застыло что-то похожее на упрёк. Весь его вид говорил о том, что он признал поражение. Но я не испытывала радости победы. Горькая жалость к этому человеку неожиданно охватила меня. Поколебавшись мгновение, я подала ему руку и примирительно сказала:

— Прощайте, Леонид Николаевич. И знайте, что наши потомки, разглядывая в Эрмитаже кольцо императрицы, будут обязаны этим вам.

— Прощайте Елена Прекрасная. Я буду вспоминать о нашей встрече.

Этой осенью я зашла в наш книжный магазин к знакомой продавщице узнать, нет ли чего-нибудь интересного.

— Ты любишь Карелина? — спросила она. — На мой взгляд, он слишком заумный, но многим нравится. Он опубликовал новый роман про любовь, посмотри. — И она протянула мне небольшую книжку, на обложке которой было написано: «Кольцо императрицы». Я открыла первую страницу: «Елене Прекрасной посвящается».

ГОРОД АМАЗОНОК

Всё началось с пустяков, как часто начинается непредвиденное или даже судьбоносное. Перестрелку на перемене затеял не я. Я просто отстреливался. Мишка и Владька наступали на меня с двух сторон. Я отпрыгнул за колонну, очень кстати выстроенную в коридоре гимназии, и чуть не сбил с ног нашего математика. Математик схватил меня за полу форменного пиджака (за шиворот схватить не мог, так как был сантиметров на пятнадцать ниже меня):

— Как вы смеете так себя вести? — шипел он. — Вы старшекласник! Взрослый человек! Вам это просто так не сойдёт.

Я, притворяясь овечкой, смотрел на него преданным взглядом:

— Матвей Борисович, извините... Это случайно... Я не хотел...

Но всё было напрасно. Математик явно мстил мне за вчерашнее. Вчера он снова никак не мог решить простейшую задачу. Но на этот раз ему не удалось скрыть свою немощь от ребят. Мы обменивались ехидными взглядами, какой-то дурак даже хихикнул. Математик густо покраснел и, грозно глядя на класс, вызвал к доске меня.

— Решайте, Кириллов.

Задача была плёвая. Но мне, идиоту, надо было изо всех сил изобразить, как трудно она решается, а я вместо этого из-за дурацко-

го бахвальства тут же выдал на доске её решение.

— Так вот, Кириллов, — продолжал Матвей Борисович, цепко держа меня за полу пиджака, — идите к директору и ему объясните, почему вы явились в школу с оружием.

А это была уже настоящая неприятность. Директора боялись все. Впрочем, слово «боялись» не совсем точное. Директор был злопаятен и беспощаден к тем, кого по каким-то причинам недолюбливал. Поэтому от него предпочитали держаться подальше. Ведь рациональные мотивы неизменны во все времена: не плюй против ветра, не ссорься с тем, кто сильнее тебя, и прочие пошлости. И рационализм был намертво вбит отцом в мою голову. Я считал, что он — истина, которую может оспаривать только глупец.

Директор, крупный, полный и медлительный, сидел в своём роскошном кожаном кресле и листал какой-то талмуд. Когда я появился на пороге его кабинета, он тяжело поднял голову и уставился на меня совиным взглядом. Я молчал, вытянувшись по стойке «смирно» и глядя в глаза директору исполненным любви и преданности взглядом. Мне казалась, что этим искусством я овладел в совершенстве.

— Докладывай! — отрывисто скомандовал он.

— Сегодня, господин директор, я явился в школу с оружием, — отрапортовал я.

— Причины нарушения моего распоряжения об оставлении любого оружия в сейфах вестибюля?

— Я проверял моё предположение, что оружейные искатели, которые стоят на входе в школу, бессильны, если оружие завернуть в пулеотталкивающую ткань.

Глаза директора оживились:

— И что?

— Предположение оказалось справедливым.

— И кто тебя этому надоумил?

— Вы, господин директор.

— Поясни более развёрнуто.

— Ваше требование, чтобы школьная форма шилась из пулеотталкивающей ткани, привело меня к этому выводу.

Директор удовлетворённо откинулся на спинку кресла:

— Да, — сказал он неожиданно мечтательным голосом, — я давно подозревал, что это так. Теперь у нас огромное преимущество перед амазонками, — негромко бубнил он явно не для меня, — теперь они в наших руках. — И, обращаясь ко мне, строго спросил: — Ты с кем-нибудь поделился о своём эксперименте?

— Нет, господин директор.

— Хорошо. А сейчас ты мне дашь расписку о неразглашении результатов эксперимента.

Такой поворот событий мне не улыбался. Все старшеклассники нашей мужской гимназии знали этот секрет давно. Я ещё в прошлом году рассказал друзьям о моём открытии. И с тех пор мы все носили с собой в школу наше оружие.

— Я не могу дать Вам расписку, господин директор, — почтительно, но твёрдо сказал я. Лицо директора снова приняло зловещее выражение.

— Я не уверен, что кто-то ещё из ребят не пришёл к такому же выводу. В этом случае я никогда не смогу доказать, что утечка информации произошла не от меня.

— Та-а-к. — Директор раздумывал, как меня наказать. — Та-а-к. За ношение оружия в стенах школы я отправляю тебя в Город амазонок для выполнения санитарно-технических работ.

— Господин директор, — я испугался не на шутку. — Накажите меня как-нибудь иначе. Я не заслужил такого позорного наказания.

— Нет. Именно такое наказание ты заслужил. Поработаешь на женщин. — И директор скривил губы в довольной улыбке.

Отец, узнав о наказании, был крайне недоволен решением директора.

— Мой сын — лучший ученик в школе, — причитал отец, — такое наказание не адекватно проступку.

Однако идти в школу и оспаривать наказание он не стал.

— Что ж, — сказал он, поразмыслив, — может, это и к лучшему. Хочешь не хочешь, но ты должен иметь некоторые знания о женщинах. Однако не забывай, что женщины совершенно иной вид мыслящих существ и могут

быть связаны с мужчинами только деловыми отношениями.

Мне показалось, что отца что-то очень беспокоило, но он не решался сказать, что именно.

Женщин я не видел ни разу. То есть я вообще-то их видел, так как они выполняли разные работы по уборке, стирке и всякой прочей муре, но они были закутаны в чёрные покрывала, лица закрывались специальными повязками, а на глазах были чёрные очки. Так что я не очень представлял, как они выглядят. Моё воображение рисовало что-то неопределённое. Женщины казались бы мне ужасными чудовищами, если бы не их голос: нежный, мелодичный, почему-то волновавший меня, как музыка.

Мои друзья очень жалели меня, а недруги радовались, что мне досталась принудительная работа у женщин. Это считалось в мужском обществе если и не позорным, то, во всяком случае, унижающим мужское достоинство.

Я очень страдал. Отец, видя моё состояние, решил со мной поговорить, чтобы помочь мне обрести равновесие.

— Сын, — сказал он, глядя на меня с решимостью каскадёра, — я знаю, что ты ни разу не видел женщин. Так вот, я хочу тебе показать, как они выглядят. — И он протянул мне старую фотографию.

— Это женщина? — удивился я. — Да она почти не отличается от мужчины.

— Это старая женщина. А вот женщина молодая.

Я взглянул на вторую фотографию: нежный овал лица, пухленькие губки, глаза, как у оленя. Кого-то она мне напоминала. Бог мой! Да она похожа на меня!

— А она красивая, — растерянно пробормотал я. — Кто это, папа? — спросил я.

Отец забрал фотографию назад:

— Да, ты прав, эта женщина красивая. — продолжал он, словно не услышав моего вопроса. — В этом смысле женщины такие же, как и мужчины: есть красивые, есть некрасивые. Но в отличие от мужчин они коварны и приносят несчастье.

— Не понимаю, если мужчина не может родить ребёнка без женщины, то почему мир так строго отделил их друг от друга? — задал я давно мучивший меня вопрос.

— Рождение детей — это не личное дело женщин и мужчин. При зачатии используются только их биологические материалы. Выбор материалов и вынашивание детей осуществляют врачи и учёные, — ответил отец.

— Но почему такие сложности?

— Причин несколько. А главные — две: необходимость отбора элитного биологического материала, благодаря чему рождаются только здоровые, умные и красивые особи, и защита прав гомосексуальных семей. Семьи должны быть в равном положении.

— О каких равных правах ты говоришь,

если гетеросексуальные семьи запрещены законом.

— Эти семьи постепенно исчезли сами собой, так как они дают случайное, а значит, неполноценное потомство, — не слишком уверенно проговорил он.

Объяснения отца меня совершенно не удовлетворили.

Аккуратный белый фургончик с яркими гербами нашего города приехал за мной в девять утра. Соседи с удивлением пялились на машину, которая, как всем было известно, курсировала между нашим городом Спарта и Городом амазонок. Как сквозь строй, прошёл я из двери моего дома до двери фургона. Организатор сантехнических работ, с которым я познакомился накануне, вышел из кабины фургона и открыл для меня его крытую часть.

— Там же темно, — попытался я протестовать.

— Там даже светлее, чем в кабине, — буркнул организатор.

«Вот, сволочь, — выругался я про себя, — повезёт меня, как заключённого». Однако организатор не обманул: крыша фургона была стеклянной. Но видеть из фургона я мог только небо.

Я лёг на деревянную скамейку, заложив руки за голову, и стал любоваться яркоголубым осенним небом. О том, что меня ждёт в Городе амазонок, я старался не думать.

Не знаю, может, я заснул, но только дорога не показалась мне долгой. Фургон остановился, и дверь моей тюрьмы распахнулась. Организатор работ подогнал машину вплотную к дому, так что из машины я оказался прямо у входа в двухэтажный дом, каких давно нет в нашем городе. Видно, амазонки здорово отстали от мужчин.

Однако в квартире, где я должен был чинить сантехнику, оборудование было на самом высоком уровне.

— У тебя что по саноборудованию? — спросил организатор и, кстати, уже не в первый раз.

— Я же Вам уже говорил: «отлично».

— Ну тогда справишься. Я вернусь через час-полтора. Если закончишь раньше, сиди здесь и жди. Ясно?

— А Вы куда?

— Куда-куда! Куда надо! — и он мне заговорщицки подмигнул.

Работа оказалась пустячная, я выполнил её минут за двадцать. И что мне делать дальше? В нерешительности походил по просторным комнатам, уютным и очень чистым. Подошёл к полкам книг. В нашем городе были только научно-технические книги. Но здесь на полках стояли совсем другие книги: толстые, в нарядных переплётах. Я вытащил одну из них наугад. Когда я раскрыл книгу, она чуть не выпала из моих рук: это были прекрасного качества репродукции картин каких-то неизвестных мне и, видимо, старых мастеров. Кар-

тины, относящиеся, вероятно, к гетеросексуальным временам человечества. Я увидел обнажённых женщин невероятной неземной красоты, мужчин, обращённых к ним с восхищением и восторгом. И это было так странно, так страшно и так притягательно, что я не мог оторваться от этого магического зрелища.

— Здравствуйте, — вдруг услышал я нежный женский голосок. — Вы кто?

В проёме двери стояла молоденькая девушка, тоненькая и воздушная, похожая на стрекозку. Я, как дурак, уставился на неё не в силах пошевелиться, не в силах вымолвить слово. Наконец, собрав всё своё мужество, с трудом выдавил из себя:

— Я приехал из Спарты починить вашу сантехнику.

Она смотрела на меня, ласково улыбаясь:

— Починили?

— Да. Жду организатора работ, — робко проговорил я.

Казалось, она не замечала моего смущения:

— Пойдёмте посмотрим, что у Вас получилось.

Она пошла по коридору к ванной комнате, а я на ватных ногах следовал за ней. И что удивительно: несмотря на крайнее замешательство, я не мог отвести глаз от её стройных ножек, гибкой талии, грациозной походки. Это было какое-то наваждение.

Быстрыми гармоничными движениями она проверила качество моей работы и, обернувшись ко мне, сказала:

— Всё прекрасно. Спасибо. — Потом, глядя

на меня как-то особенно, вдруг спросила, обращаясь на «ты»:

— Тебя как зовут?

— Алексей. А тебя? — я с облегчением почувствовал, что ко мне возвращается самообладание.

— Варя. Ты впервые в нашем городе?

— Да.

— Тебе здесь нравится?

— Да, — ответил я совершенно искренне.

— Какой ты красивый! — сказала она вне всякой логики. — А я нравлюсь тебе?

— Ты... — у меня пересохло во рту, — да, очень нравишься.

Она приблизилась ко мне и легко прикоснулась губами к моим губам:

— Прощай, мы не можем долго быть вместе, — и она исчезла так же внезапно, как и появилась.

Я растерянно плюхнулся на диван. Сердце билось, как от бега на стометровку. Я туго соображал, не понимая, что со мною произошло. Отец был прав: женщины просто колдуньи какие-то.

Сколько я так просидел, не знаю. Наконец, я успокоился и вспомнил про своего начальника. Куда он подевался? Часы показывали час пятнадцать. Он давно должен быть здесь. Не случилось ли с ним чего в этом опасном городе.

И тут стукнула входная дверь. Наконец-то. Я вскочил и побежал ему навстречу. Мне хотелось скорее убраться восвояси. К моему изумлению, это был не организатор работ. Мне

навстречу бежала Варя. Она была взволнована. Щёки пылали:

— Бежим... Скорее... — задыхаясь проговорила она, схватив меня за руку. — Скорее... — повторяла она, — скорее...

И я, ни о чём её не спрашивая, побежал вместе с нею, как послушный ребёнок.

Мы выскочили во двор, повернули за угол дома. Там на автомобильной стоянке стояла машина с работающим двигателем. Багажник машины был поднят.

— Скорее... Сюда... В багажник...

Я, не раздумывая, повиновался. Она закрыла багажник, и машина рванулась вперёд. Она гнала машину, как угорелая. Меня мотало из стороны в сторону. Но никакие сомнения меня не тревожили. Я всецело доверился ей. Я пошёл бы за нею куда угодно.

Наконец, машина успокоилась. Скорость движения значительно снизилась. Однако усилилась тряска. Бетонное полотно дороги сменилось сначала плитами, потом плотно утрамбованным грунтом. Ещё через некоторое время машина остановилась. Багажник открылся. Варя наклонилась ко мне:

— Алёша, ты как? Жив?

Я мгновенно выскочил на свободу.

— Да ты просто автогонщик, — старался я шуткой разрядить обстановку. Варя с усилием улыбнулась. Я оглянулся вокруг. Мы были где-то в лесу. Здесь царил полумрак. Верхушки сосен и елей уходили высоко в небо. Машина стояла, наполовину зарывшись в кустарник.

— Варя, ты же поцарапала свою машину.

— Ну и пусть. Давай продвинем её ещё поглубже, чтобы она не слишком была видна с дороги.

Мы толкали машину вперёд до тех пор, пока она не скрылась в зелени кустарника.

— Пойдём, — сказала Варя, взяв меня за руку. — Здесь недалеко. — В её голосе звучали тревожные нотки.

Всё происходящее походило на запутанный сон:

— Что случилось, Варя? От кого мы бежали?

— Полиция нравов арестовала твоего начальника. Это значит, что потом арестовали бы и тебя.

Не было ничего страшнее и позорнее ареста полицией нравов. Человек, подвергшийся такому испытанию, должен поставить крест на своей карьере, у него уже никогда не будет друзей. Он становится изгоем, неприкасаемым в обществе.

— За что его арестовали? Мы же просто выполняли работу по заказу ваших горожан.

— Его застали наедине с женщиной.

— Какой же это бред. Разве это не его личное дело?

— Нет. Это не его дело. Почему-то это дело властей.

Некоторое время мы молчали.

— Послушай, — начал я, — но Варя приложила палец к губам:

— Т-с-с, — прошептала она. — Мы почти пришли, но там может быть засада.

Мы раздвинули ветки ольхи, и я увидел полянку, на которой уютно расположились несколько домиков. Кругом было тихо и пустынно. Мы стали медленно прокрадываться дальше.

— Останься здесь, — распорядилась Варя. — Я пойду проверить, нет ли здесь полиции.

Я не возражал. Она вертела мною, как хотела. И это было так сладостно во всём ей подчиняться.

Она вернулась минут через пять.

— Всё в порядке. Никого нет. Пошли.

— Что это за деревушка? — спросил я. — Варя откликнулась не сразу.

— Здесь отдыхают наши женщины, — после некоторой паузы ответила она.

Мы подошли к симпатичному домику с большой открытой верандой. Она достала из-под коврика ключ и открыла дверь.

Домик встретил нас на удивление гостеприимно. Посреди большой комнаты возвышался камин, напротив которого стоял диван и два кресла. Пахло душистыми травами. Рядом с камином на специальной подставке лежали поленья берёзовых дров.

— Я разве ду огонь, — мою душу вдруг наполнила совершенно нелогичная беспричинная радость.

Она улыбнулась мне своей милой быстрой улыбкой:

— Хорошо. А я что-нибудь поищу поесть. Ты же не ел целый день.

Не прошло и получаса, а мы уже сидели у го-

рящего камина напротив друг друга. Нас разделял маленький столик, на котором стояли кофейник, две маленькие чашечки и сухарница, полная вкуснейших сухариков. Я грыз сухарики, слушал её голос, не вникая в смысл сказанного. Я был опьянён чувством, которое называют счастьем. Мне казалось, что никогда в моей жизни не было такого удивительного дня, словно всё это было воплощением моих мечтаний.

— Варя, — сказал я, — ведь наша встреча была невозможна. Это значит, что произошло чудо. А чудеса просто так не случаются. Это судьба, Варя.

— Да, — как эхо повторила Варя, — не случаются.

Варя убрала со столика чашки, кофейник. Оставила только сухарики, от которых я не мог оторваться.

Мы сели рядом на диван. Она взяла мою руку и приложила к своей груди (я внутренне ахнул от этого прикосновения).

— Ты слышишь, как бьётся сердце, — сказала она, — Я люблю тебя, Алёша. Сильнее, чем об этом можно рассказать.

Меня совершенно не удивило такое скоропалительное признание, потому что чувствовал то же, что и она.

— Варя, Варечка, — шептал я, прижимая её к своей груди, — мы больше никогда не расстанемся.

И вдруг мы услышали гул приближающегося мотоцикла. Варя вскочила с дивана и кинулась к двери. Она распахнула дверь, вслу-

шиваясь в опасный звук, который нарастал с каждой секундой.

— Это полиция. Беги к реке. Это прямо, под бугром. Там есть мостик. На той стороне реки уже ваша земля. Там ты в безопасности.

Но я не двинулся с места.

— Нет, я не могу тебя оставить.

— Тогда бежим вместе. Я — в лес, к машине, ты — к реке.

Мы выскочили на крыльцо. Но было поздно. Из-за кустов на полянку вынырнул двухместный полицейский мотоцикл.

Мы мгновенно запрыгнули назад в домик. На все запоры заперли дверь. Опустили жалюзи. В домике сделалось темно. Комнату освещал только гаснущий огонь камина.

— Беги, слышишь, беги, — указывая на окошко, обращённое в лес, повелительно скомандовал я. Варя открыла окно, легко перепрыгнула через подоконник и исчезла в густом кустарнике. Я поспешно закрыл окно, опустил жалюзи.

В дверь забарабанили.

— Эй, открывайте, дурни! Вам всё равно никуда не деться. Так что сдавайтесь.

— Я без боя не сдамся, — холодно ответил я. — Я вооружён. А вы не можете не знать, какие воины юноши Спарты. Если вы хотите жертв, они будут. Пусть я погибну, но и вам не уйти живыми.

Воцарилось молчание. Потом один сказал:

— Да ну их к чёрту. Почему мы должны ризковать?

— Ребята, — примирительно сказал другой, — давайте просто поговорим.

— Я впустил вас в дом при одном условии: вы должны разоружиться. Вложите оружие в чехлы и оставьте на пороге дома.

К моему удивлению они подчинились. Увидев в дверной глазок, что они сложили оружие, я распахнул дверь и включил свет. Они вошли внутрь, одинаковые в своей нелепой форме, и удивлённо уставились на меня.

— Ты здесь один?

— Один. А кого вы ищете?

— А где девушка?

— Что?! — возопил я, как можно естественно.

— Но ведь здесь должна быть девушка?

— Что за бред вы несёте! Откуда здесь может быть девушка?

— Тогда, что ты здесь делаешь?

— Как что? Разве вам не сказали: я выполняю общественные работы по заявке Города амазонок.

Полицейские грубо и обидно загоготали.

— Что ты выполнял здесь общественные работы, мы не сомневаемся. Эти домики для того и построены. Вот только где твоя партнёрша по этому тяжкому труду?

«Вот уроды!» — если бы мог, я растерзал бы их на куски. Утешало одно: они не знали, какая девушка была со мной.

— Общи дом, — приказал старший.

Но Вари в доме давно не было. Я думаю, что она уже успела добежать до своей машины.

— Её нет. Наверное, она сбежала.

— Предполагать можно всё, что угодно, — фыркнул я. — Но для суда нужны доказательства.

— Ладно, чёрт с тобой. Но как-нибудь ты нам всё-таки попадешься.

— Вот тогда и поговорим, — презрительно процедил я сквозь зубы.

Я вернулся домой, когда совсем стемнело. Отец был не на шутку встревожен.

— Где ты был? Почему так поздно?

Я наплёл ему какую-то небылицу.

— Ладно, завтра разберёмся. — сказал он. — Объясни мне только, почему ты не вернулся домой вместе с организатором сантехнических работ?

Вопрос отца просто сразил меня.

— А когда он приехал в Спарту? — спросил я, вдруг осознав, как меня надула Варвара. Наверное, потешалась надо мною, олухом.

— Да днём ещё, часа в два, — мрачно ответил недовольный отец.

Ночью меня разбудил мобильник: звонила Варя. Мне показалось, что она плачет:

— Алёша, — всхлипывала она, — прости меня за то, что я тебя обманула. Но мне так хотелось побыть с тобой, а другой возможности не было.

Я был счастлив, что она позвонила, и сра-

зу забыл все свои напасти. — Варя, Варечка, — шептал я в трубку, — пожалуйста, не плачь. Никакой это не обман. Обман приносит беду. А мы счастливы. Мы навсегда теперь вместе.

— Нет, Алёша, мне кажется, что с нами случилось всё самое ужасное. Ведь мы с тобою только вдвоём, и весь мир против нас. Они убьют нашу любовь.

— Они не смогут. Потому что любовь мужчины и женщины бессмертна.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

О том, что её разыскивают одноклассники, Наталья Борисовна, заместитель финансового директора фирмы «Орион», узнала совершенно случайно. От своей секретарши Ани, которая всё свободное время проводит в Интернете. Почему-то (видно, всё-таки предчувствие не пустой звук) в последнее время она часто вспоминала ребят из десятого «В». С момента окончания школы прошло больше двадцати лет, и все эти годы она старалась забыть об этом периоде своей жизни. Но разве возможно забыть, что тогда весь класс ополчился против неё. Они считали, что это из-за Наташи Антон расстался с Верой, что из-за неё Вера пыталась покончить с собой. Наташа не могла, не хотела оправдываться перед всем классом. Ей казалось, что хоть кто-нибудь из ребят должен мыслить здраво. Но никто, даже Антон, не встал на её сторону. Никто не хотел знать, что на самом деле случилось. Козлом отпущения они выбрали её. Боже, как они издевались над ней, как преследовали её! Её семье даже пришлось переехать в другой район, и аттестат она получила в другой школе.

И вот теперь Наталья Борисовна ехала на встречу со своими учителями. Они почему-то хотели видеть её. И ей вдруг захотелось тоже увидеть их. Встреча была назначена в школе. Организатором встречи была старо-

ста их класса, Катя Болотина. Наталья Борисовна помнила её худенькой, быстрой в движениях, напористой и безапелляционной. Она была уверена, что Катя сделала хорошую карьеру. Но не могла представить себе, как она выглядела теперь, когда ей уже под сорок. Наталья Борисовна также совершенно не представляла, как выглядит теперь Антон, потому что с того далекого дня, когда она распрощалась со своей школой, она не видела его и ничего не слышала о нём.

Наталья Борисовна поставила машину далеко от школы, чтобы пройти пешком по когда-то милым сердцу местам, где она не была двадцать лет. И хотя всё кругом изменилось и она с трудом узнавала родные места, картины той далёкой жизни навалились на неё тяжким грузом. Вот парк, где они встречались с Антоном, деревья в парке выросли и теперь смыкались над головой могучими ветвями; вот арка, ведущая во двор, всегда, даже и в те времена, заставленный машинами; вот подъезд, где они впервые поцеловались...

Внезапный порыв ветра швырнул колючий снег ей в лицо. Спасаясь от ветра, Наталья свернула на боковую дорожку парка, где уже ступились ранние зимние сумерки. Было тихо и пустынно. Иногда ей навстречу неторопливо двигались неясные тени с собачками на поводке или обгоняли спешащие прохожие, очень похожие друг на друга: поднятые плечи, носы уткнуты в воротники. И

потом — ни души. Только она одиноко спешит по засыпанной снегом тропинке.

Ветер всё усиливался. Снежинки закружились у её лица, запорошили глаза. Наталья зажмурилась, и когда открыла глаза, увидела, что навстречу ей по тропинке шагает высокий мужчина, одетый в длинное тёмное пальто и без головного убора. В первое мгновение ей показалось в его фигуре что-то знакомое. Но чем более он приближался, тем более она испытывала тягостное тревожное чувство, непонятное ей самой. Она оглянулась, нет ли поблизости прохожих, но никого не было видно. Она сунула руку в карман, где лежал травматический пистолет, который по совету охранника своего отца всегда носила с собой. Несмотря на настояния отца, Наталья Борисовна пользовалась охраной крайне редко, потому что это казалось ей невероятной пошлостью, жалким снобизмом и глупостью. Всем ясно, что от профессионала-убийцы спастись нельзя, а с пьяными хулиганами она никогда не встречалась, так как ездила на машине и по местам, где эти личности не прогуливаются.

Фигура неумолимо приближалась, ей казалось, что мужчина не спускал с неё глаз. На узкой тропинке разминуться было невозможно. Стараясь придать своей осанке уверенность и спокойствие, Наталья шла вперёд, не обращая на него внимания. Странная убежденность, что, если бы ей грозила смертельная опасность, она бы обязательно по-

чувствовала это, придавала ей силы. Неожиданно краем глаза она увидела, что мужчина замедлил шаг, он почти остановился, словно поджидая её приближения. Когда до этой неподвижной...фигуры...оставалось...несколько шагов, Наталья Борисовна бесстрашно посмотрела в его глаза.

— Наташа, здравствуй! — сказал знакомый голос.

Наталья ошалело вглядывалась в бледное замкнутое лицо мужчины.

— Кто вы? — наконец, выговорила она.

— Не узнала? — мужчина горько усмехнулся.

— «И в наказание за грехи послали боги нам забвенье» — процитировал он чьи-то стихи.

И в это мгновение она узнала его:

— О Господи! Антон... Как же ты изменился...

— Разочарована? А ты, как всегда, прекрасна. Так что же ты здесь делаешь?

— Я бегу в нашу школу на встречу одноклассников. А вот почему ты направился в противоположную сторону?

— А я бегу подальше от этой встречи.

— Почему?

— Я хотел встретиться с тобой.

— Не понимаю, как ты мог знать, что я пойду этой дорожкой. — Антон усмехнулся. — Ну что ж, поворачивай оглобли, — продолжала она, — Явимся в школу вместе, как в старое доброе время.

— Да, это будет сенсация. Послушай, Наташа, — вдруг неловко проговорил Антон, — давай не пойдём в школу. Наша встреча здесь,

в тёмной аллее парка, не случайна. Видно, судьбе угодно, чтобы мы поговорили, объяснились, поставили точки над «I».

— Какие могут быть объяснения, когда прошло больше двадцати лет.

— У нас есть о чём поговорить. Да и эту бурю надо где-то переждать.

— Ладно, пойдём, — сказала она, понимая, что расстаться с ним всё равно не в силах. Желание обнять его, прижаться к нему нарастало. — Только где нам поговорить?

— Иди за мной. Я знаю одно место. Здесь недалеко.

Она протянула ему руку, но он как будто не заметил этого жеста. Слегка согнувшись, он пошёл вперёд, рассекая ветер. Она двинулась за ним следом.

Деревянную избушку, выросшую на их пути, она заметила не сразу: обзор загораживала спина Антона. Но вот он остановился, пропуская её вперёд, и тогда она увидела ветхое строение с подслеповатыми окошками и скобоченной дверью.

— Что это за избушка? Бабы Яги? — спросила она.

Антон не ответил. Он поднялся по шатким ступенькам и распахнул незапертую дверь. Большая ворона испуганно вылетела из-под навеса. Наталья послушно последовала за ним. В домике было темно, пахло прогнившим деревом. Странно, но холод и шум ветра снаружи почему-то не проникали внутрь. Когда её глаза привыкли к темноте, она увидела

просторную, почти пустую комнату с колченогим столом и тремя табуретками — под окном, деревянную качалку и стул с высокой прямой спинкой — у стены.

— Проходи. — Антон указал ей на качалку.

— Где мы? — снова спросила Наталья.

Антон неопределённо махнул рукой:

— Случайно сохранилась. Мы детьми здесь часто играли.

Прежде чем сесть в качалку, Наталья прошла по комнате, рассматривая почерневшие бревенчатые стены, прогнившие доски пола. Неожиданно у стола она заметила блестящую, словно отполированную, монетку, подняла её, внимательно рассмотрела.

— Смотри, что я нашла, — показала она Антону свою находку. — Я возьму её себе на память о нашей встрече.

Он молча кивнул. Она подошла к нему, заглядывая в печальные потухшие глаза:

— Ты изменился.

— Да, изменился.

— Нет, ты не понял. Не внешне, это, естественно, возраст. Но ты стал совсем другим человеком. Как будто вся твоя энергия умерла. — Он вскинул на неё глаза, в них что-то мелькнуло. — Да, тот юноша, которого я так любила, умер. Его больше нет.

— Да, — повторил он, — его нет. Но его любовь здесь, с тобой рядом. Прости меня за то зло, которое я тебе причинил. Я перед тобой в неоплатном долгу. И должен для тебя хоть что-нибудь сделать. Садись, — он указал на качалку. — Хочу тебе кое-что сказать.

Она осторожно присела на кончик качалки, выжидательно посмотрела на Антона. Он опустился рядом с нею на стул и слегка качнул её качалку. Она откинулась на спинку, продолжая вглядываться в его лицо, и ждала, что вот сейчас он обнимет её, прижмёт к своей груди, поцелует. Но Антон неподвижно сидел на своём стуле. И говорил совсем не о том, о чём она хотела услышать.

— Твой отец очень болен, — вдруг сказал он. — Ты должна готовиться к худшему.

— Да, — встрепенувшись, глухо откликнулась она, — я знаю. Но откуда это известно тебе?

— Я знаю о тебе всё. Ты в опасности, Наташа. И я обязан тебе помочь.

— О чём ты? — не поняла она.

— Молчи и просто слушай. Ты экономист и поймёшь меня без труда. Когда я закончу, ты сможешь задать мне вопросы.

У твоего отца есть компаньон, Веткин. Когда твоего отца не станет, Веткин предъявит тебе завещание, в котором всё своё состояние отец оставляет ему. Всё, кроме квартиры, дачи, небольшой суммы денег. Это — тебе. Так вот: завещание сфальсифицировано. Твой адвокат это сразу же заметит и предложит тебе обратиться в суд о признании завещания недействительным. Но ты откажись. Тебе не нужно судиться с мошенником. Он опасен и убьёт тебя, если ты станешь у него на пути.

Наталья молча слушала Антона. Он наклонился к ней, тихо спросил:

— Тебе всё понятно? Хочешь о чём-нибудь спросить?

— Ты представляешь интересы Веткина? — спокойно спросила она.

— Нет, я защищаю тебя, Наташа, от беды.

— Ты советуешь мне отдать всё, что с таким трудом заработал отец, этому мошеннику?

— Только так ты спасёшь свою жизнь. Но знай: он не сумеет воспользоваться украденным. Мир очень скоро изменится. Радикальным образом изменятся имущественные отношения в обществе.

— Ты это серьёзно?

— Мировой кризис закончится возникновением другой экономической системы. Ты скоро сама всё увидишь. Общество поставит ограничители в правах собственника. Собственностью можно будет распоряжаться только в общественных интересах.

— Но это уже было при социализме...

— Не совсем. При социализме частная собственность была вообще запрещена. Но, в общем, ты права. В мире не бывает ничего нового, только хорошо забытое старое.

— Я не верю в идеи, которые рождают неудачники.

Антон усмехнулся:

— Идеи рождают не люди, а жизнь. Просто сейчас жизнь сложилась так, что у человечества нет другого выхода. Иначе безудержное ненасытное потребление опустошит землю, и никакие технологии не смогут удовлетворить даже малые потребности человека. Без этих ограничителей невозможно сохранить жизнь на земле.

— Значит, и деньги будут играть другую роль?

— И деньги тоже. Они вернутся к своему древнему предназначению, но только под контролем обще-

ства. И это будут совсем другие деньги. Нынешние обесценятся. Так что у компаньона твоего отца останутся ничего не стоящие бумажки.

— Послушай, ты всё это излагаешь серьёзно? Или это нынче такие шутки у бывших возлюбленных?

— Это очень серьёзно.

— Но откуда ты можешь всё это знать? И почему открываешь мне такие секреты?

— Мне разрешено встретиться с тобой и поговорить. Чтобы спасти тебя.

— Кто разрешил? Где ты теперь живёшь и работаешь?

— Не спрашивай меня, ладно. — В его тоне прозвучали прежние, такие милые и незабываемые интонации.

— Ах, Антон, — воскликнула она. — Я ничего не понимаю. Мы встретились через много лет, мы по-прежнему не равнодушны друг к другу, но ты даже не обнял, не поцеловал меня. Я уж не говорю о большем.

Антон поспешно вскочил со стула:

— Наташа, прости меня. Мне пора. Моё время истекло. Прощай и помни меня. И знай, что я очень тебя любил. А теперь идём.

Он порывисто распахнул дверь и почти выбежал из избушки. Наталья последовала за ним. Ветер стих, но снег продолжал сыпать, толстым пушистым слоем покрывая землю.

Антон быстро шёл вперёд. Наталья едва за ним поспевала. Вот они вышли на тропинку, где недавно встретились, и Антон, обернувшись к ней, быстро невнятно проговорил:

— Прощай, любимая. Не забудь о том, что я тебе рассказал. Сделай всё так, как я велел. Так ты спасёшь свою жизнь. Так ты сделаешь свою жизнь счастливой.

И не успела Наталья осознать, что произошло, как Антон исчез в пелене снегопада.

Она не помнила, как дошла до стоянки, где оставила машину. Влезла внутрь. Замерла, откинувшись на спинку сиденья. И сидела так долго, ни о чём не думая, глядя на летящие бесчисленные снежинки. Потом глубоко вздохнула и решительно повернула ключ зажигания.

Когда она открывала дверь в квартиру, то услышала настойчивый звонок телефона. На снимая пальто, она кинулась к аппарату, жадно прильнув к трубке, но это был не Антон.

— Будьте любезны, попросите к телефону Наталью Борисовну, — сказал незнакомый женский голос.

— Я слушаю, — Наталья не могла скрыть разочарования.

— Наташа, это Катя Болотина. Мы все так ждали тебя в школе, а ты не пришла...

— Извини, Катя. Ведь я приехала к школе, но случилось непредвиденное. Я встретила Антона. Мы не виделись двадцать лет. Вот и проболтали всё это время.

На том конце линии воцарилось долгое молчание.

— Алло, Катя, ты здесь? Почему молчишь? Я же извинилась...

— Я не поняла... — растерянно пробормотала Катя.

— С кем ты встретилась?

— С Антоном.

— Зачем ты так, Наташа...

— Не понимаю, что тебя так удивило.

— Как ты могла встретиться с Антоном, если он умер пять лет назад!

— Что?! Что за чушь ты несёшь? Я с ним только что рассталась!

— Это был не Антон. Мы его давно похоронили.

— Это был Антон. Разве я могу его с кем-то спутать?

— Значит, кто-то из нас сошёл с ума. — Где же вы были всё это время? В ресторане?

— Нет, мы нашли какую-то ветхую избушку в западной части парка.

— Ты шутишь? Там действительно была избушка, но её давным-давно снесли.

— Значит, действительно, я сошла с ума. — Они помолчали — Слушай, давай сейчас же съездим к нему на кладбище. Где он похоронен? — спросила Наташа.

— На Воскресенском кладбище.

— Я подхвачу тебя по дороге.

Катю Болотину Наталья узнала сразу, хотя та очень располнела и выглядела эдаким колобочком. То недоброе, что было между ними двадцать лет назад, теперь бесследно исчезло. Они кинулись друг другу в объятия, с чувством расцеловались, на глазах у обеих навернулись слёзы. Пока они ехали до кладбища, они говорили о странном происшествии, случившемся с Наташей. И не могли найти этому объяснения.

Кладбище ещё не закрылось, народу было немного, большинство двигалось к выходу. Они быстрым шагом прошли по главной аллее до поворота, потом стали продвигаться медленнее, чтобы не пройти мимо могилы.

— Наташа, стой, кажется здесь. — Катя шагнула за одну из оград. — Да, вот она, могила Антона.

Они остановились, глядя на запылённый снегом холмик, на котором возвышался невысокий скромный памятник. Наташа вынула из сумочки фонарик и осветила фотографию Антона. Антон был совершенно такой же, как на сегодняшнем свидании с ней. И взгляд был точно такой же: тусклый, лишённый внутренней энергии.

— Ну, что? — нетерпеливо спросила Катя.

— Это он. Сегодня я встречалась с ним.

— Как же это понять?

Наташа склонилась над памятником и прошептала:

— Антон, как же мне всё это понять? Ты действительно приходил ко мне, чтобы спасти меня? Или, может, это была вызванная воспоминаниями галлюцинация?

— Пойдём, Наташа, он не ответит тебе ничего. Это была галлюцинация. Ответ на те детские переживания. Прости нас, Наташа. — И Катя ладонью смахнула набежавшие слёзы.

— Сейчас. Постой.

Наталья перчаткой стряхнула снег с мраморной плиты и увидела эпитафию: « И в наказание за грехи послали боги нам забвенье...», а под эпитафией приклеенную к памятнику блестящую монетку, точно такую же, какую она увидела сегодня в той таинственной избушке, которую, оказывается, давным-давно снесли.

Наташа опустила руку в карман и погладила гладкую холодную поверхность монетки.

СОДЕРЖАНИЕ

Свекровь	3
Илья и Соня	14
Музей современного искусства	29
Смерть Клунского	41
Экстрасенс	61
Новогодние сны	74
Однажды ночью	90
С любимыми не расставайтесь...	105
Тайная жизнь города	118
Испытание	130
Страсти молодых	140
Специалист по решению проблем	156
Рождение шедевра	170
Постмодерн	186
Парадоксы любви	200
Кольцо императрицы	211
Город Амазонок	225
Предсказание	243

Галина Александровна
Романовская

РАССКАЗЫ

Директор АНО «ОСЛН» Л.Г. Рудин
Корректор Л.И. Смирнова
Тех. редактор А.Е. Успенский
Вёрстка Д.С. Найдина

Подписано в печать 11.10.2010.
Формат 70x100 1/32.
Объём 8 п.л. Тираж 500 экз.
Заказ

Издательство
«Общество сохранения литературного наследия»
«ОСЛН» www.osln.ru
Москва, 109044, а/я 22; e-mail: litnas@mail.ru
Тел.: (495) 589-81-33, тел/факс 671-99-64.

Автор и издательство будут благодарны за отзывы на книгу.
Почтовый адрес для писем: 109044, Москва, а/я 22;
e-mail: litnas@mail.ru

ISBN 978-5-902484-30-1

9 785902 484301